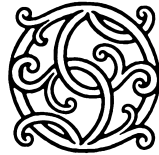

DJANGO WEXLER

THE THOUSAND NAMES

St. Petersburg
Fantastika Book Club Publishers
2018

ДЖАНГО ВЕКСЛЕР

ТЫСЯЧА ИМЕН

Санкт-Петербург
«Издательство Фантастика Книжный Клуб»
2018

УДК 82/89
ББК 84.7 США
В 26

Django Wexler
THE THOUSAND NAMES
Copyright © Django Wexler, 2013

All rights reserved

Перевод с английского Татьяны Кухта

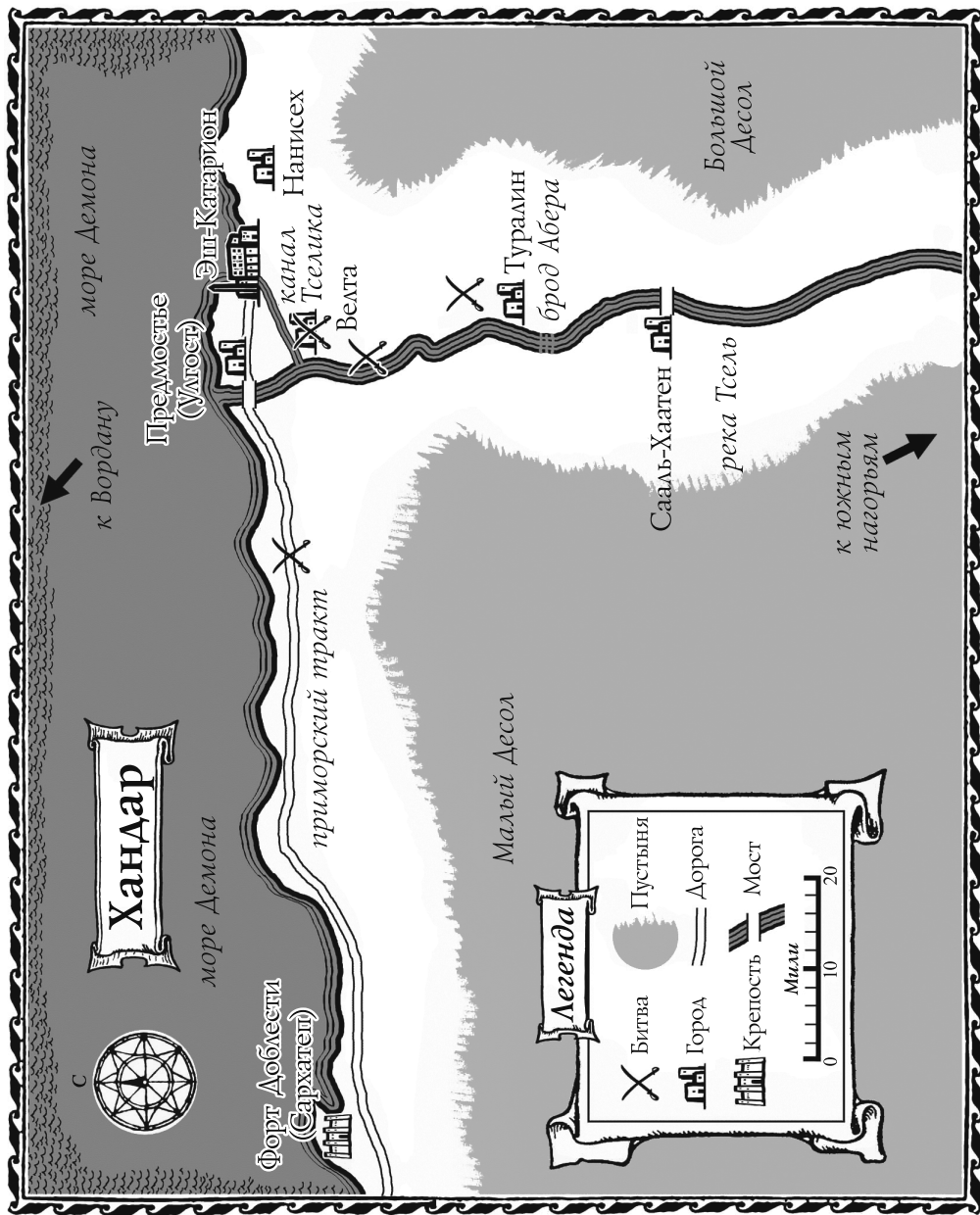
Иллюстрация на обложке Сергея Григорьева

ISBN 978-5-91878-264-4

© «Издательство Фантастика
Книжный Клуб», 2018

Рэйчел и Стэнли, которые верили

ПРОЛОГ

ДЖАФФА

Новые правители Хандара собрались в общем зале блюстителей, вооруженных дубинками стражей закона и порядка, которые в городе Эш-Катарион сейчас были наиболее близки к понятию «гражданские власти». Неказистое, слабо освещенное помещение располагалось в самых недрах старинной городской кордегардии. Джаффа дан-Ильн, будучи Главным блюстителем, оказался формально главой предстоящего собрания, и он приложил все силы, чтобы привести зал в подобающий вид, выгреб оттуда скопившийся за десятилетия мусор, колоды карт, игральные кости и разрозненные бумаги. Не в его силах было, однако, скрыть прорехи и заплатки на коврах и стенах из песчаника, лишенные всяческих украшений, если не считать таковыми художества, что за долгие годы выпарапали томящиеся от скуки блюстители. Стол, сколоченный из дешевых досок, щедро покрывали пятна, а разномастные кресла сволокли сюда практически из всех комнат кордегардии. Джаффа переставил книжные шкафы и прочую мебель, чтобы по крайней мере прикрыть самые скабрзные образчики настенных художеств.

Трель колокольчика на лестнице возвестила о прибытии первого гостя. Генерал Хтоба вошел в зал осторожно, как будто подбираясь к логову врага. Он был одет по всей форме, в бурого цвета брюки и мундир поверх белой рубашки, плечи сообразно рангу обшиты золотой бахромой. Слева на груди — вышитый второпях алый знак в виде широкого клина, символ костров Искупления. Сбоку у бедра — меч, столь щедро изукрашенный золотой и серебряной филигранью, что при каждом движении генерала вспыхивал и искрился. По пятам за Хтобой следовали два аскера — также в мундирах, но менее нарядных.

Генерал огляделся с едва скрываемым отвращением, выбрал наименее шаткое кресло и сел, невнятно буркнув что-то взамен приветствия. Офицеры заняли места по обе стороны от своего командира — как будто опасались неприятностей.

— Добро пожаловать, генерал, — сказал Джаффа. — Не желаете чем-нибудь освежиться?

Генерал нахмурился. Лицо его с густыми кустистыми бровями и пышными висячими усами было словно создано для того, чтобы хмуриться. Когда он заговорил, во рту его заиграли бликами золотые зубы.

— Нет, — отрезал он. — Я желаю только одного — как можно скорее со всем этим разделаться. Где эти треклятые священники?

Вновь зазвонил колокольчик, словно отзываясь на это незначительное богохульство. С лестницы донеслись звуки множества шагов, а затем в зал нестройной толпой вошли члены Серафического совета.

Джаффа с детских лет привык к тому, как должны выглядеть священнослужители — либо старцы, бородатые и дородные, в вызывающе ярких зеленых и пурпурных рясах, либо женщины, с подчеркнутой скромностью укутанные в шелка. От нынешних представителей священства, от этих юнцов с безжалостными глазами и в строгих черных облачениях, ему становилось не по себе. Среди них не было ни единой женщины: ни скромной, ни бесстыжей. Возглавлял это шествие молодой человек с коротко подстриженными волосами и шрамом под глазом, усевшийся к столу напротив генерала. Сподвижники остались стоять за его спиной.

— Я — Ятчик дан-Рахкса, — проговорил он. — Волею Длани Господней я назначен главой Небесных Клинков, дабы провести окончательное очищение наших земель от чужестранной скверны.

«Ятчик дан-Рахкса» означало «ангел победы» — имя, по мнению Джаффы, вполне подходящее. Поветрию брать имена ангелов положил начало сам Длань Господня, когда наименовал себя «Вале дан-Рахкса» — «ангел мести». Судя по тому, как стремительно расширялся Совет, его члены должны были вскорости испытать серьезную нехватку ангельских имен. Интересно, подумал Джаффа, что произойдет, когда они исчерпают запас мужественных, грозных имен и в их распоряжении останутся только «ангел сестринской любви» или «ангел мелких ремесел»?

Генерал Хтоба встал на дыбы:

— Это самое очищение следовало начать еще пару месяцев назад. Треклятые ворданаи были готовы упасть в наши руки, точно спелый плод, но нет — им позволили удрать! Теперь за то, чтобы изгнать их окончательно, многим правоверным придется заплатить жизнью.

— Истинно правоверные всегда готовы пожертвовать жизнью ради блага Искупления, — отозвался священник. — Впрочем, генерал, я полагаю, что вы преувеличиваете сложность предстоящего дела.

— Преувеличиваю? — Хтоба насупился. — Может, тогда попробуйте одолеть стены Сархатепа без помощи моих пушек?

Ятчик одарил его блаженной улыбкой:

— Стены не препятствие для воли Небес.

— Стало быть, служители Небес научились летать?

— Почтенные господа, — вмешался Джаффа, — прежде чем мы приступим к разговору, я хотел бы напомнить, что наш совет собрался еще не в полном составе.

— О да, разумеется! — растягивая слова, проговорил генерал. — Непременно нужно узнать, что скажет нам шайка пустынных мужеложцев-конокрадов!

— Боги дорожат всеми своими детьми, — возразил Ятчик, — и хвала воздается всем, кто служит Искуплению.

Колокольчик прозвенел в третий раз — прежде чем Хтоба успел что-либо ответить. Последний член совета прошел по лестнице совершенно бесшумно, и его появление в зале сопровождалось лишь едва уловимым шорохом шелка. Он был с головы до ног одет в черное, просторные одеяния согласно обычаю десолтаев стянуты на талии, запястьях и лодыжках, голова обернута черным шелковым шарфом. Лицо вновь прибывшего целиком скрывала знаменитая маска — безыскусный овал из матовой стали с двумя квадратными прорезями для глаз.

Это был Малик дан-Белиал, Стальной Призрак, вождь пустынных племен. Он занял свое выдающееся положение задолго до того, как началось Искупление. Разбойничьи набеги десолтаев Малика долгие годы донимали и принца, и ворданаев, а сам Призрак давно стал героем доброй сотни историй, передаваемых друг другу шепотом. Поговаривали, что под стальной маской у него и впрямь нет лица, одна лишь непроглядно-черная бездна, и что он продал свою душу некоему демону за дар предвидения.

Когда Малик вошел, ни генерал, ни священник не приподнялись с места, а потому приветствовать его выпало Джаффе. Главный блюститель встал и поклонился.

— Малик, — проговорил он. Стальной Призрак никогда не претендовал на иное имя или титул. — Добро пожаловать! Присаживайся, прошу!

— Да, добро пожаловать, — отозвался Ятчик. — Мы тут как раз обсуждали планы окончательного уничтожения ворданаев. Быть может, тебе захочется что-либо сказать по этому поводу?

— Слишком поздно, — проговорил Призрак. Голос его, отягощенный жестким пустынным выговором, скрипел, точно шелк о сталь. — Флот расхемов, транспортные суда и военные корабли, уже здесь.

— Я об этом ничего не слышал, — сказал Хтоба. — Откуда у тебя такие сведения?

Призрак вперил в генерала бесстрастный, безразличный взгляд:

— Флот появился в зоне видимости вчера вечером.

Хтоба поджал губы. Стальной Призрак всегда проявлял изумительную способность знать больше, чем ему следовало бы. Вполне вероятно, что какой-то всадник на быстром коне, меняя лошадей, проскакал по береговой дороге сотни миль, отделявших Сархатеп от столицы, однако подчиненные Хтобы, вне всяких сомнений, следили за этой дорогой и ничего подобного не заметили. Это могло означать одно из двух: либо гонец-десолтай проделал тот же путь напрямик, через заросли и пустоши Малого Десола, либо же Стальной Призрак и впрямь владеет некоей загадочной магией.

— Это еще нужно будет уточнить, — вслух заметил генерал. — Если то, что ты говоришь, — правда, мои курьеры доставят эту новость к завтрашнему утру.

— И даже если так, — вмешался Ятчик, — нам ничего не известно о намерениях ворданаев. Быть может, они собираются проявить рассудительность и вернуться к себе на родину.

Хтоба оскалил зубы:

— И тогда выходит, что мы лишились возможности отомстить иноземцам и экспотераям, их верным лизоблюдам.

— Искупление свершилось, и этого вполне достаточно, — сказал священник. — Не следует проливать крови больше, чем нужно.

Джаффа видел могильные ямы на огромной площади перед дворцом. По всей вероятности, Ятчик сказал бы, что и эти смерти были необходимостью.

— Они не покинут наших берегов, — заверил Призрак. Генерал и священник разом повернулись к нему. — Транспортные суда разгружаются. Солдаты, пушки, огромное количество припасов.

— Сколько там солдат? — резко спросил Хтоба, позабыв, что еще недавно не желал верить сведениям Призрака.

— Три тысячи, возможно, четыре.

Генерал презрительно фыркнул:

— Чего они рассчитывают добиться с такими малыми силами? Неужели настолько обезумели, что надеются устоять против Искупления? Да только одни аскеры превосходят их числом.

Призрак пожал плечами.

— Быть может, они намерены просто удерживать Сархатеп, — заметил Ятчик. — Если это так — милости просим. Все равно так далеко на побережье нет ничего ценного.

— Нет, — сказал Хтоба, — нельзя допустить, чтобы ворданаи закрепились на нашей земле. Мы должны оросить песок ворданайской кровью и битком набить судно ворданайскими головами, чтобы отправить его ворданайскому королю. Пускай усвоит, как глупо посылать против нас войска.

— В таком случае, — проговорил Ятчик вкрадчиво, как змея, — готов ли ты выступить против ворданаев?

Хтоба застыл. Джаффа ясно видел уготованную ему западню. Куда больше, чем иноземцев, генерал опасался священников. Если он выведет свой корпус из города и ослабит силы в сражении — где гарантия, что по возвращении его ждет дружеский прием?

— Друзья мои, — вслух сказал Джаффа, — в городе до сих пор беспокойно. Не все приняли Искупление. Вполне возможно, что расхемы просто собираются переждать, а если это так — предлагаю и нам сделать то же самое.

— Верно! — подхватил Хтоба. — Мои солдаты нужны здесь, чтобы поддерживать порядок.

На самом деле хмельные аскеры скорее наносили ущерб общественному порядку, нежели помогали его поддерживать, но у Джаффы хватило ума об этом промолчать. Ятчик улыбнулся:

— Стало быть, генерал, вы целиком и полностью разделяете мою точку зрения.

Хтоба что-то буркнул, неохотно признавая его правоту. Джаффа обратился к Призраку:

— Можем ли мы рассчитывать на то, что ты и впредь будешь нам сообщать о передвижениях иноземцев?

Малик дан-Белиал едва заметно склонил голову в маске.

— И все же, — сказал он, — я не думаю, что иноземцы останутся сидеть в Сархатепе.

— Почему? — спросил генерал, которому явно не терпелось поскорей завершить совет.

— Один из тысяч прибывших обладает истинным могуществом. Абх-наатем. Вряд ли он отправился в столь дальний путь без необходимости.

Хтоба снова презрительно фыркнул:

— Значит, ворданаи выслали против нас колдуна? Поглядим, окажутся ли его чары сильнее наших пушек.

— Никакая магия расхемов не способна устоять перед мощью богов, — подхватил Ятчик. — Тем, кто верит в Искупление, нет нужды опасаться демонических чар.

Призрак лишь снова пожал плечами.

Солнце опускалось к горизонту, когда Главный блюститель вошел в трущобы Эш-Катарiona. Разукрашенный плащ и жезл, который являлся символом его власти, он сменил на одеяние торговца — грубую коричневую накидку, подпоясанную веревкой, — а у бедра его покачивалась массивная дубинка.

В городе существовали кварталы, на которые власть блюстителей никогда не распространялась, кроме как номинально, и место, куда направлялся Джаффа, как раз было одним из них. Некогда между стражами закона и его нарушителями существовал негласный уговор. Преступники вершили свои темные дела без лишнего шума и заботились о том, чтобы трупы, время от времени проплывавшие по реке, ни в коем случае не были при жизни богатыми либо влиятельными господами. Взамен блюстители закрывали глаза на преступные деяния.

Этот хрупкий мир канул в небытие с приходом Искупления — вкупе со всеми неписаными законами, на которых держалась жизнь древнего города. Одни трущобы практически обезлюдели, так как нищий сброд толпами хлынул под знамена искупителей. Другие превратились в вооруженные лагеря, и после налетов и ответных вылазок на улице зачастую валялись трупы — на потеху стаям диких псов.

Поэтому Джаффа шел, положив руку на дубинку, и грозно поглядывал на немых ребятишек, которые следили за ним из-за дверей и проулков. Редкие взрослые, попадавшиеся ему на пути, шагали торопливо, опустив глаза, всем видом показывая, что поглощены собственными делами. Этот трущобный квартал, который по причинам, известным только историкам, назывался Висячим Садам, был одним из тех, где ревностнее всего предавались делу Искупления. Жилища людей, последовавших за священным пламенем, мгновенно заполнили орды юных бродяг, постоянно ищущих место для ночлега, где их не побеспокоят воры, сводники или блюстители.

Вместе с этими самовольными поселенцами в квартале появились и другие — те, кто стремился скрыться от новых правителей Эш-Катарiona. С главной улицы, где из утрамбованной земли местами торчали булыжники бывшей мостовой, Джаффа свернул в узкий переулок. Извиваясь змеей, поворачивая то вправо, то влево, улочка наконец вывела его в неправильной формы внутренний двор.

Здесь еще сохранились остатки древних архитектурных изысков столицы, благополучно пережившие настырный натиск лет и непрекращающийся спрос на тесаный камень. Посреди двора располагался широкий, давно высохший фонтан, за которым присматривало выдавшее виды изваяние божества, раскинувшего каменные руки в благословляющем жесте. Время и непогода трудились над его лицом до тех пор, пока черты божества не стали совершенно неузнаваемыми. Двор до сих пор был вымощен неровными плитами, и в щелях между ними пробивалась жесткая колючая трава.

Именно здесь, в этом потаенном дворе, ожидали главу блюстителей последние истинные служители богов. Джаффа подошел к плетеному креслу, стоявшему у фонтана, и упал на колени, низко опустив голову.

— Приветствую тебя, дитя мое.

Женщина, сидевшая в кресле, была, несмотря на весеннюю жару, закутана в плащ с капюшоном, скрывавшим лицо, кисти рук обмотаны белыми бинтами. Голос ее был сухим и скрипучим, безжизненным, точно голос самой пустыни.

— Святая Мать, — пробормотал Джаффа, не отрывая глаз от растрескавшихся плит двора. — Я пришел рассказать о совете.

— И похоже, не ограничился только этим. — Шелестящий звук, который донесся из-под капюшона, вполне мог сойти за смешок. — Онвидаэр, приведи нашу гостью.

За спиной у Джаффы раздался испуганный вскрик, затем — шарканье сандалий. Главный блюститель все так же пребывал в колено-преклоненной позе, на лице его крупными каплями проступил пот.

— Мать, я не в силах выразить словами своего раскаяния. Мне в голову не пришло, что...

— Встань, дитя, — промолвила женщина в плаще. — Ничего худого не случилось. А теперь поглядим, что за рыбка угодила в наши сети.

Джаффа поднялся на ноги и обернулся, едва не рухнув от облегчения. Позади него стояла девушка лет пятнадцати или шестнадцати, худая, с тонкими, как прутья, руками и ногами. Лицо ее покрывала грущобная пыль, и всей одежды на ней было — рваные штаны да грязная безрукавка. Немытые волосы сбились в колтуны.

Онвидаэр сжимал плечо девушки, без видимых усилий удерживая ее на месте. Он был молод, всего на пару лет старше своей пленницы, но мускулист и жилист, с медно-серой кожей, свойственной десолтаям. Лишь набедренная повязка прикрывала его наготу, оставляя на всеобщее обозрение широкие плечи и бугристую от мускулов грудь. В другой руке он держал кинжал с узким лезвием.

— Она следила за Джаффой, — объявил Онвидаэр, — почти все время, пока он шел сюда. Но ни с кем не разговаривала.

— Этаким жалкий уличный котенок, — проскрипела женщина в кресле. — Любопытно, однако, к какому дому она принадлежит?

— Ни к какому! — отрезала девушка. В глазах ее сверкал вызов. — Клянусь чем хотите, я ничего плохого не сделала. И за ним вовсе не следила!

— Ну-ну, остынь, — проговорила женщина. — Умерь свой гнев. На твоём месте я скорее стала бы просить о милосердии.

— Я не знаю, кто ты, и... вообще ничего не знаю!

— Мы весьма скоро выясним, так ли это. — Голова, скрытая капюшоном, повернулась. — Позови Акатаэра.

Громадная тень отделилась от стены позади старухи и обернулась безволосым гигантом в кожаных штанах до колен с помочами. Гигант согласно буркнул что-то и неспешно направился в дальний конец двора, к пустоте дверного проема, за которой маячили давно обезлюдевшие жилые покои.

— Итак, дитя, — сказала старуха. — Кто послал тебя сюда?

— Никто меня не посылал! — выпалила девушка, пытаясь вырваться из цепкой хватки Онвидаэра. — И я не дитя!

— Все люди — дети богов, — заметила старуха с неподдельным добродушием. — И мужчины, и женщины, и даже жалкие уличные котята. Боги дорожат каждым из своих детей.

— Отпустите меня, а? — В голосе девушки прозвучало отчаяние, и Джаффа сделал над собой усилие, чтобы не поддаться жалости. — Умоляю, отпустите! Я никому не скажу ни словечка...

Она осеклась, потому что безволосый гигант вернулся, и с ним шел костлявый мальчик лет одиннадцати-двенадцати в белой накидке. Мальчик был так же безволос, как его спутник, с серьезным не по возрасту лицом и яркими синими глазами. Он поклонился старухе, учтиво кивнул Джаффе и обратил взгляд на девушку.

— Мы узнаем, что ей известно, — промолвила старуха. — Онвидаэр...

Девушка метнула безумный взгляд на кинжал в руке Онвидаэра.

— Молю вас, не надо меня мучить! Я все равно ничего не знаю... клянусь...

— Мучить? — Старуха вновь издала безжизненный шелестящий смешок. — Бедное дитя. Никто не станет тебя мучить.

Джаффа увидел, как в глазах девушки вспыхнула надежда. В тот же миг Онвидаэр, двигаясь с проворством атакующей змеи, вздернул ее запястье над головой и погрузил длинный узкий кинжал в

левый бок, под самой подмышкой. Лезвие гладко вошло в плоть, с безупречной точностью вонзившись между ребрами. Девушка лишь единожды дернулась, и глаза ее широко раскрылись, а затем она безжизненно обмякла. И повисла в руке Онвидаэра, точно сломанная марионетка. Голова ее свесилась к груди, пряди сальных волос закрывали лицо.

— Я никому не желаю причинять боли, — промолвила старуха. — Онвидаэр чрезвычайно искусен в своем ремесле.

Джаффа на краткий миг закрыл глаза, мысленно повторяя слова молитвы. Не так давно подобная сцена вызвала бы у него отвращение. Когда-то он даже стремился предать светлейшему суду и Мать, и всех, кто ей служит, разрушить тайные храмы и обнародовать творимые там бесчинства. Теперь же, повидав тех, кто занял место Матери, Джаффа предпочел служить ей. Теперь он способен был взирать на смерть юной нищенки всего лишь с внутренней дрожью. Такой жестокий урок преподало Эш-Катариону владычество искипителей: в жизни есть вещи гораздо страшнее, нежели быстрая смерть.

Мать согнула костлявый палец:

— Приступай, Акатаэр.

Мальчик кивнул. Онвидаэр ухватил другую руку девушки, и теперь ее тело болталось на весу, едва касаясь коленями плит двора. Акатаэр приподнял свесившуюся к груди голову нищенки, серьезно глядя в широко раскрытые невидящие глаза, отвел с лица волосы. Затем с тихой сосредоточенностью мастера, поглощенного работой, он подался вперед и бережно поцеловал девушку. Язык его раздвинул безжизненно обмякшие губы. Надолго воцарилась тишина.

Завершив свое дело, мальчик прижал ладонь к щеке девушки и оттянул ее веко так, что глаз, уже подернутый смертной пленкой, в нелепом изумлении уставился на мир. Мальчик снова подался вперед, на сей раз высунув между зубов язык, и так же бережно прикоснулся кончиком языка к глазу убитой. То же самое он проделал с другим ее глазом, потом отступил на шаг и что-то беззвучно пробормотал.

В глубине зрачков мертвой девушки возникло нечто. Труп колыхнулся, словно Онвидаэр легонько встряхнул его. Глаза девушки сами собой медленно закрылись, затем резко распахнулись. Взамен белка, зрачков и радужной оболочки их теперь до краев наполняло зеленое пламя. Губы мертвой зашевелились, и из уголка рта заструился, извиваясь, тонкий дымок.

Старуха удовлетворенно хмыкнула, жестом подозвала к себе Акатаэра и когистой, обмотанной белыми бинтами рукой погладила его

по голове, словно домашнего питомца. Затем она устремила внимание на существо, которое еще недавно было юной нищенкой.

— Теперь, — произнесла она, — мы сможем кое-что узнать.

— Это Святая Мать, — высоким ясным голосом промолвил Акатаэр. — Я велю тебе отвечать на ее вопросы и говорить правду.

Труп опять шевельнулся, исторгнув из уголка рта новую струйку дыма. Глаза, пылавшие зеленым огнем, смотрели не мигая.

— Ты следила за Джаффой, — промолвила старуха, указывая на блуждателя. — Вот за этим человеком.

Наступила долгая пауза. Когда труп наконец заговорил, из рта его вновь заструился дым, как будто покойница сделала затяжку из трубки и выдохнула. Извиваясь, дым протекал сквозь волосы девушки и причудливым облаком собирался над ее головой. Мертвый голос был скорее свистящим шепотом — словно раскаленный уголек бросили в ведро с водой.

— С-с-следила...

Джаффа судорожно сглотнул. До сих пор он почти надеялся, что Мать все-таки ошиблась, хотя это и означало бы, что девушка погибла ни за что ни про что. Впрочем, зря он надеялся. Мать никогда не ошибалась.

— И кто же послал тебя следить за ним? Кто твои хозяева?

Вновь последовала пауза, словно мертвая тварь обдумывала ответ.

— Орланко... — наконец с видимой неохотой прошипела она. — Конкорда-а-ат...

— Чужеземцы, — проговорила старуха. И издала харкающий звук, словно хотела сплюнуть, да во рту не оказалось слюны. — И что же понадобилось расхемам?

— Имена-а... — простонал труп. — Им нужны... имена-а...

Он задержался, корчась в руке Онвидаэра, зеленый огонь вспыхнул ярче. Акатаэр встревоженно глянул на старуху, которая махнула рукой, словно все происходящее вызывало у нее скуку.

— Отпусти ее, — велела она.

Мальчик благодарно кивнул и пробормотал еще несколько слов. Мертвое тело тотчас обмякло, зеленое пламя погасло. Зрачки девушки стали обугленными дырами, и по двору расползся смрад горелой плоти.

— Ты хорошо потрудился, Акатаэр, — промолвила старуха. — Возвращайся к себе. Онвидаэр, избавься от этого.

Джаффа озадаченно нахмурился:

— Святая Мать, я не понимаю. О каких именах она говорила? О наших?

— Тебе и незачем понимать, дитя мое, — проговорила старуха. — Забудь обо всем этом и расскажи, что происходило на совете.

Джаффе припомнилась язвительная реплика Хтобы о возможном столкновении с ворданайскими чарами. Интересно, был бы генерал столь же беспечен, если б видел то, что произошло здесь? Сумели бы его пушки убить Мать? Глядя на хрупкую, укутанную в плащ фигурку, Джаффа решил, что, пожалуй, нет, не сумели бы.

Главный блюститель откашлялся и заговорил. Он вкратце изложил суть переговоров и высказал собственное мнение. Старуха слушала внимательно и перебила лишь однажды — когда Джаффа говорил о Ятчике дан-Рахксе.

— Он не упоминал Феор? — спросила она.

Джаффа покачал головой:

— Нет, Мать. Она может быть до сих пор его пленницей или...

— Феор жива, — сказала старуха. — Я почуяла бы ее смерть. Нет, они по-прежнему держат ее в плену. Продолжай.

Когда Джаффа закончил рассказ, наступила долгая тишина. Руки старухи в трепещущих обрывках бинтов жили, казалось, собственной жизнью. Они покоились на коленях Матери, и пальцы извивались угрями, теребили и дергали бинты, как будто эти обмотки причиняли ей боль.

— Абх-наатем, — проговорила старуха. — Эта весть сулит недоброе, хотя напыщенный дурак Хтоба и выскочки, присвоившие себе имена ангелов, не способны понять этого. Десолтаи помнят о древней магии.

Джаффа ничего не ответил. Не его это дело — говорить о магии.

— Дитя мое, — начала старуха, — я хочу, чтобы ты сейчас сказал мне правду, а не то, что, по твоему мнению, мне приятно будет услышать.

— Да, Мать. — Джаффа покорно склонил голову.

— Ворданаи сумеют вновь захватить город?

Он поднял взгляд, опешив от такого вопроса.

— Мать, я не солдат... я не могу...

— Постарайся, как сумеешь. — Хриплый голос старухи прозвучал почти ласково. — Это возможно?

И вновь наступило молчание.

— Искупители собрали огромное войско, — проговорил Джаффа, размышляя вслух, — однако их воины плохо обучены и вооружены только верой. Аскеры Хтобы лучше подготовлены к бою, но...

В голосе старухи промелькнула усмешка:

— Ты не доверяешь Хтобе.

— Этот человек, — сказал Джаффа, — продал бы собственную мать за щепотку власти. Что до Стального Призрака и его десолтаев, они поступят так, как сочтут нужным, а кто может знать, что им понадобится? — Он пожал плечами. — Будь я капитаном ворданаев, не стал бы рисковать. Однако, если боги будут благосклонны к нему, а не к нам... да, это возможно.

Старуха задумчиво кивнула.

— Я поручу тебе передать мое послание, — сказала она. — Ты, безусловно, должен будешь сохранить его в тайне от Совета и Кто-бы. Полагаю, однако, что мне пора познакомиться с этим Стальным Призраком.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВИНТЕР

Четверо солдат сидели на сложенных из песчаника древних стенах крепости на выжженном солнцем хандарайском побережье.

О том, что это солдаты, можно было догадаться лишь по мушкетам, прислоненным к парапету, поскольку их одежда давным-давно уже лишилась права называться обмундированием. Штаны, если хорошенько присмотреться, были когда-то ярко-синего цвета, но под безжалостным местным солнцем выцвели до блекло-лиловой голубизны. Куртки, сброшенные грудой у подножия лестницы, различались и покроем, и цветом, и происхождением, а чинились так часто, что заплаты слились с тканью.

Устроившись на стене с той неподражаемой ленивой наглостью, которая свойственна только бывалым воякам, эти люди глазели на южную часть бухты, где разворачивалось в высшей степени впечатляющее зрелище. Ее заполняли транспортные суда со свернутыми парусами, неуклюжие, широкобортные, ощутимо колыхавшиеся даже на мелких волнах. Снаружи, у входа в бухту, рыскала пара фрегатов, узких, хищных, похожих на акул, и их темно-красные борелгайские вымпелы развевались на ветру, точно дразня своим видом собравшихся на берегу ворданаев.

Впрочем, если это и был намеренный вызов, солдатами, сидевшими на стенах, он остался незамеченным. Внимание их сосредоточилось на совершенно иной картине. Низко погруженные в воду корабли не осмелились подойти вплотную к берегу, и узкая полоска воды между ними и каменистым пляжем кишела мелкими суденышками, пестрым сборищем корабельных шлюпок и местных рыбацких лодок. Все они были битком набиты солдатами в синих мундирах. Шлюпки и рыбацкие лодки выплывали на мелководье, высаживали пассажиров в пенную полосу прибоя, разворачивались и возвращались за

новым грузом. Прошлепав по воде, люди в синих мундирах наконец выбрались на сушу и в изнеможении валились рядом с аккуратно составленными ящиками, в которых лежали провизия и снаряжение.

— Эх, бедные дурни, — проговорил солдат по прозвищу Бугай. — Добрый месяц болтались в этих корытах, жрали сухари и блевали ими, а теперь, когда добрались до места, услышат: «Поворачивайте-ка назад, голубчики!»

— Ты так думаешь? — отозвался второй солдат, которого звали Уилл. Он был заметно меньше ростом, и незагоревшее лицо красноречиво свидетельствовало о том, что в Хандар он прибыл относительно недавно. — Меня и самого-то не больно тянет в обратный рейс.

— А меня, мать твою, тянет! — заявил третий, которого — на первый взгляд непонятно почему — прозвали Втык. Он был худ, жилист, лицо почти целиком скрывалось в буйных зарослях бороды и усов. Рот его почти непрерывно двигался — Втык жевал комок каннабиса, прерывая это занятие лишь затем, чтобы сплюнуть со стены. — Я готов и год проболтаться на любом, мать его, корыте, лишь бы выбраться из этой, мать ее, дыры.

— Кто сказал, что нас отправят домой? — хмыкнул Уилл. — Может, этот новый полковник прибыл сюда надолго.

— Не будь дураком! — одернул его Втык. — Даже полковники умеют вести счет противнику, а тут и считать особо не надо, и так ясно: останешься здесь — живо получишь острый кол в задницу и загремишь на костер.

— К тому же, — добавил Бугай, — принц и сам спит и видит, как бы унести ноги в Ворман. Не терпится ему спустить наворованное золотишко.

— Кто бы спорил! — пробормотал Уилл. Он наблюдал за солдатами, которые высаживались на берег, и почесывал нос. — Что ты сделаешь, когда вернешься?

— Нажрись сосисок, — тут же откликнулся Бугай. — Целый мешок сожру, чтоб мне сдохнуть, а еще — яичницы и бифштексов. К чертям серомордых со всей их бараниной! Если я до самой смерти не увижу больше ни одной овцы, уж точно плакать не стану.

— Есть еще козлятина, — заметил Втык.

— Козлятину есть нельзя, — сказал Бугай. — Это против природы. Если б Господь хотел, чтобы мы ели козлятину, он не создал бы ее с таким дерьмовым вкусом. — Он оглянулся через плечо. — Ну а ты, Втык, что сделаешь, когда вернешься?

— Чтоб я знал. — Втык пожал плечами, сплюнул и почесал бороду. — Наверное, отправлюсь домой и трахну жену.

— Ты женат? — удивился Уилл.

— Был женат до того, как отправился сюда, — уточнил Бугай. — Я уже говорил тебе, Втык, и опять скажу: она тебя ждать не станет. Семь лет прошло — сам подумай! Притом она уже наверняка постарела и заплыла жиром.

— Тогда, — сказал Втык, — я найду себе другую жену и трахну ее.

Внизу, в бухте, какой-то офицер в полном обмундировании, забираясь в вертлявую лодчонку, оступился, перевалился через борт и плюхнулся в воду. Троица сидевших на стене солдат разразилась грубым хохотом, наблюдая, как офицера, промокшего насквозь, выудили из воды и втащили в лодку, словно тюк с хлопком.

Когда этому скромному развлечению пришел конец, в глазах Бугая появился злобный блеск. Намеренно повысив голос, Бугай окликнул:

— Эй, Святоша! Что ты сделаешь, когда вернешься в Иордан?

Четвертый солдат, к которому был обращен этот вопрос, сидел поодаль, привалившись к брусстеру. Он ничего не ответил, да Бугай, собственно, и не ждал ответа.

— Да наверное, помчится напрямиком в ближайшую церковь, чтоб покаяться Господу в грехах, — заметил Втык.

— Карис Всемогущий, прости меня! — затащил Бугай, изображая молитву. — Кто-то опрокинул на меня стакан виски, и капля богомерзкого зелья могла попасть мне в рот!

— Я уронил молоток на ногу и воскликнул: «Вот черт!» — подхватил Втык.

— Я поглядел на одну девицу, — продолжил Бугай, — и она улыбнулась мне, и мне стало так чудно!

— А еще я пристрелил десяток серомордых, — заключил Втык.

— Не-а, — сказал Бугай, — язычники не в счет. Но вот за все остальное ты точно отправишься напрямиком в ад!

— Слышал, Святоша? — окликнул Втык. — Ты еще пожалеешь, что не повеселился вдоволь!

Четвертый солдат и на это не соизволил ничего ответить. Втык презрительно фыркнул.

— Кстати, — сказал Уилл, — почему вы зовете его Святошей?

— Да потому что он явно метит в святые, — пояснил Бугай. — Не пьет, не сквернословит и, готов дать голову на отсечение, не блудит. Даже с серомордыми, хоть они, как я уже говорил, не в счет.

— А вот я слышал, — начал Втык, стараясь говорить погромче, чтобы его слова дошли до слуха четвертого солдата, — я слышал, что он в первый же день подцепил тут черную гниль и через месяц у него отвалился конец.

Все трое на минуту смолкли, обдумывая его слова.

— Да черт побери, — первым заговорил Бугай, — ежели б со мной такое стряслось, я бы пил и ругался так, что небу стало бы тошно!

— Тогда, может, оно уже и стряслось, — тут же съязвил Втык, — а тебе и невдомек?

Тема была привычная, и они затеяли перепалку с легкостью людей, давно знакомых друг с другом. Четвертый солдат едва слышно вздохнул и поудобнее пристроил мушкет на коленях.

Его звали Винтер, и он многим отличался от сослуживцев. Прежде всего тем, что был моложе и стройнее и на лице его до сих пор не наблюдалось ни малейших признаков усов и бороды. Несмотря на жару, он не снимал синий потертый мундир и плотную хлопковую рубаху. И сидел, положив руку на приклад мушкета, словно готовясь в любую минуту вскочить и замереть по стойке «смирно».

И что самое главное, Винтер был вовсе не «он», а «она», хотя обнаружить это мог бы только самый внимательный наблюдатель.

Об этом, безусловно, не знали трое других солдат, а заодно и все прочие обитатели форта, не говоря уже о писарях и счетоводах, которые обосновались в доброй тысяче миль отсюда — по ту сторону моря, в Военном министерстве. Поскольку в армии его ворданайского величества не было принято нанимать женщин — за исключением тех, кого тот или иной солдат нанимал на короткое время для своих личных нужд, — Винтер приходилось скрывать свой пол с той самой минуты, как она поступила на службу. С тех пор прошло немало времени, и девушка достигла в притворстве значительных успехов — хотя, по правде говоря, обвести вокруг пальца таких типов, как Бугай и Втык, не настолько уж великое достижение.

Винтер выросла в Королевском благотворительном приюте для неблагонадежных детей, который его обитатели называли «Тюрьмой миссис Уилмор для девиц» или попросту «тюрьмой». Винтер покинула это заведение, мягко говоря, без спроса, и это означало, что из всех солдат в форте у нее одной прибытие флота вызывало смешанные чувства. Все прочие уверенно сходились на том, что у нового полковника не будет иного выхода, кроме как отплыть на родину прежде, чем к стенам подступит армия фанатиков. И это, как заметил ранее Бугай, уж верно лучше, чем поджариться на вертеле, а именно такую участь сулили искупители чужеземцам, которых они за чересчур светлую кожу в насмешку прозвали «трупями». И все же девушка не могла отделаться от ощущения, что каким-то непостижимым образом за тысячу с лишним миль и три года спустя миссис Уилмор в тугом чепце и с неизменным ивовым хлыстом в

руках дожидается на причале той минуты, когда она, Винтер, сойдет с корабля.

Скрип сапог на лестнице возвестил о том, что кто-то поднимается на стену. Четверо солдат схватились за мушкеты и поспешили изобразить подобающую бдительность. И тут же расслабились, увидав знакомое лицо капрала Тафта — круглое, как луна, покрасневшее от жары и лоснящееся от обильного пота.

— Привет, капрал, — бросил Бугай, отложив мушкет. — Что, решил поглазеть на представление?

— Не будь идиотом, — пропыхтел Тафт. — Думаешь, я потащился бы на этакую верхотуру только ради того, чтоб поглядеть, как толпа рекрутов учится плавать? К черту! — Он согнулся вдвое, пытаясь перевести дух, мундир на спине задрался, обнажив внушительного объема седалище. — Ей-богу, треклятая стена как будто становится выше всякий раз, когда я на нее поднимаюсь.

— Капрал, что ты сделаешь, когда вернешься в Вордан? — осведомился Бугай.

— Трахну жену Втыка, — огрызнулся Тафт. И, повернувшись спиной к разнузданной троице, вперил взгляд в Винтер. — Игернгласс, поди сюда.

Винтер мысленно чертыхнулась и поднялась на ноги. Для капрала Тафт был не так уж и плох, но сейчас в его голосе звучало раздражение.

— Да, капрал? — вслух отозвалась она. За спиной Тафта Втык сделал непристойный жест, и его сотоварищи закатились беззвучным смехом.

— Тебя желает видеть капитан, — сказал Тафт, — но сначала с тобой хочет поговорить Дэвис, так что на твоём месте я бы поторопился. Он внизу, во дворе.

— Слушаюсь, капрал! — отчеканила Винтер, проглотив новое проклятье. Она закинула мушкет на плечо и двинулась вниз по лестнице, ступая уверенно и не глядя под ноги, — сказывалась долгая практика. Сдается, помимо унылого дежурства на стене ей уготовано еще какое-то испытание — наверняка очередной маленький сюрприз от старшего сержанта. Дэвис — гнусь, каких поискать.

Крепость, или Форт Доблести, как назвал ее некий ворданайский картограф, причем явно не в шутку, была невелика и представляла собой типичную средневековую постройку — пять стен с каменными двухъярусными башнями по углам. Все прочие строения, которые в прошлом располагались внутри этих стен, давно обрушились и обратились в прах, оставив после себя обширное открытое пространство,

на котором ворданаи установили свои палатки. Наилучшие места были под самыми стенами, где почти весь день лежала хоть какая-то тень. «Двором» именовалось незанятое место в середине лагеря, изрядный кусок намертво утоптанной почвы, который мог бы служить отменным плацем для учений и смотров, если бы Колониальному полку пришло в голову заниматься подобной ерундой.

Винтер обнаружила Дэвиса на краю ряда палаток. Дожидаясь ее, сержант праздно наблюдал за тем, как двое солдат, раздевшись до пояса, решают на кулаках какой-то мелкий спор. Зрители, кольцом окружившие спорщиков, подбадривали выкриками обоих.

— Сэр! — Винтер вытянулась по стойке «смирно», отдала честь и замерла, ожидая, когда сержант соизволит повернуться к ней. — Сэр, вы хотели меня видеть?

— А, ну да. — Рокочущий бас сержанта исходил, казалось, из самых недр его огромного брюха. Не будь Дэвис настолько высок ростом, он выглядел бы намного толще, а так — скорее нависал над собеседником, как гора мяса. Кроме того, он, как Винтер уже не раз имела возможность убедиться, был продажен, мелочен, жесток и почти всегда туп, как буйвол, хотя мог при случае проявить злобное хитроумие. Иными словами — идеальный сержант. — Игернгласс. — Дэвис ухмыльнулся, продемонстрировав гнилые зубы. — Ты слышал, что капитан приказал тебе явиться к нему?

— Так точно, сэр. — Винтер поколебалась. — Вы не знаете зачем?..

— Я подозреваю, что отчасти приложил к этому руку. Прежде чем ты отправишься к капитану, я хотел бы кое-что для тебя прояснить. Кое-что.

— Да, сэр?

Винтер могла лишь гадать, во что Дэвис втравил ее на этот раз. С тех самых пор, как ее против воли сержанта перевели в его роту — а было это год с лишним тому назад, — он поставил себе личной целью сделать ее службу невыносимой.

— Капитан скажет, что я рекомендовал тебя за выдающиеся качества — храбрость, воинское мастерство и тому подобное. Возможно, после этого тебе придет в голову, что старина Дэвис, в конце концов, не так уж и плох. Что в глубине души, за дымовой завесой ругани и выволочек, он питает к тебе слабость. Что все его колкости и издевки служили только одному благому делу — закалить твоё тело и душу. Верно ведь?

Гнилозубая ухмылка сержанта стала еще шире.

— Так вот, я хочу, чтобы ты заранее, прямо сейчас узнал: фигня все это. Капитан попросил меня рекомендовать человека, который хорошо

себя проявил, для выполнения какой-то особой миссии. Я достаточно имел дела с офицерней, а потому хорошо знаю, что все это значит. Тебя пошлют куда-то на верную бессмысленную гибель, и если такая участь уготована кому-то из моей роты — я хочу быть уверен, что этим человеком окажешься именно ты. И очень надеюсь наконец-то от тебя избавиться.

— Сэр, — деревянным голосом отозвалась Винтер.

— Знаешь, — в тоне Дэвиса появилась задумчивость, — за эти годы я начал испытывать некое подобие симпатии к большинству солдат, которые служат под моим началом. Даже к полным уродам. Даже к Втыку, хотя в это трудно поверить. Порой я пытаюсь понять, почему ты оказался исключением. Я знаю, что невзлюбил тебя с той самой минуты, как впервые увидел, и так продолжается до сих пор. Не догадываешься почему?

— Понятия не имею, сэр.

— Я думаю, потому что ты в глубине души считаешь себя лучше всех нас. Большинство людей со временем теряет эту убежденность, а вот ты постоянно напрашиваешься на то, чтобы тебя ткнули мордой в грязь.

— Так точно, сэр.

Винтер давно уже обнаружила, что самый быстрый, а заодно и самый безопасный, способ улизнуть от разговора с Дэвисом — попросту соглашаться со всем, что он скажет.

— Что ж, ладно. Я собирался поручить тебе непыльную работенку по чистке отхожих мест. — Дэвис пожал плечами. — Вместо этого ты отправишься выяснять, что за чушь взбрела в голову капитану Д'Ивуару. Сомнений нет — ты умрешь смертью героя. Я хочу только одного: когда какой-нибудь искупитель станет нарезать из тебя ломти мяса для жаркого, помни, что ты оказался там только потому, что сержант Дэвис хотел от тебя избавиться. Тебе это понятно?

— Понятно, сэр, — ответила Винтер.

— Вот и хорошо. Свободен.

С этими словами сержант вернулся к наблюдению за дракой, которая между тем уже подходила к концу. Один из солдат, обхватив рукой шею противника, другой методично молотил его по лицу. Винтер поплелась мимо них к угловой башне, в которой размещался штаб полка.

Ее мутило. Хорошо будет оказаться вдали от Дэвиса. Вот уж в этом точно нет сомнений. Пока полк находился в обычном своем лагере, возле хандарайской столицы Эш-Катарион, измывательства сержанта еще можно было сносить. Дисциплина в полку разболталась. Винтер

имела возможность проводить много времени за пределами лагеря, а Дэвис и прочие развлекали себя выпивкой, игрой в кости и прелестями шлюх. Потом грянуло Искупление. Принц удрал из столицы, точно побитый пес, а за ним последовал и Колониальный полк. С тех самых пор все эти долгие недели прозябания в Форте Доблести Винтер приходилось совсем несладко. Запертая в этих древних стенах, как в ловушке, она нигде не могла укрыться, и Дэвис, лишенный привычных развлечений, регулярно вымещал на ней злость.

С другой стороны, Винтер тоже изучила особенности офицерской речи. Выражение «для особой миссии» определенно не сулило ничего хорошего.

У входа в башню, перед открытыми дверями, торчал часовой, но Винтер он пропустил, ограничившись коротким кивком. Кабинет капитана располагался сразу за порогом, и определить его дверь было легче легкого — возле нее переминался улыбчивый штабной лейтенантик. Винтер узнала его. Весь полк знал Фицью Варуса. Его брат, Бен Варус, командовал Первым колониальным, пока пуля не пробила ему череп во время безрассудной погони за какой-то шайкой в верховьях реки. Все ожидали, что после этого Фиц отправится на родину, поскольку было известно, что он оказался здесь только ради брата. Тем не менее Фиц по непонятной причине остался в полку, предоставив свою улыбчивость и безукоризненную память в распоряжение нового командира полка.

Винтер в присутствии Фица всегда было не по себе. Девушка недолюбливала всех офицеров без исключения, но вдвойне настороженно относилась к тем, кто все время улыбался. По крайней мере, когда на нее орали, она точно знала, на каком она свете.

Сейчас Винтер остановилась перед Фицем и отдала честь:

— Рядовой Игернгласс явился по вашему приказанию, сэр!

— Входи, — сказал Фиц. — Капитан ждет тебя.

Винтер последовала за ним. Кабинет капитана в те времена, когда Форт Доблести еще был полноправно действующей крепостью, скорее всего, служил кому-то опочивальней. Когда ворданаи прибыли сюда, в этом помещении, как и во всем форте, оставались только голые стены. Капитан Д'Ивуар водрузил на пару тяжелых сундуков половинку кузова сломанной тележки, устроив таким образом некое подобие низкого рабочего стола, а вместо кресла использовал запасную койку.

Сейчас этот стол был завален документами двух сортов. Подавляющее большинство составляла изжелта-бурая тряпичная бумага хандарайского изготовления, которой в Колониальном полку пользовались уже много лет. Предприимчивые торговцы собирали по свалкам ис-

писанные листы, соскребали чернила, продавали бумагу — и так раз за разом, покуда она не становилась тоньше паутины. Среди этой плебейской желтизны блистали, подобно обломкам мрамора в куче песка, несколько листов добротной ворданайской бумаги — свеженьких, точно только что изготовленных, выбеленных так, что глазам смотреть больно, и острых, как бритва, на сгибе. Это явно были приказы, привезенные флотом. Винтер до смерти хотелось узнать, что же там написано, но все листы добросовестно сложили так, чтобы скрыть от посторонних глаз весь написанный текст.

Сам капитан трудился над другим документом — списком имен, — и на лице его явственно читалось раздражение. То был широкоплечий мужчина тридцати с лишним лет, прокаленное загаром лицо его покрывали преждевременные морщины — неизбежный удел всех, кто слишком долго жил под безжалостным хандарайским солнцем. Его темные волосы и борода, в которой уже кое-где поблескивала седина, были коротко подстрижены. Винтер он нравился ничуть не больше и не меньше, чем любой другой офицер, то есть не нравился вовсе.

Капитан глянул на нее, что-то буркнул и сделал пометку в списке.

— Садись, рядовой.

Винтер села, скрестив ноги, на полу по ту сторону стола. Спичкой она чувствовала, как над ней нависает Фиц. Внутренний голос вопил, захлебываясь от крика, что это ловушка, и Винтер пришлось жестко напомнить самой себе, что удариться в бега она все равно не сможет. Не тот случай.

Казалось, капитан ждет, когда она заговорит первой, но Винтер прекрасно понимала, что это впечатление обманчиво. Наконец капитан опять что-то проворчал, запустил руку под стол, пошарил там и извлек наружу небольшой полотняный мешочек. Он бросил его на стол, прямо перед Винтер. Что-то глухо звякнуло.

— Это твое, — сказал капитан. Винтер колебалась, и тогда он нетерпеливо махнул рукой. — Ну, бери же!

Девушка подцепила пальцем шнурок, потянула — и вытряхнула на стол содержимое мешочка. Пару медных булавок с тремя латунными звездочками, которые ей полагалось носить на плечах мундира. Знаки различия старшего сержанта.

Наступило долгое молчание.

— Это, наверное, шутка, — проямлила Винтер и после паузы, спохватившись, добавила: — Сэр.

— Хотел бы я, чтобы это была шутка, — отозвался капитан, то ли не заметив ее промашки, то ли решив не придавать ей значения. — Надевай.

Винтер воззрилась на медные булавки с таким видом, точно это были ядовитые насекомые.

— Со всем почтением, сэр... я не могу принять это предложение.

— Очень жаль, но это не предложение и даже не требование, — жестко ответил капитан. — Это приказ. Сейчас же надень эти чертовы штуки.

Винтер хлопнула ладонью по столу, едва не уколовшись одной из булавок, и яростно замотала головой.

— Я... — начала она и осеклась. Взбунтовавшееся горло сдавило с такой силой, что она едва могла дышать.

Капитан наблюдал за ней без тени раздражения — скорее, с озадаченным интересом. Выждав несколько секунд, он кашлянул.

— Формально, — сказал он, — за такую выходку я должен был бы бросить тебя в гарнизонную тюрьму. Вот только у нас нет гарнизонной тюрьмы, да к тому же тогда мне пришлось бы искать другого сержанта, черт его раздери. А потому позволь кое-что тебе объяснить.

Капитан порылся в бумагах и извлек наружу один из белоснежных листков.

— Солдат, которых доставили сюда корабли, хватит, чтобы пополнить наш полк до начальной численности. Это значит, что к нам прибыло почти три тысячи человек. Едва они причалили, я получил от нового полковника вот эту инструкцию. — Последнее слово он произнес с видимым омерзением. — Инструкция гласит, что он не привез с собой младших офицеров, а потому желает, чтобы я предоставил в его распоряжение людей, знакомых с местностью и здешним населением. И наплевать, что мне не хватает младших офицеров для моих собственных рот. Таким образом, я должен где-то раздобыть тридцать шесть сержантов, не разоряя другие роты, а это означает только одно — повышение в звании в боевой обстановке.

Винтер лишь кивнула, по-прежнему борясь с комком в горле. Капитан неопределенно махнул рукой.

— Поэтому я занялся поисками людей, подходящих для этой цели. Ваш сержант Дэвис предложил твою кандидатуру. Твое личное дело выглядит... — губы его дрогнули, — странновато, но вполне приемлемо. Вот, собственно, и все.

Сержанта хватит удар, если он узнает, что Винтер по его наущению не отправили на верную смерть во вражеские тылы, а повысили в звании. На долю секунды ей и впрямь захотелось стать сержантом. Стоило бы, право слово, — хотя бы для того, чтоб увидеть, как физиономия Дэвиса багровеет от прилившей крови. Чтобы Бугай и Тафт были вынуждены отдавать ей честь. Но...

— Сэр, — упрямо проговорила она вслух, — со всем почтением к вам и сержанту Дэвису... по-моему, это не самое лучшее решение. Я ровным счетом ничего не смыслю в сержантском деле.

— Думаю, в нем нет ничего сложного, — отозвался капитан, — а иначе как бы справлялись с ним сами сержанты?

Он сел чуть вольготнее, явно ожидая, что Винтер усмехнется его шутке, однако лицо ее осталось неподвижным, как камень. Капитан вздохнул.

— Тебе станет легче, если я скажу, что в каждой новой роте есть свой лейтенант? Вряд ли твои обязанности будут столь... всеобъемлющи, как у сержанта Дэвиса.

Нехватка лейтенантов была постоянной проблемой Колониального полка. Порой казалось, что полк предназначен в первую очередь для того, чтобы служить свалкой для тех, кто безвозвратно загубил свою армейскую карьеру, но не зашел настолько далеко, чтобы его с позором выгнали со службы или что похуже. Лейтенанты, которые большей частью происходили из хороших семей и были достаточно молоды, чтобы устроить свою жизнь и вне армии, почти всегда отказывались от назначения. Подавляющим большинством рот управляли сержанты, которых в полку всегда хватало с избытком.

От этого сообщения Винтер и впрямь стало легче, однако не настолько, чтобы изменить свое решение. На протяжении трех лет она изо всех сил старалась держаться подальше от других солдат — по большей части жестоких ублюдков. При мысли о том, что придется стоять перед строем из ста двадцати таких ублюдков и отдавать им приказы, — при одной только мысли об этом Винтер хотелось найти глубокую нору, забиться в нее и больше не высовывать носа наружу.

— Сэр, — начала она чуть охрипшим голосом, — я все же считаю, что...

Терпение капитана Д'Ивуара иссякло.

— Ваши возражения приняты к сведению, сержант, — отрезал он. — А теперь надевай эти чертовы звездочки!

Дрожащей рукой Винтер сгрэбла булавки и попыталась закрепить их на плечах. Мундир у нее был неуставного образца, без погон, и капитан, понаблюдав с минуту за ее безуспешными стараниями, тяжело вздохнул.

— Ладно, — сказал он, — просто забирай эти штуки и уходи. У тебя есть вечер на устройство личных дел. Рассылать новых сержантов по ротам мы начнем с завтрашнего утра, так что будь наготове, когда услышишь сигнал. — Он окинул взглядом стол, отыскал клочок бумаги и нацарапал на нем несколько слов. — Отнеси это

Родсу и скажи, что тебе нужен новый мундир. И ради всего святого, постарайся выглядеть поприличней. Господь свидетель, этот полк и так похож на скопище оборванцев.

— Есть, сэр.

Винтер сунула булавки в карман и встала. Капитан махнул рукой: ступай, мол, — и Фиц, тотчас возникший рядом с ней, проводил ее к двери.

Когда они вышли в коридор, он одарил Винтер очередной улыбкой:

— Примите мои поздравления, сержант!

Винтер молча кивнула и неверным шагом вышла под палящее солнце.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МАРКУС

Старший капитан Маркус Д'Ивуар сидел за самодельным письменным столом и размышлял о вечных муках.

Церковь утверждала — верней, утверждал Эллевсин Лигаменти, но, поскольку он был святой, это практически одно и то же, — что если после смерти человека груз его грехов перевешивает число богоугодных поступков, то умерший обречен на пребывание в своем личном аду. Там он претерпевает муки, которые воплощают в себе его наихудшие страхи, равно как и характер его незаконных деяний, — таков замысел Божий во всей его беспощадной насмешке. Маркус не думал, что в его случае Всемогущему придется особенно напрягать воображение. Он сильно подозревал, что его ад окажется до отвращения знакомым.

Бумаги. Гора, лавина, груда документов, которые надо прочесть и подписать, и нет им конца. И нависшая над каждым листком тень страха — этот клочок бумаги был всего лишь расписанием рытья отхожих мест, но следующий может оказаться важным. По-настоящему, жизненно важным, таким, что историки будущего станут качать головами и приговаривать: «Если бы только Д'Ивуар прочел это донесение, все остались бы живы». Маркус уже подумывал, что на самом деле умер, только сам не заметил когда и как. Может, ему удастся выпросить краткосрочный отпуск в каком-нибудь соседнем аду. Перспектива провести пару миллионов лет, корчась под раскаленными кочергами демонов, все больше казалась ему приятной сменой обстановки.

В довершение худшего Маркус даже не был обязан возиться с бумагами. Он мог сказать: «Фиц, займись этим, хорошо?» — и молодой лейтенант охотно исполнил бы его просьбу. И даже улыбался бы при этом! Поступить так Маркусу мешала дурацкая гордость и все тот

же страх, что в недрах бумажного моря затаилось нечто жизненно важное, то, что он вот-вот упустит.

Вернулся Фиц, выпроводив из кабинета очередного свежее испеченного сержанта. Маркус откинулся назад, вытянув под столом длинные ноги и чувствуя, как похрустывают позвонки в затекшей спине. Правая рука ныла от боли, а на большом пальце вызревал волдырь.

— Скажи, что это был последний, — пробормотал он.

— Это был последний, — послушно произнес Фиц.

— Но ты говоришь это только потому, что я велел так сказать.

— Нет, — ответил лейтенант, — это и в самом деле был последний.

И как нельзя вовремя. Сигнал флотилии сообщает, что полковник отправляется на берег.

— Слава богу!

Всего лишь год назад, до того как Бен Варус отправился в погоню за собственной смертью, Маркус мог бы сказать, что хочет командовать полком. Вот только это было в совсем другой жизни, когда Хандар представлял собой сонное захолустье, а от солдат Колониального полка требовалось только торчать по торжественным случаям за спиной у принца, являя собой символ вечной дружбы между тронном Вермильона и Орбоанской династией. До того как банда священников и сумасшедших — ничем, по мнению Маркуса, друг от друга не отличавшихся — заразила местное население мыслью, что ему будет во благо избавиться от обоих.

С тех самых пор Хандар стал пренеприятнейшим местом для всякого, кто носит синий мундир, а Маркус пребывал на грани срыва, с вечной сухостью во рту и желчной горечью в бунтующем желудке. Ему казалось невероятным, что через несколько минут он снова станет подчиненным. После того как он передаст командование полком совершенно незнакомому человеку, его обязанности сократятся до одного-единственного пункта: выполнять приказы. Этот пункт казался Маркусу невероятно притягательным. Конечно, новый командир может и завалить все дело — и наверняка завалит, если судить по богатому опыту Маркуса в общении со всякого рода полковниками, — но, что бы при этом ни произошло, вплоть до того, что фанатично визжащие искипители вырежут под корень весь полк, это будет уже не его, Маркуса, вина. Он сможет, представ перед горним судом, с чистой совестью заявить: «Я здесь ни при чем. Я только выполнял приказ!»

Интересно, подумал Маркус, примет ли такое объяснение Вседержитель. Ну да оно в любом случае окажется обоснованным в глазах Конкордата и Военного министерства, а уж это куда важнее. Вседержителя Маркус боялся гораздо меньше. Господь в безграничном своем

милосердию способен простить солдата, сбившегося с пути истинного, а вот Последний Герцог — вряд ли.

Фиц что-то говорил, но Маркус не уловил из его речи ни единого слова. В последнее время он не высypался.

— Что ты сказал? — спросил он вслух.

Лейтенант, прекрасно осведомленный о состоянии начальника, терпеливо повторил:

— Я сказал, что почти весь личный состав уже на берегу. Кавалерии нет, увы, зато полковник привез по меньшей мере две артиллерийские батареи. Капитан Каанос по одной отправляет роты вверх по склону.

— Хватит ли в форте места, чтобы всех разместить?

Фиц кивнул.

— Мне бы не хотелось выдерживать осаду, но денек-другой мы выстоим.

Последняя фраза была чем-то вроде шутки. Как, впрочем, и сам Форт Доблести. Подобно прочному замку на хлипкой двери, он исполнял свое предназначение только до тех пор, пока незваные гости не пускали в ход силу. Форт был возведен в те дни, когда самую серьезную опасность для укреплений представляли собой катапульты или, может быть, тараны. Отвесные высокие стены были сложены из местного известняка, который раскрошился бы, точно мягкий сыр, под первыми же ударами чугунных ядер. Нападающим не понадобилась бы даже тяжелая осадная артиллерия, — чтобы взять форт, хватило бы и одной полевой батареи, особенно если учесть, что защитникам негде было бы разместить свои орудия для ответного огня.

По счастью, в ближайшем будущем осада форту не грозила. Ворданаи ретировались из Эш-Катариона, бывшей столицы принца, и, поскольку их намерение покинуть Хандар было очевидно, искупители удовлетворялись тем, что пристально проследили за их исходом. Тем не менее Маркус обглодал себе ногти до живого мяса за все эти недели ожидания флота.

— Что ж, — произнес он, — пойдём, пожалуй, знакомиться с полковником.

Лейтенант деликатно кашлянул. Маркус достаточно долго общался с Фицем, чтобы без труда перевести этот звук в слова: «Сэр, вы собираетесь сделать нечто крайне глупое и/или неуместное». Он окинул взглядом комнату, потом посмотрел на себя — и сообразил, что имел в виду Фиц. Маркус был одет, строго говоря, не по уставу: рубашка и штаны хоть и синего цвета, почти близкого к норме, но пошиты в Хандаре, поскольку дешевые изделия ворданайских фабрик давным-давно уже выцвели либо истрепались. Капитан тяжело вздохнул.

— Надеть парадную форму? — обреченно спросил он.

— Это было бы в высшей степени подобающе, сэр.

— Верно. — Маркус поднялся на ноги и поморщился, когда затекшие мышцы отозвались ноющей болью. — Пойду переоденусь. Посторожи снаружи и, если полковник вдруг явится сюда, постарайся его задержать.

— Есть, сэр.

«Если б только, — думал Маркус, глядя, как лейтенант плавной поступью покидает кабинет, — если б только я мог целиком и полностью возложить общение с полковником на Фица! Парень явно знает толк в таких делах».

К парадному мундиру прилагалась парадная шпага, которую Маркус не надевал с тех пор, как закончил военную академию. Теперь из-за тяжести шпаги его словно перекосило, а торчащие назад ножны представляли серьезную угрозу для окружающих всякий раз, когда капитану по забывчивости случалось чересчур резко поворачиваться. Парадная форма, пролежавшая пять лет на дне сундука, показалась ему гораздо более синей, чем помнилось. Одевшись, Маркус для приличия провел гребнем по волосам и, воспользовавшись обмылком, наскоро ополоснул лицо.

— Господин старший капитан, да вы сущий франт! — промолвил Адрехт, нырнув в палатку. — Надо бы вам почаще надевать парадную форму.

Маркус, сражавшийся с одной из бесчисленных латунных пуговиц мундира, упустил ее и от души выругался. Адрехт расхохотался.

— Если хочешь сделать доброе дело, — проворчал Маркус, — так хотя бы помоги.

— Разумеется, сэр! — тут же отозвался Адрехт. — Всегда рад услужить.

Все упоминания о старшинстве или должности Маркуса были со стороны капитана Адрехта Ростона безусловной насмешкой. Он учился в военной академии вместе с Маркусом и был младше его на целых семь минут — ровно столько времени прошло на выпускной церемонии между оглашением их имен. Это обстоятельство было для обоих предметом шуток — до тех пор, пока не погиб Бен Варус, и разрыв в семь минут не определил (к несказанному облегчению Адрехта), что бремя командования полком должно лечь на плечи Маркуса.

Адрехт был высокого роста, с крючковатым носом и худым, чисто выбритым лицом. Закончив военную академию, он перестал подстри-

гать свои щегольские темные кудри. Пронзительный взгляд умных голубых глаз и едва заметный изгиб рта создавали впечатление, что он вот-вот одарит собеседника ехидной усмешкой.

Маркус командовал первым батальоном, а Адреخت — четвертым, который на марше неизменно замыкал строй. Капитан Ростон и два других командира батальонов, Вал и Мор, а также покойный Бен Варус и его брат с самого прибытия в Хандар стали для Маркуса второй семьей. По сути, первой и единственной.

Маркус застыл в стесненной позе, пока ловкие пальцы Адрехта застегивали пуговицы и расправляли ворот мундира. Глядя поверх макушки друга, он спросил:

— У тебя была какая-то причина явиться сюда? Или просто не терпелось посмотреть, как я опозорюсь?

— Да ладно тебе. Можно подумать, это такая уж редкость. — Адреخت отступил на шаг, полюбовался делом рук своих и удовлетворенно кивнул. — Судя по наряду, ты отправляешься на встречу с новым полковником?

— Верно, — кивнул Маркус, стараясь не показывать, как мало прельщает его эта перспектива.

— Не найдется минутка отметить? — Адреخت приоткрыл полу мундира, показав горлышко пузатой коричневой бутылки. — Я припас кое-что специально для этого случая.

— Полковнику вряд ли понравится, если я явлюсь на встречу мертвецки пьяным, — ответил Маркус. — С моим-то везением я, чего доброго, облюю его с головы до ног.

— От одной-единственной чарки?

— С тобой чарка никогда не бывает одной-единственной. — Маркус подергал чересчур тугой ворот и сел, чтобы привести в порядок сапоги. Раздался лязг — это ножны смели пустую оловянную тарелку и стукнулись о походную койку, — и он поморщился. — И что, собственно говоря, нам отмечать?

— Как что? — удивился Адреخت. — Избавление от этого пустынного ада, что же еще? Через неделю мы уже будем полным ходом плыть на родину.

— Это ты так думаешь. — Маркус с усилием подтянул неподатливый сапог.

— Не только. Я слышал, как Вал говорил то же самое Зададим Жару. Даже рядовые только об этом и толкуют.

— Не Валу это решать, — сказал Маркус. — И не Зададим Жару, и уж тем более не рядовым. Принять такое решение может только полковник.

— Да брось! — воскликнул Адрехт. — Ты отправляешь рапорт, что у серомордых завелись какие-то новые священники, которые не слишком нас обожают, да еще имеют скверную привычку жечь людей живьем и, кстати, превышают нас числом раз этак в двести, а принц от всего этого сильно не в духе. И вот нам присылают пару тысяч солдат и нового полковника, который, ясное дело, собирается изображать эдакого тиранчика, жечь деревушки, показывать жалким крестьянским шайкам, кто здесь главный, и так далее. Наконец он прибывает сюда — и обнаруживает, что вышеупомянутые священники собрали тридцатитысячное войско, что местные ополченцы, которых мы обучали и вооружали, перекинулись со всеми потрохами на сторону врага, а принц, решив не тратить времени даром, загреб денежки и ударился в бег. И как, по-твоему, этот полковник поступит?

— Ты исходишь из предположения, что у него имеется хотя бы капля здравого смысла, — заметил Маркус, затягивая шнурки. — Львиная доля полковников, которых я встречал в академии, была не слишком-то одарена в этой области.

— Да и ни в какой другой, — согласился Адрехт. — И все-таки даже они были бы способны понять...

— Возможно. — Маркус встал. — Я пойду и все выясню сам, ладно? Хочешь со мной?

Адрехт покачал головой:

— Пойду лучше гляну, все ли у моих парней в порядке. Ублюдок наверняка пожелает устроить инспекцию. Все они так поступают.

Маркус кивнул, снова поглядел на себя в зеркало и, помолчав немного, окликнул:

— Адрехт?

— А?

— Если мы и вправду отправимся домой — что ты сделаешь?

— То есть?

— Насколько я помню, некий граф заявил, что, если ты когда-нибудь подойдешь ближе, чем на тысячу миль, к его дочурке, он привяжет тебя к пушке и запустит в сторону Вора.

— А, вот ты о чем! — Адрехт усмехнулся. — Думаю, он уже забыл об этом.

Чувствуя себя не в своей тарелке, Маркус стоял рядом с Фицем на краю обрыва и наблюдал, как плетутся вверх по дороге последние роты прибывшего подкрепления. От подножия до вершины скалы было полсотни метров, и на всем этом расстоянии дорога немилостиво

сердно петляла. Колонна солдат, поднимавшихся вверх по склону, походила издали на огромную синюю змею, которая, отчаянно извиваясь, ползет к цели — лишь затем, чтобы сгнуть в разверстой пасти ворот форта, распахнутых настежь за спиной у Маркуса. Люди брели и брели, и казалось, что им не будет конца.

Маркус не ожидал, что его так поразит их внешность. Они казались ему неестественно бледными. И он вдруг понял, отчего местные жители наградили ворданаев прозвищем «трупы». В сравнении с продублированными солнцем ветеранами Колониального полка вновь прибывшие смахивали на рыбин, всплывших вверх белесым брюхом с самого дна пруда.

И они были так молоды! Служба в Колониальном полку являлась, как правило, наказанием. Если не считать редких безумцев, которые добровольно вызвались служить в Хандаре, даже рядовые полка в основном разменяли второй десяток армейской службы. Маркус сомневался, что большинство солдат, шагавших сейчас по извилистой дороге, прожило на свете хотя бы восемнадцать лет, не говоря уже о двадцати, — судя по их юношески угловатым фигурам и цыплячьему пуху на подбородках. Они и шагать-то как полагается не умели, а потому их колонна больше напоминала толпу беженцев, нежели регулярное войско на марше. В общем и целом, заключил Маркус, подобное зрелище вряд ли способно впечатлить вражеского наблюдателя.

А уж в том, что таковые имеются, Маркус не сомневался. Ворданаи и не пытались высылать патрули в горы, окружавшие форт, и, даже если главари мятежников считали, что Колониальный полк вот-вот уберется восвояси, вряд ли они были столь глупы, чтобы безоглядно положиться на эти расчеты. В каждом ущелье, на каждом склоне, покрытом чахлой растительностью, мог запросто укрыться десяток конных десолтаев. Пустынные кочевники при известном старании могли скрыться из виду даже на совершенно голой скале, причем вместе с лошадьми и прочим скарбом.

Далеко внизу, в самом хвосте колонны, за последней ротой брел одинокий штатский, сгибаясь под тяжестью двух увесистых баулов. В длинной черной хламиде он отчасти напоминал служителя тьмы из балаганной пьески. Однако, поскольку Обсидиановый орден, постоянный вдохновитель дешевых драм, которым пугали детей, был полностью уничтожен более столетия назад, Маркус предположил, что этот бедолага попросту чей-то слуга, усердно волокущий в гору пожитки хозяина. Да и вряд ли древний зловещий инквизитор стал бы сам тащить собственные вещи. Маркус лениво гадал, что за ценности могут

храниться в тех баулах, если их нельзя просто положить в повозку вместе с остальным багажом.

Маркус праздно разглядывал корабли, дожидаясь, когда наконец появится полковник со свитой. Само собой, он аристократ. Патент на полковничий чин стоит дорого, но дело не только в деньгах. Хотя за последние сто лет Военное министерство вынуждено было признать существование простолюдинов, которые способны расставлять пушки и писать отчеты ничуть не хуже какого-нибудь вельможи, оно тихо, но непреклонно гнуло свою линию: не допускать низкорощенную чернь на высокие армейские посты. Командование полком издревле было прерогативой знати, и так останется впредь.

Даже Бен Варус являлся, можно сказать, титулованной особой — одним из младших сыновей старинного рода, которого семья пристроила на армейскую службу в качестве синекуры. То, что при этом он оказался славным малым, было самым настоящим чудом. Скорее всего, новый полковник больше похож на тех, кого Маркус встречал в военной академии, — невежественный, высокомерный и не терпящий советов от всех, кто ниже рангом. Маркус только надеялся, что этот человек не окажется чересчур невыносимым, иначе кто-нибудь из солдат, не выдержав, поднимет на него руку и угодит в лапы военно-полевого суда.

Слуга с баулами уже добрался до последнего изгиба дороги, а на кораблях по-прежнему не наблюдалось суматохи, которая обыкновенно сопровождает высадку крупного чина. Шлюпки причаливали одна за другой, но в них были только припасы и багаж, и грузчики на причале уже принялись укладывать в повозки ящики с галетами, коробки патронов и пустые бочонки для воды. Маркус искоса глянул на Фица:

— Ты уверен, что полковник собирался сойти на берег?

— Таково было сообщение флота, — отозвался лейтенант. — Быть может, его что-то задержало?

— Я не намерен торчать тут весь день! — прорычал Маркус. Даже здесь, в тени, он обливался потом.

Капитан ждал, когда носильщик в черном подойдет к ним, но тот, как назло, остановился шагах в двадцати и, поставив на землю баулы, присел на корточки на самом краю пыльной дороги. Прежде чем Маркус успел удивиться такому поступку, человек в черном подался вперед и издал возбужденный крик.

«В зад мне зверя, он наступил на какую-то дрянь!» — подумал капитан.

Хандар служил пристанищем великому множеству разнообразных тварей: жужжащих, ползучих и пресмыкающихся. Почти все они от-

личались злобным нравом и были по большей части ядовиты. Беда, если служба под началом нового полковника начнется с доклада о том, что его слуга умер от змеиного укуса! С этой мыслью Маркус поспешил вниз, и Фиц, словно верная тень, последовал за ним. Человек в черном вскочил, точно игрушечный чертик из коробочки, вытянув перед собой руку, в которой яростно извивалось нечто желто-зеленое. Маркус застыл как вкопанный.

— Подлинный хлыстохвост клейменный, — проговорил незнакомец, явно обращаясь к нему. Он был молод — пожалуй, моложе Маркуса, с тонким худым лицом и высокими скулами. — Знаете, мне довелось видеть иллюстрации Конье, но я всегда сомневался, что они достоверно отображают цвета. Экземпляры, которые он присылал, были так невзрачны, но этот... вы только поглядите!

С этими словами он шагнул вперед и сунул под нос Маркусу свою добычу. Только многолетняя армейская выучка помешала тому броситься прочь. Скорпион был невелик, меньше ладони, зато чрезвычайно яркой расцветки — неравномерные ярко-зеленые полосы покрывали крест-накрест темно-желтый хитиновый панцирь. Незнакомец в черном держал его большим и указательным пальцем за хвост, под самым жалом, и тварь, несмотря на все отчаянные попытки, никак не могла выгнуться настолько, чтобы вцепиться в его руку. Скорпион извивался, в бессильной ярости хватая жвалами пустоту.

Маркуса вдруг осенило, что незнакомец ждет его ответа.

— Да, очень красивое животное, — осторожно проговорил он, — но на вашем месте я бы его отпустил. Оно может быть опасно.

По правде говоря, Маркус не отличил бы хлыстохвоста клейменого от лошадиного навоза — до тех пор, пока тварь не впилась бы ему в лодыжку; но это не означало, что он не обошел бы на почтительном расстоянии и то и другое.

— О да, смертельно опасно, — согласился незнакомец, пошевеливая пальцами, отчего маленький скорпион задержался. — Одно-двух гранов его яда достаточно, чтобы меньше чем за минуту парализовать нервную систему человека.

Он испытующе взгляделся в нарочито бесстрастное лицо Маркуса и добавил:

— Впрочем, вам это, я думаю, уже давным-давно хорошо известно. Прошу прощения, что позволил себе так увлечься. Воображаю, что вы обо мне подумали!

— Ничего страшного, — заверил Маркус. — Послушайте, я — капитан Д'Ивуар, и я получил сообщение, что...

— Ну конечно же это вы! — с пылом воскликнул незнакомец. — Старший капитан Маркус Д'Ивуар, командир первого батальона! Для меня это большая честь. — С этими словами он протянул руку для рукопожатия. — Меня зовут Янус. Чрезвычайно приятно с вами познакомиться.

Наступила долгая пауза. В протянутой руке по-прежнему яростно извивался скорпион, и этот факт привел Маркуса в замешательство. Наконец Янус проследил за его взглядом, рассмеялся и круто развернулся на каблуках. Отойдя к самому краю дороги, он выпустил свою добычу между камней и, вытирая ладонь о полу черной хламиды, вернулся к Маркусу.

— Простите, — проговорил он. — Давайте попробуем еще раз. — Он снова протянул руку. — Янус.

— Маркус, — представился капитан, и они обменялись рукопожатиями.

— Если бы вы могли проводить меня в крепость, я был бы чрезвычайно благодарен, — сообщил Янус. — При мне кое-какие вещи, которые не мешало бы поскорей укрыть от чужих глаз.

— Честно говоря, — сказал Маркус, — я надеялся узнать у вас, где полковник. Он прислал сообщение о своем прибытии... — Маркус в поисках поддержки оглянулся на Фица.

На лице Януса отразилось непонимание. Затем он окинул себя взглядом — и его, судя по всему, осенило. Он вежливо кашлянул.

— Вероятно, мне стоит кое-что прояснить, — сказал он. — Полковник граф Янус бет Вальних-Миеран, к вашим услугам.

Воцарилось долгое натянутое молчание. Нечто похожее бывает в тот миг, когда совершишь какую-нибудь страшную глупость — например, шарахнешь себя молотком по пальцу, — за долю секунды до того, как нахлынет боль. Миг невероятной тишины, когда словно прекращается течение времени и весь мир замирает, осознавая нанесенный тобой ущерб.

Маркус решил взять быка за рога. Лихо отступив назад, он застыл по стойке «смирно» и отдал честь — так четко, что инструкторы из военной академии испытали бы законную гордость за своего ученика. Голос его возвысился до парадного рыка на плацу:

— Сэр! Прошу прощения, сэр!

— Не нужно извиняться, капитан, — мягко проговорил Янус. — Вы не могли этого знать.

— Сэр! Благодарю, сэр!

Они вновь замолчали, меряя друг друга взглядами.

— Пожалуй, стоит сразу же покончить с формальностями, — сказал Янус. Пошарив в нагрудном кармане, он выудил аккуратно сложенную бумагу и вручил ее Маркусу. — Старший капитан Д'Ивуар, согласно приказу Военного министерства, именем армии его королевского величества, я принимаю командование Первым колониальным пехотным полком.

Маркус слегка ослабил стойку, чтобы принять документ. Там с обычным для министерства многословием сообщалось, что полковник граф Янус бет Вальних-Миеран направляется для принятия командования Первым колониальным полком, дабы «по мере возможности» употребить свои полномочия на подавление мятежа и защиту интересов королевства Вордан и его граждан. Под текстом красовалась печать Военного министерства — вдавленное в ярко-синий воск изображение пикирующего орла. Маркус чопорно вернул бумагу Янусу.

— Сэр, — отчеканил он, — передаю вам командование полком!

Он опять отдал честь, и Янус в ответ вскинул руку к виску. И на этом все кончилось — с несколькими простыми словами бремя власти над Колониальным полком и всех сопутствующих этому бремени обязанностей спало с плеч Маркуса. Он вздохнул полной грудью — впервые за много недель с тех пор, как начался мятеж.

— А теперь, когда мы покончили с этим делом, — промолвил Янус, пряча бумагу, — надеюсь, вы сделаете мне одолжение и немного расслабитесь. Стоять навтыжку пагубно для позвоночника.

Маркус, застывший по стойке «смирно», как на плацу, и сам уже почувствовал, как ноет одеревеневшая спина. Он подчинился, испытывав благодарность.

— Спасибо, сэр! Добро пожаловать в Колониальный полк. — Маркус жестом показал Фицу, чтобы тот вышел вперед. — Это лейтенант Фицхью Варус, мой адъютант.

Фиц щеголевато отдал честь — уж он-то, в отличие от Маркуса, никогда не испытывал затруднений с соблюдением строгого армейского этикета. Янус ответил приветственным кивком.

— Лейтенант, — сказал он. — Вы ведь младший брат покойного полковника Варуса, не так ли?

— Да, сэр, — отозвался Фиц.

— В таком случае примите мои соболезнования. Ваш брат был храбрецом.

— Благодарю, сэр.

Справедливо сказано, подумал Маркус. Может, и не семи пядей во лбу, и не безукоризненно честный, но, уж безусловно, храбрец. Впрочем, для Маркуса стало неожиданностью уже то, что Янус вообще

что-то знает о своем предшественнике. Судя по тому, какое внимание уделяло Военное министерство Первому колониальному полку до начала мятежа, Хандар с тем же успехом мог располагаться на Луне. «Может быть, он сказал так из простой вежливости», — подумал Маркус.

— Сэр, если вы подождете минутку, я найду кого-нибудь отнести ваши вещи, — предложил он. — Мы приготовили для вас комнаты в форте.

— Если вы не против, — ответил полковник, — я отнесу их сам. Только покажите мне дорогу.

— Как пожелаете, сэр. Может, мне приказать, чтобы вам принесли поесть? Вы, наверное, устали.

— В этом нет необходимости, — сказал Янус. — С остальным багажом прибывает мой слуга, и все подобные вопросы будут в его ведении. Кроме того, мне следует как можно скорее нанести визит его светлости. Как полагаете?

— Его светлости? — озадаченно переспросил Маркус. — Вы имеете в виду принца?

Он так давно не уделял изгнанному правителю сколько-нибудь значительного внимания, что почти позабыл о присутствии этого человека в форте.

— Разумеется. В конце концов, я ведь оказался здесь именно ради него.

Маркус хотел было неодобрительно нахмуриться, но тут же спохватился. Янус, скорее всего, испытает жгучее разочарование, когда встретится лицом к лицу с правителем Хандара, но его, Маркуса, это уже несколько не касается. «Все, что от тебя теперь требуется, — напомнил он себе, — выполнять приказы».

— Да, сэр. Я прикажу кому-нибудь проводить вас в покои принца.

— Капитан, — Янус лучезарно улыбнулся, — я был бы крайне признателен, если бы меня сопровождали именно вы. Возможно, мне понадобится прибегнуть к вашим знаниям.

«Если это так, то мы по уши в дерьме», — подумал Маркус и тем не менее лихо отдал честь:

— Безусловно, сэр!

Едва они оказались в тени стен форта, полковник сбросил просторную черную хламиду, которая оказалась пошита из настолько тонкого шелка, что ее можно было сложить до размеров носового платка. Маркус поспешно подозвал подвернувшегося под руку солдата и приказал отнести хламиду в комнаты полковника. Солдат,

застигнутый врасплох, так опешил, что забыл отдать честь, но Янус лишь поприветствовал его бодрым кивком.

Под мантией полковник носил заурядный мундир, такой же свежий и ярко-синий, как парадная униформа Маркуса, но без золотого шитья или позументов, столь характерных для высшего офицерства. Единственным признаком полковничьего чина была пара ворданайских орлов на плечах — серебряных, со сверкающими нефритовыми глазами.

Сам Янус был внешне почти непримечателен, если не считать его относительной молодости и поразительных глаз, ясно-серых, казавшихся чересчур большими для его тонкого лица. Темные волосы полковника были подстрижены и причесаны в полном соответствии с армейской модой, отчего Маркус почувствовал себя неловко, вспомнив, что давно не навещался к цирюльнику.

Апартаменты принца находились в противоположном конце форта. Свита бывшего повелителя Хандара потребовала, чтобы в ее распоряжение была предоставлена одна из угловых башен, а потому Маркус отдал им северо-западную башню, которая выходила на море и вряд ли понадобилась бы для обороны при возможном нападении. Сейчас над ней развевалось огромное шелковое знамя, которое принц вывез из Эш-Катарiona, с серым орлом на белом фоне, наполовину скрытым поднявшимся на дыбы красным скорпионом.

Саму башню охраняла Небесная Гвардия, но Маркус расставил на почтительном расстоянии собственные посты — надежных солдат из первого батальона. Прежде всего он стремился избежать возможных столкновений, но и, кроме того, — охладить пыл желающих втихую обшарить покои принца. При отступлении из Эш-Катарiona кортеж принца сопровождал десяток крытых повозок, и в форте ходили слухи, что в них спрятаны все ценности и реликвии трона Вермильона, на которые его светлость успел наложить лапу.

Часовые Маркуса при его приближении отдали честь и расступились, но двое хандараев, стоявших по обе стороны от входной двери, повели себя далеко не так дружелюбно. Маркус вынужден был прикусить губу, чтобы не усмехнуться при виде их неподдельно мрачных физиономий. Без сомнения, когда-то Небесная Гвардия была грозной боевой силой, однако эти времена давно миновали. Предшественники нынешнего принца набрали в ее ряды своих стареющих прихвостней, и эти двое гвардейцев представляли собой типичных представителей такого пополнения. Оба были седоволосы, а стоявший слева так упитан, что жир выпирал валиками из-под золоченого нагрудника. Копья их были щедро изукрашены золотом и серебром.

Когда двое офицеров подошли ближе, один из гвардейцев грохнул по плиткам древком копья и повелительно рывкнул по-хандарайски. Маркус, обернувшись к Янусу, перевел:

— Он хочет знать, кто мы такие.

Легкая усмешка промелькнула по губам полковника и тотчас исчезла, словно отдаленная вспышка молнии.

— Скажите ему, что новый полковник смиренно просит Избранника Неба об аудиенции.

Маркус скривился, словно попробовал что-то кислое, но добросовестно перевел. На местном наречии он говорил кое-как, да еще и с чудовищным акцентом, однако гвардеец его понял. Он отступил в сторону (второй гвардеец сделал то же самое) и жестом показал ворданалям, что они могут войти.

Первый этаж башни представлял собой одно просторное помещение. Когда полк только добрался до Форта Доблести, здесь, как и во всем форте, было хоть шаром покати, но сейчас пол в несколько слоев выстелили коврами, а грязные стены задрапировали шелком. В золоченых сосудах курились благовония, дабы обоняние Избранника Неба не оскорбил никакой неуместный запах. На небольшом столике стояли фрукты и серебряные кубки с водой — на случай, если принцу захочется утолить голод или жажду.

Однако эти потуги на роскошь не могли скрыть неприглядную реальность. Фрукты на столике были засохшие и дряблые, и никакие занавесы не могли скрыть неказистости помещения, предназначенного изначально для более грубых нужд. И что самое унижительное — тому, кто некогда повелевал тысячами, сейчас прислуживало едва ли полдесятка. Две девицы неопределенного рода занятий возлежали у подножия трона, еще две махали опахалами, тщетно пытаясь внести в духоту дуновение искусственного ветерка, да пухлолицый мужчина, расплывшись в улыбке, поспешил навстречу вошедшим в зал Маркусу и Янусу.

Трон, разумеется, вовсе не был подлинным троном Вермильона. Достопамятный престол, грандиозное уродливое творение из позолоты и мрамора, которое заняло бы добрую половину здешнего зала, остался в эш-катарионском дворце, и сейчас его, по всей вероятности, согревала пресвятая задница какого-нибудь искупителя. Слуги превзошли себя, колдуя с резным деревом и красной краской, однако плод их усилий походил не столько на трон, сколько на самое обыкновенное кресло, да к тому же наверняка неудобное.

Именно на нем восседал принц Эксоптер, Избранник Неба, Верховный Повелитель Хандара и Двух Десолов. Внешний вид его полностью соответствовал традициям. Коротко остриженные волосы

скрывались под искусно окрашенным париком, который, по мнению Маркуса, смахивал на клубок змей, предающихся свальному блюду, бледное лицо покрывал такой густой слой белил и румян, что оно больше походило на маску. Повсюду — на пальцах, на шее, в ушах принца — сверкали золото и драгоценные камни, пурпурная шелковая мантия, наброшенная на плечи, была сколота брильянтовой брошью и расшита по краям крупными белыми жемчужинами, которые едва слышно постукивали при каждом движении принца.

«Интересно, — подумал Маркус, — вызовет ли это зрелище у полковника благоговейный трепет? Вряд ли. Он, в конце концов, и сам граф». Формально граф на иерархической лестнице знати располагался ниже принца, однако самый мелкий ворданайский дворянин полагал себя невообразимо выше всякой иноземной шишки, каким бы громким титулом ни похвалялся иноземец.

Когда они вошли в зал, Янус огляделся по сторонам с вежливым, но явно отчужденным интересом. Пухлолицый мужчина, щедро обливаясь потом, низко поклонился офицерам.

— Приветствую вас! — проговорил он по-ворданайски, с сильным акцентом, но вполне приемлемо. — Я — Раззан дан-Ксопта, министр его светлости. Избранник Неба повелевает вам предстать перед его монаршим взором.

Принц, чье выражение лица под толстым слоем румян и белил оставалось совершенно неразличимо, бросил несколько слов по-хандарайски. В тоне его отчетливо прозвучала скука.

— Его светлость изволит также приветствовать вас, — перевел министр. — Он весьма доволен, что вы явились по его зову.

Именно этого Маркус как раз и опасался. Он без труда мог понять речь большинства местных жителей, но при дворе принца пользовались церемониальным диалектом, который очень отличался от основного языка. Маркус с грехом пополам понимал одно слово из четырех, а этого явно не хватало, чтобы быть уверенным в том, что Раззан переводит правильно.

Он наклонился к Янусу и прошептал:

— Принцу, по всей видимости, кажется, что вас прислали сюда только потому, что он попросил...

Янус поднял руку, призывая к молчанию, помедлил немного и заговорил:

— Передайте его светлости мои искренние приветствия и сообщите, что перед ним — полковник граф Янус бет Вальних-Миеран, командир Первого колониального пехотного полка. Полагаю, старшего капитана Д'Ивуара его светлость уже знает.

Раззан добросовестно перевел его слова и выслушал ответ.

— Его светлость чрезвычайно рад тому, что Фарус Восьмой, его дражайший друг, прислал к нему столь достойную персону.

Янус вновь поклонился:

— Я приложу все усилия, дабы оправдать ожидания его светлости.

У принца дернулись губы, и он явно недовольно выпалил нечто. Раззан на миг заколебался, затем произнес:

— Его светлость желает узнать, где находится остальной флот.

Лицо полковника не дрогнуло.

— Весь флот прибыл и стоит на якоре в бухте.

После долгой паузы Эксоптер вновь заговорил.

— Его светлость предполагает, что в перевод, вероятно, вкралась некая ошибка. — Раззан облизал губы. — Насколько понимает его светлость, сейчас в бухте находится всего тринадцать кораблей.

— Именно так.

— Но этого недостаточно! В обращении его светлости к королю Фарусу Восьмому, его благодетельному союзнику, была недвусмысленно высказана просьба прислать сто тысяч солдат. На тринадцати кораблях столько не поместится!

Маркус едва не прыснул со смеху. Сто тысяч солдат составили бы почти всю численность армии его величества, и, чтобы доставить их сюда, потребовались бы суда со всего побережья. Раззан старательно изображал непонимание, но его светлость не спускал с ворданаев настороженного взгляда.

— На кораблях прибыло достаточно живой силы, чтобы пополнить численность Первого колониального полка до изначальной, — сказал Янус, — а кроме того, боеприпасы, амуниция и прочее необходимое снаряжение.

Эксоптер что-то отрывисто буркнул.

— Может, в Первом колониальном полку служат не люди, а демоны? — осведомился Раззан. — Каждый из них сражается за десятых? Они неуязвимы для пуль?

Ни тени усмешки не промелькнуло на лице полковника, но в его ответе Маркус явственно услышал веселье:

— Это храбрые и искусные бойцы, но тем не менее вынужден признать: они самые обыкновенные люди.

— В таком случае его светлость желал бы узнать, каким образом вы помышляете вернуть ему трон силами одного-единственного полка. — Раззан говорил учтиво, и вид у него при этом был виноватый, зато глаза принца засверкали так, словно он только что нанес убийственный удар. — Или, быть может, вы ни о чем подобном не

помышляете? Быть может, король, наш друг, презрел свои подкрепленные договором обязательства?

— Его величеству такое и в голову бы не пришло, — сказал Янус. — Что касается возвращения вашей светлости отнятого трона — можете быть уверены, что все мои помыслы устремлены к этой цели.

Принц что-то проговорил в ответ, растягивая слова, и Раззан побледнел. Прежде чем он сумел измыслить достаточно приглаженный перевод, Янус выпалил фразу на придворном диалекте хандарайского — настолько безупречную, что у пухлолицего лизоблюда отвисла челюсть. Даже принц опешил, и глаза его под нарумяненной маской изумленно округлились. Маркус оторопело моргнул.

— Если это все, — продолжал Янус уже по-ворданайски, — то я позволю себе удалиться. Передайте его светлости мою благодарность за уделенное нам время.

С этими словами он развернулся на каблуках и чеканным шагом вышел из зала. Двое гвардейцев расступились перед ним. Маркус поспешил следом, чувствуя себя мальчуганом, который изо всех сил старается не отставать от старшего брата. Он дождался, пока они отойдут на приличное расстояние от башни, и только тогда заговорил.

— Сэр, я не знал, что вы владеете хандарайским. — Маркус постарался произнести эти слова нейтральным тоном, но все равно с неловкостью ощутил, что они прозвучали как обвинение.

— Я владею семью языками, — рассеянно отозвался Янус. — В дополнение к традиционным ворданайскому, норелдрайскому и хамвелтайскому я углубленно изучил борелгайский, мурнскойкий, видайский и хандарайский. — Он пожал плечами. — Впрочем, должен признать, что мне пришлось вдобавок освежить в памяти обороты придворного диалекта. Я обнаружил, что морское путешествие — наилучшее время для занятий языками поскольку больше заняться все равно нечем.

— Весьма... впечатляюще.

Янус покачал головой, отряхнувшись от задумчивости.

— Извините, — сказал он. — У меня и в мыслях не было похваляться своими познаниями.

— Вы и не похвалялись, сэр.

— Капитан, если нам предстоит работать вместе, очень важно, чтобы каждый из нас не скрывал от другого, на что он способен. Прошу прощения, если застал вас врасплох.

— Сэр, я просто не ожидал ничего подобного. — Маркус на миг замялся. — А что сказал вам принц? Я неплохо понимаю хандарайский, но не эту придворную тарабарщину.

Губы Януса дрогнули.

— Он сказал, что мои заверения недорого стоят, учитывая, что король прислал ему на помощь отребье своего офицерского корпуса.

Слово «отребье» как нельзя больше подходило Первому колониальному полку, но это было уже чересчур. Маркуса передернуло.

— А вы что ему ответили?

— Что, поскольку он явился к нам нищим просителем, ничего лучше отребья он и не заслуживает. — Вновь по губам полковника пробежала быстрая усмешка. — Пожалуй, с моей стороны это было не слишком... дипломатично.

— После того как он оскорбил его величество — так ему и надо! — подержал Маркус. — Но...

Он зашнулся, и Янус, уловив нерешительность собеседника, поптичьи склонил голову набок.

— Что такое, капитан? Когда мы наедине, можете всегда говорить со мной откровенно.

Маркус собрался с духом.

— Сэр, неужели вы и вправду хотите отвоевать Хандар? Люди почти поголовно ждут, что их погрузят на эти же самые суда и вернут на родину.

Наступило долгое молчание. Полковник задумчиво взирал на Маркуса, и его серые глаза поблескивали. Маркусу подумалось, что в них есть нечто необычное. Они словно видят тебя насквозь, минуя все ухищрения и уловки этикета, проникают через плоть и кровь, добываясь до самой сути твоего естества. Если бы на свете и впрямь существовал зверь Страшного суда, у него был бы именно такой взгляд.

— А чего ожидаете вы, капитан? — негромко спросил Янус.

— Я... — начал Маркус и оборвал себя, чуя подвох. — Я не осмелился бы предвосхищать ваши планы, сэр.

— Но каково было бы ваше мнение? — Янус подался ближе. — Что сделали бы вы, если бы командовали полком?

«Поджал бы хвост и удрал без оглядки», — подумал Маркус, медленно покачав головой.

— Согласно донесениям, которые мы получили перед самым отходом, численность армии искупителей в Эш-Катарионе составляла почти двадцать тысяч человек. С тех пор их стало значительно больше. Кроме того, есть еще генерал Хтоба, — при звуке это имени он едва не сплюнул, — и его аскеры, добрых шесть батальонов солдат, обученных ворданайскими инструкторами и оснащенных ворданайским оружием. А с тех пор как Стальной Призрак поднял десолтаев и столкнулся со священниками... — Маркус развел руки. — Наши силы, если полк будет укомплектован полностью, составят около четырех тысяч человек.

— Чуть больше, — перебил Янус, — с артиллерией и кавалерией.

— Чуть больше четырех тысяч, — согласился Маркус. — Против... скажем приблизительно, тридцати тысяч. Шесть против одного, и это только считая солдат в строю. К тому времени, когда искипители взбудоражили чернь, почти все население Эш-Катарiona спало и видело, как бы избавиться от принца.

— Шесть против одного, — повторил Янус. — Неравные шансы.

— Неравные, — кивнул Маркус. — Сэр, я не говорю, что мои люди не готовы драться. Будь у нас еще хоть один отряд, еще несколько пушек, быть может, полк кирасир — я бы не стал колебаться. Но... неравные шансы есть неравные шансы.

Янус медленно кивнул. И, словно приняв какое-то решение, широко улыбнулся:

— Капитан, вы не согласитесь поужинать со мной? Полагаю, я должен вам кое-что объяснить.

До ужина оставалось еще несколько светлых часов, а значит — еще несколько часов возни с бумагами. Избежать этого было невозможно; за то время, когда полком командовал Бен Варус, учетные книги и личные дела Колониального полка плачевно устарели, несмотря на все тайные старания Фица навести порядок в кавардаке, устроенном его старшим братом, а у Маркуса с самого начала попросту не хватало времени на то, чтобы вплотную заняться заброшенной документацией. Теперь же, когда полковые списки предстояло пополнить двумя тысячами рекрутов, не считая нескольких десятков новоиспеченных сержантов и лейтенантов, океан бюрократических нужд грозил захлестнуть его с головой.

Маркус, однако, был не из тех, кто сдается без боя, и остаток дня он провел, продираясь сквозь дебри бумажной зауми и ставя повсюду, где необходимо, свою подпись. Он даже головы не поднял, когда Фиц беззвучной тенью проскользнул в кабинет и поставил рядом с его локтем дымящуюся чашку. Впрочем, стоило Маркусу рассеянно потянуться к ней и сделать глоток, как он тотчас оторвался от бумаг и взглянул на лейтенанта.

— Чай?! Настоящий чай?! Фиц, ты держал его на черный день?

Молодой человек улыбнулся:

— Нет, сэр, его доставил сюда флот. Если быть точным, это подарок от полковника.

Маркус вытянул губы, подул на чашку и сделал второй, уже более основательный глоток. Изысканный тонкий аромат, словно заклинание могущественного мага, перенес его за много миль и за много лет отсюда, в давнее мирное прошлое. На краткий миг капитан вернулся

в военную академию в Гренте, и чашка чая дымилась, остывая, у локтя, покуда он штудировал очередной трудный текст по теории тактики и вполуха слушал болтовню Адрехта о свежих сплетнях студенческого городка. Маркус прикрыл глаза.

В Хандаре пили кофе — редкий деликатес в Вордане, но здесь настолько дешевый, что сырые зерна можно было купить по паре медяков за бушель. Местные жители предпочитали черный кофе, крепкий, обильно приправленный пряностями, с густым осадком. С годами Маркус более-менее свыкся со вкусом этого напитка, тем более незаменимого, когда приходилось бодрствовать полночи, и все же...

Он выдохнул, в кои-то веки ощутив себя хотя бы отчасти умиротворенным:

— Спасибо, Фиц.

— Не за что, сэр.

Маркус открыл глаза.

— Кстати, о полковнике...

— Да, сэр?

— Судя по всему, мне потребуется находиться при нем, по крайней мере часть времени. Я рассчитываю на то, что ты займешься делами первого батальона.

Строго говоря, Маркусу полагалось бы иметь в своем распоряжении еще по меньшей мере двух полевых лейтенантов, на которых он мог бы возложить командование батальоном в свое отсутствие, чтобы штабной лейтенант мог заниматься исключительно работой штаба. На самом же деле Фиц в одиночку исполнял и те и другие обязанности, причем иногда одновременно.

— Разумеется, сэр. На сей счет можете не беспокоиться. — Лейтенант замялся. — Сэр, могу я спросить?..

Маркус отхлебнул чаю и махнул рукой:

— Мм?

— Каково ваше впечатление о полковнике?

— Он... — Маркус сделал паузу, размышляя. — Он очень умный.

Фиц нахмурился. Слово «умный» в лексиконе простого солдата было почти ругательным. «Умный» офицер сочиняет «тщательно проработанный» план, а потом в самый неподходящий момент все идет наперекосяк, и бац — пал смертью героя.

— Он граф, — продолжал Маркус, — но не цепляется за дворянские привилегии. Приятный человек, я бы сказал, но есть в нем что-то... — он запнулся, вспомнив испытующий взгляд прозрачно-серых глаз, — что-то странное. Не знаю. — Маркус пожал плечами. — Я ведь и сам только что с ним познакомился.

— Он хотя бы намекнул, что собирается делать дальше?

Прежде чем Маркус успел ответить, в дверь постучали. Фиц поспешил открыть, а Маркус вернулся к разложенным перед ним бумагам, всеми правдами и неправдами стараясь сосредоточиться на чтении. Отпил большой глоток чаю, подержал во рту, наслаждаясь теплом и горьковатым привкусом, но, услышав деликатное покашливание, поднял голову и торопливо проглотил напиток. Фиц стоял у двери, и лицо его, как обычно, было официально непроницаемым, но слегка приподнятая бровь намекала на нечто из ряда вон выходящее.

— Вас хотят видеть, сэр, — сказал лейтенант. — Мисс Дженнифер Алхундт.

Маркус опешил.

— Ты уверен?

— Так точно, сэр.

— Тогдапусти ее, что ли.

Маркус расправил плечи и одернул воротничок, краем сознания отметив, что на парадном мундире уже кое-где проступают пятна пота.

Вошедшая женщина выглядела необычайно бледной даже для уроженки Вордана. Такая бледность бывает свойственна человеку, который всю жизнь провел в четырех стенах, и слезящиеся глаза, скрытые очками в серебряной оправе, лишь усиливали это впечатление. Волосы ее, длинные и темные, были туго заплетены в косу. Ее наряд состоял из тонкого коричневого жакета поверх мешковатой хлопчатой блузы и коричневых же брюк. В те времена, когда Маркус покинул Вордан, приличная женщина в брюках была зрелищем если не скандальным, то по крайней мере чрезвычайно редким. Мелькнула праздная мысль: что, если дамы высшего света сменили с тех пор пышные юбки на облегающие мальчишеские штанишки? В мире высокой моды и не такое случалось.

Когда гостья вошла, Маркус поднялся на ноги и изобразил легкий поклон. Женщина поклонилась в ответ — без особого изящества. Очки при этом едва не соскользнули с носа, но она привычно перехватила их и заученным движением вернула на переносицу.

— Здравствуйте, мисс Алхундт. Я — капитан Маркус Д'Ивуар. Не желаете ли присесть? — Он запнулся, со стыдом сообразив, что предлагает даме усесться на корточках на голом полу, и кашлянул, чтобы скрыть смущение. — Фиц, принеси-ка для мисс Алхундт подушку.

— Благодарю, — промолвила она, — не нужно.

Они уселись по обе стороны самодельного стола, и гостья сквозь толстые линзы очков устремила на Маркуса взгляд натуралиста, изучающего весьма необычное насекомое. Маркус все еще ломал голову,

как бы поделикатней осведомиться, какого черта она здесь делает, и тут женщина сказала:

— Полагаю, вы сейчас гадаете, что я здесь делаю.

Маркус пожал плечами и беспомощно махнул рукой Фицу. Лейтенант послушно ретировался.

— Хотите чаю?

— Да, будьте любезны, — согласилась она. — Я прибыла сюда, разумеется, с флотом. Со специальным заданием.

— И каким же?

— Его светлость получил от его величества приказ составить независимую картину событий в Хандаре.

Маркус оцепенел.

— Его светлость?

— Герцог Орланко, — уточнила гостья. — Я служу в Министерстве информации.

Вернулся Фиц с чаем, и его появление избавило Маркуса от необходимости придумывать, что же на это ответить. Мисс Алхундт приняла у лейтенанта кружку, отхлебнула чаю и вновь устала на Маркуса.

— В Министерстве информации, — наконец повторил он. — Могу ли я поинтересоваться, в... качестве кого?

— Боюсь, что всего лишь бедного ученого. — Женщина сдержанно улыбнулась. — Капитан, мне хорошо известна наша репутация, однако я уверяю вас, что книжников под началом его светлости трудится куда больше, чем шпионов и наемных убийц.

Мисс Алхундт решительно не походила ни на шпиона, ни на наемного убийцу. Скорее можно было сказать, что в окружении книг она чувствует себя более уверенно, чем в обществе людей. И, однако же, всему Вордану было известно, что у Конкордата герцога Орланко — всевидящее око и крайне длинные руки.

— Вы упомянули приказ короля, — сказал Маркус вслух, стараясь выиграть время.

Мисс Алхундт кивнула:

— Его величество был обеспокоен тем, что донесения, которые мы до недавних пор получали из Хандара, могут... не вполне соответствовать действительности. В свете наших расширенных обязательств и здешней ситуации в целом он счел целесообразным получить беспристрастную оценку обстановки. По армейским каналам сделать это нелегко.

— Да, наверное, вы правы. — Маркус неловко поерзал. — Тогда что вам нужно именно от меня?

— Я просто подумала, что мне следует вам представиться. — Женщина одарила его улыбкой, сверкнув безукоризненно белыми зубами.

ми. — Мой опыт пребывания в действующей армии, боюсь, изрядно ограничен, и я уверена, что смогу всецело рассчитывать на то, что вы и ваши офицеры поделитесь со мной своими взглядами.

— Вам же вроде бы поручили составить беспристрастный доклад?

— Я представлю вашу точку зрения и добавлю к ней свою, — пояснила мисс Алхундт. — Таким образом его величество и его светлость получают всю доступную информацию. В последнее время этого, безусловно, не доставало.

Маркус не мог не согласиться с этим заключением. Сам он во время отступления удосужился наспех настрочить всего один рапорт, да и тот едва ли успел дойти до столицы. «Его светлость, должно быть, до сих пор блуждает впотьмах. Неудивительно, что он послал сюда своего человека. Но почему именно ее?» — подумал Маркус.

— Я сделаю все, что в моих силах, — произнес он. — Впрочем, вы же понимаете, что сейчас полком командует полковник Вальних. Моя точка зрения сейчас, быть может, уже немногого стоит.

— Я, конечно же, поговорю и с полковником, — деловито заверила мисс Алхундт. — Полагаю, вы с ним уже познакомились?

— Да, я встретил его сегодня днем.

— Вас не затруднит высказать свои впечатления?

— Затруднит, — отрезал Маркус. Сплетничать с Фицем — одно дело, но обсуждать старшего по званию со штатским — категорическое табу, даже если бы этот штатский не служил в тайной полиции.

— Что ж, вопрос снят, — сказала мисс Алхундт, все так же улыбаясь. — Понимаю. — И внезапно поверх стола протянула руку Маркусу. — Капитан Д'Ивуар, я искренне надеюсь, что мы подружимся.

Маркус, вновь растерявшись, неловко пожал протянутую руку. Мисс Алхундт отпила чаю, вручила свою кружку Фицу и поднялась на ноги.

— А сейчас, полагаю, вас ждут дела, — промолвила она. — До скорой встречи, капитан, не сомневаюсь, что очень скорой.

Едва гостя скрылась за дверью, Маркус поднял взгляд на адъютанта:

— Меня и вправду ждут дела?

— Конечно, — отозвался Фиц. — Но сначала, если помните, — ужин с полковником.

Когда Маркус подошел к обиталищу полковника, дверь распахнулась, и за ней обнаружился высокомерный слуга в ливрее. Застигнутый врасплох, Маркус наспех, едва заметно, поклонился и получил в ответ краткий кивок.

— Я — капитан Д'Ивуар, — сказал он. — Полковник ждет меня.

— Безусловно, сэр. — Слуга с худым лицом и седой гривой, которому на вид было никак не меньше пятидесяти, вновь одарил Маркуса кивком, уже более отчетливым, а затем впери́л в него неодобрительный взгляд. — Проходите.

— А, капитан! — донесся из глубины помещения голос Януса. — Огюстен, можете подавать ужин.

— Слушаюсь, сэр.

Слуга низко поклонился и отступил в сторону.

— Огюстен служит нашей семье с детских лет, — сообщил Янус, когда тот поспешил исполнять распоряжение. — Он считает целью своей жизни поддерживать величие моего положения. Не позволяйте, чтобы он вам докучал.

К некоторому удивлению Маркуса, самая дальняя и просторная комната небольшой квартирki оказалась преображена во вполне приемлемое подобие столовой. Стены, разумеется, оставались все такими же голыми, и на полу не было ковров, зато неизвестно откуда появился стол, за которым могли уместиться шесть едоков, окруженный стульями и накрытый как полагается — с салфетками и столовыми приборами. И даже с тарелками — Маркус с самого своего прибытия в Хандар в глаза не видел подлинного фарфора. «Интересно, — подумал он, — собирается ли полковник возить за собой эту роскошь на поле боя».

— Присаживайтесь, капитан! Можете снять мундир, если хотите. — Сам Янус был в рубахе, а его синий мундир валялся, небрежно брошенный, на крышке сундука в углу комнаты. — Вы, должно быть, уже заметили, что я не большой поклонник церемоний. — Видя, что Маркус все так же переминается на пороге, он повелительно прибавил: — Садитесь! Я сейчас вернусь. Мне нужно кое-что разобрать.

С этими словами Янус проворно нырнул за хлипкую занавеску, которая отделяла столовую от прочих помещений. Маркус без особой уверенности взял один из стульев и устроился на нем. Стул оказался куда более сложной конструкции, чем представлялось на первый взгляд, с брезентовым сиденьем и спинкой, и сидеть на нем было на удивление удобно. После некоторых исследований Маркус пришел к выводу, что стулья складные и их можно перевозить в сложенном виде.

В нем разгорелось любопытство, и он взял со стола тарелку. Она оказалась необычайно легкой, и стало ясно, что это совсем не фарфор: судя по весу, скорее уж жель. Маркус постучал по тарелке ногтем.

— Особый сплав, — сообщил полковник с порога комнаты. — А глазурь сама по себе весьма любопытное изобретение. Выглядит как настоящий фарфор, верно? Вот только ее практически невоз-

можно поцарапать. — Он покачал головой. — Угощение, боюсь, будет скромное. Огюстен — настоящий волшебник, но какое волшебство можно сотворить из солонины с галетами?

Маркус, чья последняя трапеза состояла из жидкой бараньей хлебки в деревянной миске, безмолвно пожал плечами.

— Надеюсь, — продолжал полковник, — как только мы немного обустроимся, вы познакомите меня с местными деликатесами.

— Когда мы покидали Эш-Катарин, — сказал Маркус, — основным блюдом были зажаренные целиком жуки-имхалиты. При должном уходе они достигают двадцати сантиметров в длину, и их мясо считается восхитительным на вкус.

Янус бровью не повел:

— Звучит... хм... заманчиво. Вы часто общались с местными жителями?

— До появления искупителей мы были с ними во вполне приличных отношениях, — задумчиво проговорил Маркус. — В целом я бы не сказал, конечно, что местные нас обожали, однако у меня имелись друзья в городе. Неподалеку от гавани находилось одно небольшое заведение, где продавали арфальгу, разновидность моллюсков, и я обычно проводил там свободные вечера. Извлечь этих шельмецов из раковины непросто — нужна особая сноровка, — зато мясо у них сладкое, как леденцы.

Маркус смолк, задумавшись вдруг, уцелела ли лавчонка, торговавшая арфальгой, или же искупители предали ее огню. И если уж речь зашла об огне, скольких его друзей постигла та же участь.

— Как бы мне хотелось там побывать, — проговорил полковник. — Местная культура весьма увлекательна, и я был бы счастлив, если бы имел возможность изучать ее в мирных условиях. Подозреваю, в ближайшее время наши отношения с местными жителями будут... мягко говоря, напряженными.

— Вполне вероятно, — с каменным лицом подтвердил Маркус.

Вошел Огюстен, неся серебряную супницу с густым красным супом и две глубокие тарелки. Он расставил все на столе и наполнил тарелки с бесшумным изяществом средневекового слуги, затем вернулся в кухню и принес два бокала и бутылку вина. Бутылка была представлена на одобрение Януса.

— Да, вполне подойдет, — сказал тот и искоса глянул на Маркуса. — Надеюсь, у вас нет возражений против хамвелтайского флагеллена?

Маркус, чьи познания в винопитии ограничивались представлением о цвете напитка, неуверенно кивнул.

— Огюстен был крайне сердит на меня, когда я не позволил ему прихватить с собой половину нашего погреба, — продолжал Янус. — Я объяснял, что вряд ли нам в походе понадобится «Бер Нефе» урочая семьдесят девятого года, но он не желал отступить.

— В жизни никогда не знаешь, чем дело обернется, — заметил Огюстен, ловко наполняя стаканы, — а джентльмен всегда должен быть готов принять гостей как подобает.

— Ну да, ну да. — Янус взял свой стакан и, подняв его, провозгласил: — За здоровье его величества!

— За здоровье его величества! — эхом отозвался Маркус и сделал глоток. Вино и вправду было хорошее, хотя после хандарайского пойла, которым ему приходилось довольствоваться столько лет, оно больше напоминало фруктовый сок. Куда сильнее Маркуса интересовал суп — если его и вправду готовили из солонины с галетами, то эти ингредиенты оказались надежно скрыты. Маркус не успел опомниться, как уже опустошил тарелку и помимо воли высматривал супницу.

— Добавки капитану! — велел Янус.

— Благодарю, сэр. — Маркус осторожно кашлянул. — Знаете, у меня сегодня незадолго до ужина побывала гостья...

— Наша мисс Алхундт? Да, я не сомневался, что она к вам заглянет.

— Она... — Маркус запнулся, глянул на Августина. Янус перехватил его взгляд.

— Можете быть уверены, что Огюстен не станет болтать лишнего. Я ему всецело доверяю. Тем не менее, если вам так спокойней... Огюстен, вы не могли бы на несколько минут оставить нас одних?

— Безусловно, сэр. — Слуга поклонился. — Я побуду в соседней комнате, на случай если милорду что-нибудь понадобится.

С этими словами он точно испарился из столовой. «Этот человек, — подумал Маркус, — неплохо бы спелся с Фицем». И тот, и другой в совершенстве овладели искусством передвигаться бесшумно, следуя верной тенью за хозяином.

— Вы что-то говорили о мисс Алхундт?

— Э-э... да, сэр, — отозвался Маркус. — Она служит в Министерстве информации. Думаю, вам это известно.

— Совершенно верно, — кивнул Янус. — Какое впечатление она на вас произвела?

— На меня? — Маркус пожал плечами. — Мы общались слишком мало, чтобы я успел составить какое-то мнение. Пожалуй, она немного чопорна. А в целом — безвредна.

Полковник чуть заметно усмехнулся краешком рта:

— Сама по себе она, может быть, и безвредна. Что именно вам известно о политической ситуации на родине?

Политика. Маркус поборол приступ паники.

— Почти ничего, сэр. До нас даже сплетни доходят с опозданием на полгода.

— Я не стану докучать вам ненужными подробностями об интригах и заговорах. Достаточно будет сказать, что с некоторых пор правительство его королевского величества разделено на группировки. Одна — назовем ее партией сторонников мира — выступает за тесное сближение с борелгаями и императором Мурнска, и в особенности — с Истинной церковью Элизиума. Другая сторона предпочитает вести в отношении тех и других агрессивную политику. Как правило, невозможно определить со всей точностью, к какой именно партии относится тот или иной деятель, однако известно, что партию сторонников мира некоторое время возглавлял его светлость герцог Орланко. — Янус склонил голову к плечу. — Полагаю, хоть это-то имя вам известно?

— Последний Герцог, — проговорил Маркус. — Министр информации.

— Совершенно верно. Именно усиление партии сторонников войны ввергло нас в Войну принцев, которая так катастрофически завершилась при Вансфельдте.

— Мне об этом можете не напоминать, — сказал Маркус. — Я присутствовал там.

Он, тогда еще лейтенант, был на стажировке, командовал ротой снабжения и не принимал никакого участия в военных действиях. Тем не менее Маркус оказался достаточно близко от места битвы, чтобы видеть далекие вспышки взрывов и слышать грохот пушек, а потом угодить в поток бегущего в панике войска.

Янус кивнул:

— После подписания мирного договора партия сторонников мира получила практически неограниченную власть. Гибель принца Доминика лишила партию сторонников войны вождя, а король был слишком измучен горем и болезнью, чтобы вмешиваться в происходящее. Орланко как никогда тесно сошелся с борелгаями и церковью. Чем чаще одолевали короля приступы болезни, тем больше крепла власть Орланко. Если бы его величество — упаси нас боже, конечно, — скончался, на трон взошла бы принцесса Расиния, но всю власть получил бы Орланко — причем такую, о которой он и мечтать не мог.

— Что ж, понятно, — без особой уверенности проговорил Маркус, — но какое отношение все это имеет к Хандару? Я скорее подумал бы, что до нас ему нет дела.

— Так и есть. Когда Военное министерство выступило с идеей Хандарайской операции, все ожидали, что Орланко начнет яростно возражать. Вместо этого он не только всецело поддержал операцию, но и потребовал, чтобы один из его людей был отправлен в качестве официального наблюдателя.

— Но почему?

Янус улыбнулся:

— Именно над этим вопросом я ломал голову последние пару месяцев. Одна вероятная причина: он вычислил, что командовать операцией назначат именно меня. Мы с герцогом... гм... не в самых дружеских отношениях. Он полагает, что мы обречены либо на жестокое поражение, либо на позорное бегство. В любом случае Орланко постарается воспользоваться этим, чтобы уничтожить меня.

Маркус, отчасти встревоженный тем, как небрежно прозвучали в устах собеседника слова «жестокое поражение», постарался, как мог, сохранить бесстрастное лицо.

— Но все же вы так не думаете.

— Не думаю. Это слишком окольный путь даже для такого заядлого интригана, как Орланко. Не сомневаюсь, он был бы рад увидеть мое падение, однако ему нужно кое-что еще. — Янус поджал губы. — А может, и не ему. Возможно, Орланко лишь пешка в руках своих дружков из Истинной церкви. В последнее время Министерство информации буквально наводнили священнослужители всех мастей.

— Что могло понадобиться Истинной церкви в Хандаре?

— Кто знает? — Янус пожал плечами, но глаза его все так же скрывались под полуопущенными веками. — Все что угодно. Они до сих пор верят, что в Элизиуме обитают демоны.

— Сдается мне, со стороны Орланко было не слишком-то умно подсунуть свою шпионку туда, где она у всех на виду, — заметил Маркус. — Если хотите, я могу приставить к ней пару солдат, чтобы ходили по пятам.

— Благодарю, капитан, но не стоит себя затруднять. Как я уже сказал, сама по себе она безвредна. Настоящие шпионы, вне всякого сомнения, затаились среди наших рекрутов.

Об этом Маркус как раз и не подумал. Чертова прорва новобранцев, и как он узнает, кому из них можно доверять? На долю секунды в нем вспыхнула бессмысленная злость на Януса: «Что за проклятие ты навлек на мой полк?»

Помедлив мгновение, капитан спросил вслух:

— Сэр, зачем вы мне все это говорите?

— Не привыкли к тому, чтобы старший офицер говорил напрямик? — усмехнулся Янус. — Нет, не отвечайте. Я стараюсь быть с

вами откровенным, капитан, потому что мне нужна ваша помощь. Вы знаете эту страну, знаете хандараев и, что самое важное, знаете Колониальный полк. Я не настолько глуп, чтобы считать, будто справлюсь без вас и ваших сотоварищей-офицеров.

Маркус помимо воли вытянулся на стуле:

— Сэр, я приложу все силы, чтобы исполнить свой долг. И не только я — все остальные тоже.

— Мне нужен не просто подчиненный, а... своего рода напарник. Между двух огней, между искупителями и Орланко, мне нужен тот, кому я смогу доверять.

— Почему вы решили, что можете мне доверять?

— Капитан, — сказал Янус, — я читал ваше личное дело. Я знаю вас лучше, чем вам могло бы показаться.

Последовала долгая пауза.

— Что же вы собираетесь сделать? — спросил наконец Маркус.

— Намеренно или нет, но Орланко загнал меня в угол. Мне приказано подавить мятеж, но никто в Военном министерстве даже не представлял, насколько плохо здесь обстоят дела. Единственный выход — начать кампанию и победить, не спуская при этом глаз с мисс Алхундт и всех неведомых приятелей, которых она могла прихватить с собой.

Маркус помолчал, размышляя.

— Сэр, — сказал он, — могу я вас кое о чем попросить?

— Да, конечно.

— Мне не по душе, что мои люди станут пешками в игре между вами и герцогом. Я хочу... — Он на мгновение замялся. — Я хотел бы, чтобы вы дали мне слово. Слово офицера, что вы действительно считаете, что ваш план выполним. У меня нет никакого желания помогать вам пасть смертью героя.

«Или погибнуть самому по вашей милости», — подумал он.

Маркус опасался, что Янус оскорбится, услышав такое требование, но по губам полковника лишь опять скользнула быстрая усмешка.

— Разумеется, капитан. Я даю вам слово офицера либо дворянина, любое — на ваш вкус.

— Слова офицера будет вполне достаточно, — сказал Маркус, борясь с желанием ухмыльнуться. — Я никогда особо не доверял знати.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВИНТЕР

Вернувшись с завтрака, Винтер обнаружила, что все ее личные вещи разбросаны и втоптаны в землю.

Кто-то разобрал ее палатку, тщательно, в соответствии с уставом, обмотав ее вокруг колышков. Прежде чем это сделать, нужно было вынести все имущество, и, судя по виду этого самого имущества, неизвестный изрядно потоптался по нему, постаравшись раздавить все в крошево о сухую, прокаленную жарой землю внутреннего двора.

Дэвиса, разумеется, нигде поблизости не было, зато Винтер увидела Втыка — он сидел перед своей палаткой, располагавшейся в том же ряду, но чуть дальше, и с прохиндейской ухмылкой поглядывал на нее. Без сомнения, он ожидал, что она начнет ползать на коленях, копаясь в ошметках вещей и спасая то, что еще можно спасти... и Винтер жестко решила, что не доставит ему подобного удовольствия. Личных вещей у нее все равно осталось не так уж много. Почти все пришлось бросить при отступлении: подушки, одеяла и прочие предметы обихода, личную палатку, небольшую коллекцию хандарайских книг, которую она собрала, пока изучала язык. Из всех этих сокровищ у Винтер осталась лишь пара безделушек и памятных вещиц, добытых в Эш-Катарроне, и ради одного этого она не станет елозить коленями по земле под самым носом у злорадствующего Втыка.

Вместо этого девушка без единого слова развернулась на каблуках и пошла искать свою новую роту. Дело это было не из легких — всего лишь за одну ночь лагерь увеличился почти втрое. Вновь прибывшие выделялись невыгоревшей синевой новеньких, с иголки, палаток, но, поскольку новичков все равно было в три раза больше, чем ветеранов, одна эта примета не больно-то помогала делу. В конце концов

Винтер поймала за рукав какого-то штабного лейтенанта и спросила, как отыскать седьмую роту первого батальона. Загнанного вида юнец без особой любезности указал ей дорогу.

Проходя между ровными рядами палаток, едва покинувших неведомую ворданайскую фабрику и поставленных в строгом соответствии с уставом, Винтер остро чувствовала свою неуместность. Несмотря на новый мундир, ее внешний вид оставался далек от армейского совершенства, а сержантские звездочки на плечах точно магнитом притягивали внимание всех вокруг. Винтер тоже без стеснения разглядывала любопытствующих.

«Дети, — думала она. — Армия детей».

Солдаты, попадавшие ей на глаза, завтракали или болтали о чем-то своем, собравшись небольшими группками у входа в палатки, и казались ей больше похожими на мальчишек, играющих в войну. Их новенькие мундиры выглядели чересчур опрятно — ни прорехи, ни расползшегося шва. Большинство лиц нуждалось в услугах бритвы ничуть не больше, чем ее собственное.

Расположение седьмой роты отмечала трафаретная табличка, прикрепленная к шесту. Ничем иным это место не отличалось от раскинувшегося вокруг людского моря. Никогда прежде до этой минуты Винтер не ощущала себя частью армии — Первый колониальный полк смахивал скорее на первобытное племя, настолько маленькое, что в нем невозможно было встретить совершенно незнакомое лицо. Теперь она отчасти поняла, о чем толковали иные ветераны — те, кому довелось послужить на континенте в настоящей армии. Деловитая суета громадного лагеря подавляла одним своим размахом.

Винтер покачала головой, неспешно бредя вдоль ряда палаток. Перед ней катилась волна перешептываний и любопытных взглядов. Когда эта волна достигла кучки людей, собравшихся примерно посередине ряда, от компании отделились трое и, отбежав рысцой, замерли по стойке «смирно» перед Винтер. Когда она остановилась, все трое разом отдали честь, и девушке пришлось сжать руку в кулак, чтобы машинально не козырнуть в ответ.

Вместо этого она кивнула, отметив про себя, что у всех троих на плечах по одной-единственной медной звездочке. Стало быть, это капралы — трое из шести, которых по штату положено иметь армейской роте. Долгое время все стояли молча, пока Винтер не осенило, что ей полагается сделать следующий ход. Она откашлялась.

— Э... благодарю, капрал. Капралы.

— Сэр! — выпалил юноша, стоявший посередине. Он был невысок, ростом примерно с Винтер, с прямыми каштановыми волосами

и бледным лицом человека, мало времени проводившего на свежем воздухе. Несмотря на твердую стойку, на вид ему можно было дать никак не больше шестнадцати.

— Я — Винтер Игернгласс. — Кажется, для таких представлений существует стандартная формула, но будь она проклята, если помнит, что положено говорить, так что пусть будет, как будет. — Старший сержант Винтер Игернгласс. Меня назначили в эту роту... кажется. — Винтер огляделась, вдруг занервничав. — Это ведь седьмая рота первого батальона?

— Так точно, сэр! — гаркнул капрал. — Добро пожаловать, сэр!

— А вы, значит...

Юноша буквально трепетал от гордости.

— Старший капрал Роберт Форестер, сэр! А это капрал Джеймс Фолсом и капрал Дрейк Графф, сэр. Добро пожаловать в седьмую роту, сэр!

— Ты это уже говорил, — сказала Винтер. — Тем не менее спасибо.

Капрал слегка поник.

— Есть, сэр, — пробормотал он, но тут же просиял. — Желаете проследовать в свою палатку, сэр, или хотите сразу же провести инспекцию личного состава?

— Инспекции, я полагаю, дело лейтенанта, — отозвалась Винтер. — У нас же есть лейтенант?

— Так точно, сэр! Лейтенант Антон Д'Врие, сэр! Я так понимаю, он сейчас с другими офицерами, сэр!

— Что ж, вот он и займется инспектированием. — Винтер глянула на двух других капралов, которые явно испытывали некоторую неловкость от безудержного пыла своего товарища. — Просто проводи меня в палатку, ладно?

— Есть, сэр!

Капрал развернулся кругом, да так четко, что у Винтер от одного этого зрелища заныли суставы, и зашагал к ряду палаток. Винтер и два других капрала последовали за ним.

— Капрал Форестер!

— Да, сэр?

— Можешь немного расслабиться, если тебе так будет удобнее.

— Слушаюсь, сэр! — Юнец оглянулся на нее через плечо и сверкнул улыбкой. — В таком случае, сэр, можете звать меня просто Бобби. Меня все так зовут.

Они подошли к палатке, такой же новехонькой, как и прочие. Через откинутый полог можно было увидеть все, что находилось внутри.

Низкий, высотой лишь до коленей, складной стол, армейский вещевой мешок и койка — одна-единственная, с радостью отметила Винтер. Когда полк стоял в Эш-Катарионе, она обеспечила себе отдельное жилье, купив палатку на собственные деньги. После отступления ей приходилось делить палатку с двумя солдатами из роты Дэвиса — обстоятельство, которое их явно не радовало, а ей причиняло немало хлопот. Винтер опасалась, что нечто подобное ждет ее и в новой роте, но, очевидно, сержанту полагалась отдельная палатка. Наверное, быть начальством все-таки не так уж и плохо.

В сопровождении трех капралов Винтер вошла в палатку. Ей и Бобби пришлось разве что слегка наклонить голову, зато капрал Фолсом, рослый широкоплечий здоровяк со светлыми волосами и висячими усами, вынужден был на пороге едва ли не сложиться вдвое, а оказавшись внутри, сразу присел на корточки, чтобы не задевать головой брезентовый потолок. Винтер опустилась на постельную скатку и сделала долгий выдох. Снова наступило неловкое молчание.

— Сержант, хотите, я пошлю кого-нибудь за вашими вещами? — предложил Бобби.

— Э... нет, — отозвалась Винтер. — На самом деле у меня никаких вещей и нет. Пришлось все бросить во время отступления. Правду говоря, было бы здорово, если бы ты мог послать кого-нибудь на склад. Мне понадобятся запасные рубашки, штаны... — она сделала паузу и оглядела себя, — да практически все.

Бобби снова вытянулся по стойке «смирно» — еще сильнее прежнего, если такое было возможно.

— Есть, сэр! Займусь этим немедленно, сэр!

— И еще иголку с нитками, — добавила Винтер. Она в совершенстве овладела искусством незаметно перешивать одежду, чтобы скрыть свои подлинные формы, — впрочем, ей и скрывать особенно было нечего.

Бобби старательно отдал честь и вылетел из палатки так стремительно, словно от его скорости зависела собственная жизнь. Воцарилось неловкое молчание. Винтер обвела взглядом оставшихся капралов.

— Капрал... Графф, верно? — проговорила она.

— Так точно, сэр, — откликнулся тот. — Я должен извиниться за Бобби, сэр. Он хороший парнишка, но... чересчур ретив, понимаете? Думаю, это пройдет.

— И я так думаю, — сказала Винтер. — Кроме вас троих, других капралов в роте нет?

— Точно так, сэр. Должно было быть еще трое, но в роте не нашлось больше никого, кто соответствовал бы требованиям.

— Каким требованиям?

— Уметь читать и писать, сэр. И пройти экзамен, как полагается по уставу. Бобби вызвался сам, я уже был капралом, ну а Джима мы уговорили. — Капрал пожал плечами. — Может, теперь, когда нас отправили в действующую армию, лейтенант подберет на эту должность еще кого-нибудь.

Винтер кивнула:

— А что ты можешь сказать о лейтенанте?

— Ровным счетом ничего, сэр, — ответил Графф. — Я его в глаза не видел.

— Но...

— Его назначили перед самым отплытием, — пояснил капрал. — В пути офицеры, само собой, плыли на отдельном корабле. И он к нам до сих пор не заглядывал.

— Понятно, — сказала Винтер. — А сколько у нас всего людей?

В глазах Граффа мелькнула тревога.

— Сто двадцать человек, сэр, — проговорил он медленно и внятно, словно втолковывал азбучную истину слабоумному дурачку. — Ровно столько, сколько должно быть в роте.

Винтер подумала, не сказать ли ему, что ни в одной из старых рот Колониального полка не наберется больше восьмидесяти человек, а в некоторых и того меньше, — но решила, что не стоит. Вместо этого она обратилась к третьему капралу, который до сих пор не произнес ни слова:

— Капрал Фолсом, верно?

Здоровяк кивнул.

— Давно в армии?

Он помотал головой. Столкнувшись с таким непрошибаемым молчанием, Винтер оглянулась на Граффа в поисках поддержки. Тот пожал плечами.

— Джим не любителю болтать, — сказал он.

— Заметно.

Вернулся Бобби, нырнув под откинутый полог, держа под мышкой пухлую кожаную папку. Тут же вытянулся по стойке «смирно» и отдал честь, а затем вручил папку Винтер — с таким видом, точно это были священные дары. Винтер непонимающе воззрилась на него.

— Ежедневные донесения, сэр, — пояснил капрал. — Списки больных, состояние имущества роты, нарушения дисциплины. Я составлял их с тех пор, как мы покинули сборный пункт.

— Ясно. — Винтер приняла папку и постаралась изобразить улыбку. — Я обязательно их все просмотрю.

— Так точно, сэр! А когда подпишете, сэр, я передам их лейтенанту!

— Я должен все это подписать? Почему?

— Ежедневные донесения, сэр, вступают в силу только после подписи старшего сержанта. А вот счета, сэр. Их нужно будет просмотреть и сверить с донесениями.

— А ты разве не можешь заодно делать и это?

У Бобби глаза полезли на лоб.

— Сэр, капралам запрещено просматривать счета!

Винтер окинула папку таким взглядом, словно это была новая и чрезвычайно ядовитая разновидность скорпиона. В Колониальном полку, насколько она знала, не слишком утруждали себя возней с бумажными счетами. Говоря начистоту, вообще не утруждали, учитывая все обстоятельства, вечную нехватку довольствия и задолженности по жалованию — настолько внушительные, что в полку шутили: кабы с этих сумм можно было получать проценты, они все уже стали бы богаче короля. Что ж, похоже, отныне дела пойдут по-другому. Винтер позволила себе минутку тайного злорадства, представив, как Дэвис, неловко зажав в толстых пальцах карандаш, пыхтит над хитросплетениями счетной книги.

— Хорошо, — сказала она вслух. — Я этим займусь.

— Спасибо, сэр! И да, сэр, я передал ваш запрос интенданту!

— Отлично.

Все трое уставились на Винтер. Винтер уставилась на них. Спустя минуту Графф осторожно прокашлялся.

— Сэр, от нас сейчас еще что-нибудь нужно?

— Что? — Винтер покачала головой. — Ах да. Нет, капрал... капралы, на этом все. Благодарю вас. — Она помолчала, смутно чувствуя, что от нее ждут какого-то добавления. — Надеюсь, мы работаемся.

Бобби вновь отдал честь, исполнительно трепеща всем телом, Графф кивнул, а Фолсом не сказал ничего.

13 мая 1208 года Милости Господней. Сто тринадцать человек в строю, шесть больных, один временно отстранен. Рядовой Габриэль Симс оштрафован на 1 б. 6 п. за потерю кепи (сдуло ветром в море). Рядовой Арктуру Д'Венн судим за нарушение гл. 6 части 3 парагр. 2б устава «Поведение, способствующее возникновению беспорядков». Приговор: заключение, 2 дня. Рядовой Фальрад Инкер судим за нарушение

гл. 6 части 2 парагр. За устава «Чрезмерное пьянство». Приговор: наряд на тяжелые работы в распоряжении капитана Белсона, 1 день. 14 мая 1208 года Милости Господней. Сто четырнадцать человек в строю, четыре больных, два временно отстранены. Рядовой Джордж Таннер оштрафован на 4 п. за порчу гражданского имущества (корабельной веревки). Рядовой...

Винтер закрыла глаза и потерла тревожно занывшие виски. Почерк Бобби отнюдь не облегчал ей работу. В нем чувствовалась напряженная старательность ученика, над которым нависла учительская розга, но Бобби писал так убористо, что слова сливались в одну длинную цепочку. Вне всякого сомнения, капрал был подвижим искренним желанием сэкономить казенную бумагу.

Винтер разогнулась, отстраняясь от низенького стола, услышала, как в спине что-то хрустнуло, и окинула взглядом обескураживающе огромную стопку еще не разобранных бумаг. Усталость навалилась на нее удушливо-тяжелым одеялом — расплата за взвинченное состояние, в котором девушка пребывала после разговора с капитаном. Винтер заползла на койку и рухнула лицом в постельную скатку.

«А ведь это мог быть наилучший выход. — Она отогнала эту мысль, словно останавливаясь на ней уже означало бы накликать беду. — Я бы как-нибудь справилась».

До сих пор ее тайна так и оставалась тайной. Притом звание сержанта дает определенные преимущества: личная палатка и обязательная дистанция между ней и рядовыми. Если стопка счетных книг — наихудшее, с чем придется иметь дело, то нельзя отрицать, что капитан Д'Ивуар оказал ей услугу.

Неизвестно пока, что за человек ротный лейтенант (Винтер уже успела позабыть его имя) и как он станет относиться к своему сержанту. Впрочем, кое-какие обнадеживающие признаки она уже заметила. Чем меньше времени лейтенант будет проводить в роте, тем лучше, — по крайней мере, так считала сама Винтер.

Впервые за много дней она позволила себе думать о будущем с иным чувством, кроме страха. Флот отправили в Хандар пару месяцев назад, руководствуясь докладами о силах мятежников, устаревшими еще на пару месяцев. Даже рядовые солдаты, такие как Бугай или Втык, понимают, как бессмысленно оставаться здесь, после того как искипители захватили Эш-Катарин. Форт Доблести — злая шутка, смертельно опасная ловушка, не более. Возможно, новому полковнику понадобится два-три дня на то, чтобы окончательно смириться

с нынешней ситуацией, но очень скоро всех их погрузят на корабли и отправят домой.

Винтер понимала, что само путешествие продлится долго, очень долго, но, в конце концов, это лишь неудобство, которое придется перетерпеть, как и многие другие. А потом...

Колониальный полк получает какое-нибудь отвратительное назначение. В конце концов, он ведь в некотором роде — штрафная часть. Далеко от столицы, быть может на севере, — охранять королевских овец от грабительских набегов из Мурнска. В любом случае они окажутся на приличном расстоянии от миссис Уилмор и всякого другого, кто мог бы распознать в похожем на мальчика сержанте оборванку, которая некогда сбежала из ее владений.

Винтер закрыла глаза: «Положа руку на сердце, я уверена, что там обо мне все давно уже позабыли».

— Сержант!

Винтер вынырнула из сна, в котором ей привиделись громадные гулкие коридоры и неотступный взгляд зеленых глаз. На секунду девушке почудилось, будто она по-прежнему находится в «Тюрьме миссис Уилмор для девиц», а Хандар и все, что случилось с нею после побега, и есть настоящий сон.

— Сержант! Сержант Игернгласс!

Винтер открыла глаза.

Бобби со смущенным видом стоял у откинутого полога. Позади капрала темнели предвечерние сумерки, озаряемые лишь мерцающими отблесками лагерных костров. Винтер медленно села, чувствуя, что краснеет. Негромко кашлянула.

— Д-да, капрал? Что случилось?

— Извините, сэр, — сказал Бобби. — Я не хотел вас будить.

— Ничего страшного. — Винтер зевнула. — Просто день был долгий, только и всего.

— Это правда, сэр, долгий. Для всех нас, сэр. — Юноша поколебался. — Ужин будет снаружи, сэр. Может, вы захотите к нам присоединиться?

Пустой желудок жалобно заурчал — у Винтер с самого завтрака во рту не было ни крошки. Тем не менее она покачала головой:

— Не уверен, что это будет... уместно.

— Тогда я принесу вам что-нибудь сюда, сэр, — сказал Бобби. — Как только будет готово.

— Спасибо, капрал, — проговорила Винтер с искренней благодарностью. — А я пока, пожалуй, опять займусь бумагами.

Капрал козырнул и ушел, отпустив полог палатки. Полог соскользнул вниз, прикрывая вход. Винтер потеряла щеки, пытаясь взбодриться, потом виски, чтобы отогнать неотвязную ноющую боль.

Снаружи донесся невнятный гул голосов, то и дело прерывавшийся взрывами смеха. Интересно, какая доля отпущенных шуточек касается нового сержанта? Впрочем, это в порядке вещей.

Винтер неуклюже придвинулась к столу и попыталась сосредоточиться на счетной книге, но цифры дрожали и расплывались. Протирая глаза краем ладоней, она уловила вдруг зеленую вспышку. Ей привиделись зеленые глаза и мимолетная улыбка.

Винтер вцепилась пальцами в волосы: «Джейн, но почему именно сейчас? Три года прошло... — Ногти уперлись в кожу головы, впились до боли, словно на руках выросли звериные когти. — Чего еще ты от меня хочешь?»

Сделав над собой усилие, девушка опустила руки, сложила их на коленях и выпрямилась. Сердце отбивало лихорадочную дробь, попадая в такт пульсирующей боли в висках.

«Рыжие волосы, темные и маслянисто-липкие, струятся между моих пальцев... Разве может являться призрак того, кто вовсе не умер?»

По стойке палатки отрывисто постучали. Винтер открыла глаза и сделала долгий судорожный вдох.

— Это я, сэр. Бобби.

— Входи.

Капрал вошел осторожно, явно преисполненный решимости больше не заставить своего сержанта врасплох. В руках у Бобби был поднос с жестяной дымящейся миской — палатку тотчас наполнил запах приправленной специями баранины — и парой галет. Винтер приняла поднос, поставила на стол поверх счетных книг и с неподдельным воодушевлением набросилась на еду. Поспешное бегство из Эш-Катариона ввергло полковое снабжение в сущий хаос, и качество пищи серьезно ухудшилось по сравнению с теми временами, когда полк стоял в столице Хандара. Очевидно, новые офицеры навели порядок в работе кухни. Из баранины состряпали не жаркое, а скорей густую похлебку, и галеты, размягченные в пряном вареве, приобрели вполне съедобный вкус.

И только когда Винтер почти расправилась с едой, она заметила, что на подносе лежит сложенный листок бумаги. Перехватив ее взгляд, Бобби деликатно кашлянул:

— Это для вас, сэр. Только что прибыл курьер от лейтенанта.

Он умолк, разрываясь между любопытством и хорошими манерами. Сунуть нос в записку он явно не рискнул.

Винтер кивнула, взяла записку и сломала восковую лепешку печати. Текст был кратким и по существу, хотя наспех нацарапанная подпись оказалась почти неразборчивой. Винтер перечитала записку — на тот случай, если что-то не так поняла с первого раза.

— Сэр? — нетерпеливо проговорил Бобби, пожирая взглядом ее лицо.

Винтер откашлялась:

— Нам приказано завтра с рассветом свернуть палатки и к десяти утра быть готовыми выступать. Сможешь оповестить людей?

— Так точно, сэр! — воскликнул Бобби, отдавая честь. Затем развернулся, явно довольный таким ответственным поручением, и покинул палатку.

Быть готовыми выступать? Винтер с чувством признательности позволила этой новой заботе заслонить и возню со счетной книгой, и свои воспоминания. Куда выступать? К бухте, где стоит флот? Такое, конечно, было вполне возможно, хотя Винтер предполагала, что корабли вряд ли уже успели пополнить запасы. В таком случае — куда? На искупителей? Винтер усмехнулась. Ей не верилось, чтобы даже у полковника хватило безумия решиться на такое.

МАРКУС

Маркуса разбудили стоны и проклятия солдат первого батальона, которых лейтенанты безжалостно будили и вытаскивали из палаток. Он торопливо оделся, наскоро переговорил с Фицем и отправился искать Януса.

Полковник ждал у ворот, наблюдая за тем, как его подчиненные сворачивают лагерь. Если не считать коня, смиренно стоявшего на месте с достоинством, присущим чистокровному ворданайскому скакуну, Янус был совершенно один. По всему внутреннему двору складывали палатки и разбирали оружие. Первый батальон, которому предназначалось почетное место во главе походной колонны, уже начинал строиться.

Полк, подумалось Маркусу, напоминает змею, которая на отдыхе свивается тугим клубком, образуя более-менее организованный лагерь с рядами палаток, коновязями и артиллерийским парком. Сборы снаряжения будут вестись еще долго, даже после того, как головная часть колонны двинется в путь. У каждого батальона имеются свои обязанности в процедуре свертывания лагеря — в зависимости от его места в колонне. Первый батальон тронется с места, увлекая за собой

второй, и так будет продолжаться до тех пор, пока змея не поползет, вытянувшись целиком, по дороге.

Маркуса беспокоил именно хвост. Орудия Пастора смогут более-менее выдерживать общий темп, но повозки с припасами, запряженные волами, во время отступления из Эш-Катариона растянулись по ухабистой дороге на несколько миль и прибыли на место, когда уже совсем стемнело. Сейчас Маркус смотрел на лежавший перед ними тракт, и ему чудилось, что за каждым камнем прячутся разведчики десолтаев, а в каждом ущелье засела шайка фанатиков-искупителей.

Топот копыт за спиной не сразу отвлек его от этих мрачных фантазий. Янус оглянулся.

— А, — сказал он, — полагаю, это командир нашей кавалерии. Капитан, не будете ли вы так любезны представить нас друг другу?

— Конечно, сэр. — Маркус подождал, пока всадник спешится, звеня шпорами. — Полковник, позвольте представить вам капитана Генри Стоукса. Капитан, это полковник граф Янус бет Вальних-Миеран.

— Сэр!

Капитан Стоукс истово, как всегда, отдал честь. Генри, как Маркус называл его в глаза, хотя и офицеры, и рядовые полка гораздо больше знали его по прозвищу Зададим Жару, был коренастым кривоногим человечком с грудью колесом и повадками павлина. Его оружие всегда было начищено до нестерпимого блеска, и Маркус мог побиться об заклад, что сегодня Зададим Жару задал своей амуниции внеурочную чистку. Лицо капитана застыло в яростной решимости.

Комплекс неполноценности, терзавший Генри, помимо скромного роста в немалой степени подкреплялся тем, что кавалерия Первого колониального полка вряд ли заслуживала чести носить такое название. Представители этого рода войск отличались, как правило, большей зажиточностью и бóльшим количеством связей, нежели пехотинцы, а потому были менее уязвимы (или же более изворотливы) перед той разновидностью начальственного гнева, которая приводила к отправке провинившегося в Хандар. В довершение всего рослые ворданайские жеребцы и мерины, столь любимые кавалеристами, не выдерживали местного засушливого климата, а потому бóльшая часть из сотни с лишним подчиненных капитана Стоукса ездил сейчас на лошадях хандарайской породы — низкорослых и крепких.

— Капитан, — промолвил Янус, — сожалею, что нам удалось познакомиться только сейчас. У меня, к сожалению, было слишком много неотложных дел.

— Сэр! — Генри едва не трепетал от восторга. — Все это ерунда, сэр! Счастлив снова пойти в поход, сэр!

— Да, конечно. Боюсь, вам и вашим людям предстоит изрядно потрудиться.

— Сэр! — Грудь кавалериста раздулась так, что он, казалось, вот-вот взлетит. — Только прикажите, сэр, и мы зададим им жару!

Янус кашлянул:

— Я в этом не сомневаюсь. Сейчас, однако, мне нужно, чтобы ваша часть послужила скорее в качестве разведки.

Генри слегка увял.

— Так точно, сэр.

— Вы должны будете ехать перед колонной, проверять, безопасна ли дорога, и докладывать о любом проявлении угрозы. — Янус определенно уже раскусил капитана, потому что добавил: — Именно докладывать, а не ввязываться в бой. И проследите за тем, чтобы ваши люди перемещались только группами. Десолтаи, насколько я понял, обожают устраивать засады.

Генри заметно скис. Разведка — дело легкой кавалерии, а Маркус знал, что кривоногий человечек беззаветно влюблен в лихую кирасирскую рубку. Тем не менее он отдал честь.

— Сэр, если там, впереди, кто-то затаился, мы его обнаружим.

— Превосходно. Когда проедете около пятнадцати миль, выделите часть людей на обустройство лагеря.

— Есть, сэр!

Генри развернулся и вновь забрался в седло. Янус проводил взглядом удаляющегося всадника.

— В высшей степени... э-э... ревностный служака, — заметил полковник, как только командир кавалеристов отъехал достаточно далеко.

— Так точно, сэр, — согласился Маркус. — Очень энергичный.

— Должен сказать, что кавалерии у нас все-таки маловато. — Янус вздохнул. — Ну да ладно. Придется обойтись тем, что есть.

— Так точно, сэр.

Янус одарил его пронизывающим взглядом:

— Капитан, у вас недовольный вид.

— Никак нет, сэр! — по-уставному четко отозвался Маркус. — Я просто немного волнуюсь, сэр. Насчет того дела, о котором мы говорили прошлым вечером.

— Вот как? — Янус пожал плечами. — Если вам от этого станет легче, скажу: вряд ли нас в ближайшее время ждет открытое столкновение с противником. Всякая вылазка, которую сумеют устроить наши враги, для нас окажется лишь досадной мелочью.

Маркус кивнул. Поход начался, и змея во внутреннем дворе разворачивалась, продвигаясь к воротам. Стоя рядом с полковником,

Маркус помимо воли смотрел на своих людей глазами стороннего наблюдателя, и то, что он видел, заставило его содрогнуться.

Даже на расстоянии без труда можно было различить новобранцев, которых привез с собой полковник, и тех, кого уже называли «ветеранами». Вместо того чтобы расформировать уже существующие роты, Янус просто добавил новые части во все четыре батальона полка. Старые роты, отличавшиеся неполной численностью, шли в первых рядах колонны, и оттого казалось, что длинная синяя змея страдает неким кожным заболеванием, которое начинает проявляться с головы. Ветераны приложили все мыслимые старания, вытащив давно заброшенные синие мундиры из личных сундуков или выклянчив их у интенданта, но штаны и рубахи у них были не форменные, да к тому же сильно изношенные и потрепанные. Изредка мелькавшее яркое пятно выдавало солдата, который не пожелал расстаться с неуставной шелковой одежкой.

Новобранцы, напротив, текли сплошной синей лентой, в которой поблескивали сталь и медь усердно начищенного оружия. Сообразно канонам строевой подготовки они чеканили шаг, до хруста в коленях выбрасывая вперед ноги, а не брели, как ветераны, безнадежно сутулясь. Даже их заплечные мешки, притороченные, как положено, за плечами вместе со скаткой, выглядели совершенно одинаково. Ветераны Первого колониального смахивали больше на шайку нищих бродяг, и это сходство усугублялось тем, что они, спасаясь от палящего солнца, обмотали головы кусками ткани, а на поясе у них болтались запасные бурдюки с водой.

Очень скоро размеренный топот тысяч пар сапог поднял над дорогой такое облако пыли, что самих солдат в нем едва можно было различить. Маркусу доставляла смутное удовлетворение мысль, что к концу дня все эти безупречно-синие мундиры и начищенное до блеска оружие лишатся изрядной доли своей безупречности. Головная часть колонны — первый батальон, которым командовал Маркус, — уже миновала ворота и вышла на тракт, роты второго батальона формировали строй. Стук барабанов был едва различим за нестройным грохотом ног.

— Музыканты, — сказал вдруг Янус ни с того ни с сего.

— Сэр?

— Я знал, что что-то забыл. Так всегда бывает, когда собираешься в дальний путь. — Он улыбнулся Маркусу. — У вас нет полкового оркестра, верно?

— Да, сэр, то есть нет, сэр. У нас нет оркестра. Наверное, музыкантов нечасто ссылают в Хандар. Мы обходимся батальонными барабанщиками.

— Музыка производит замечательное воздействие на солдат в походе. Де Труа писал, что, по его опыту, присоединение к войску оркестра на тридцать процентов сокращало случаи отставания от части и он сумел удлинить дневной переход почти на целую милю.

С этими словами он смолк, явно погрузившись в свои мысли. Маркус деликатно кашлянул.

— Не пора ли нам в седло, сэр?

— Да, верно. — Янус потрянул головой, приходя в себя. — Не обращайтесь внимания, капитан. Мне иногда случается быть... рассеянным.

— Конечно, сэр.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МАРКУС

Фицерский чин, подумал Маркус, имеет свои привилегии, а уж в походе следует наслаждаться каждой крохой комфорта.

В данном случае привилегия состояла в том, что капитану не пришлось самому ставить палатку. Ее везли вместе со всем багажом первого батальона и поставили для Маркуса в самом центре участка, выделенного для его людей. Не подлежало сомнению, что за обустройством палатки лично присматривал Фиц — тут были походная койка, складной стол, пара сундуков и кожаные папки, битком набитые документами.

Маркус тяжело опустился на койку, расположившись так, чтобы не испачкать пыльными сапогами простыни. И тупо уставился на шнурки, силясь вспомнить, как с ними обращаться.

Пятнадцать миль. Немного, по большому счету. Сущий пустяк в экипаже с хорошими рессорами и уж, безусловно, легкая прогулка для опытного наездника. Маркус обладал многими навыками, но опыт верховой езды в их число не входил, и сейчас его тело от плеч до бедер ныло от боли.

Он не мог даже обвинить в этом свою кобылу, поскольку выбрал ее сам. Маркус приобрел ее около года назад, перед тем обшарив все рынки Эш-Катарiona в поисках самой смирной, невозмутимой и нетребовательной лошадки, какую только можно вообразить. Из тех, на которых хрупкие пожилые дамы ездят по выходным в церковь — или куда там еще ездят по выходным хандарайские пожилые дамы. Маркус дал ей заурядную кличку Мидоу, втайне надеясь, что это поможет.

И ведь отчасти помогло. Мидоу оказалась на редкость невозмутимым образчиком лошадиного племени, а стало быть, Маркусу пришлось смириться с фактом, что его частые неудачи в области верховой

езды порождены исключительно его жалкими способностями. В итоге Мидоу до нынешних пор вела в высшей степени спокойную жизнь и крайне редко призывалась к исполнению своих лошадиных обязанностей, а Маркус ходил пешком либо ездил на повозках и садился в седло, лишь когда этого никак нельзя было избежать.

Однако на марше старшим офицерам полагалось ехать верхом. И не просто ехать, а скакать вперед и назад вдоль колонны, наблюдая, все ли в порядке, и подбадривая павших духом. Янус подал пример, сменив свою черную хламиду на полное парадное облачение, чтобы подчиненные могли вдоволь на него насмотреться. Маркус волей-неволей должен был сделать то же самое, отчего сейчас ему казалось, что он проехал не пятнадцать миль, а все тридцать.

Впрочем, рядовым солдатам пришлось гораздо хуже. В лучших условиях пятнадцать миль — нормальный дневной переход, но в полной выкладке и под палящим хандарайским солнцем это сущий ад. Старые солдаты, закаленные годами пребывания на жаре, поворчали в досталь и, кто чем мог, прикрыли головы от коварных солнечных лучей. Новобранцы, стремясь доказать, что и они не лыком шиты, мужественно волочили ноги вслед за ветеранами и падали, как мухи, от изнурения и тепловых ударов. До сих пор кавалеристы Зададим Жару носились вдоль колонны, подбирая упавших и доставляя их к полковому хирургу, где несчастных ожидали холодный компресс и капелька виски.

Пятнадцать миль. Чтоб ему провалиться! Именно Янус настоял на таком темпе марша. По крайней мере искупители милостиво устроили свой мятеж в апреле, а не в августе. Хандарайскую жару трудно было переносить даже весной, несмотря на ветер с моря. В разгар лета побережье превращалось в раскаленный солнцем противень, а внутренняя пустыня становилась иссушающей топкой. Нужно уметь радоваться и мелочам.

По стойке палатки постучали, и Маркус приподнял голову. Это, наверное, Фиц, и хорошо бы с ужином. Капитан зашевелился, неуклюже сел на койке и крикнул:

— Войдите!

И действительно вошел Фиц, но не один. Вал так же запыхался и взмок от пота, как сам Маркус, но при этом не выглядел и вполонину таким измотанным. Будучи сыном аристократа, капитан Валиант Солвен выучился ездить верхом примерно тогда же, когда и ходить, и, без сомнения, считал сегодняшний переход бодрящей прогулкой. Он был коренаст и широкоплеч, а потому, когда не сидел в седле, немного смахивал на обезьяну. Внешний вид его несколько не улучшало

кирпично-красное лицо, красноречиво намекавшее на способность его владельца поглощать поистине героические количества спиртного. Верхнюю губу Вала украшали тоненькие усики, якобы придававшие ему щегольской вид, и он тратил изрядное время на уход за ними. По мнению Маркуса, усики придавали его товарищу вид злодея из дешевой пьесы.

— Извини, — сказал Вал, едва заметно усмехаясь, — я и не сообразил, что ты отправишься напрямиком в постель.

— Да просто дал отдохнуть глазам, — пробормотал Маркус и повернулся к Фицу. — Ужин уже готов?

— Так точно, сэр, — отозвался лейтенант.

— Наверное, опять баранина?

— Можно не сомневаться, сэр. — Уж чего в Хандаре всегда было в досталь, так это баранов. — Принести вам поесть?

— Да, будь добр. Вал, поужинаешь со мной?

— Пожалуй, — без малейшего энтузиазма отозвался тот.

Маркус спустил ноги на пол, расшнуровал сапоги для верховой езды и вытащил из них ноги, ощутив едва ли не слышимое похрустывание.

— Давно собирался обзавестись новыми сапогами, — сказал он вслух. — В Эш-Катарione сотня сапожников, один из них точно сумел бы сшить именно то, что мне нужно. Только я все откладывал это дело, и вот теперь Эш-Катарione далеко, а мы здесь. — Капитан улыбнулся Валу. — Пожалуй, из этого можно извлечь урок.

— Сшить себе приличные сапоги, потому что неизвестно, когда шайка кровожадных попов вздумает захватить город? Вряд ли такой урок найдет широкое применение.

— Скорее уж — не затягивай с принятием решения, иначе рискуешь и вовсе лишиться возможности его воплотить в жизнь.

Маркус направился к одному из сундуков, откинул крышку и принялся рыться в ворохе тряпья, пока не нашел то, что искал. Он поднес к лампе бутылку. Восковая печать на пробке была нетронута, и янтарная жидкость заманчиво плескалась за толстыми стеклянными боками. На поверхности плавало нечто зеленое. Маркус надеялся, что травы.

— Я к ней не прикасался. Сам не знаю почему. Наверное, боялся выпить. — Он протянул бутылку Валу. — Составишь мне компанию?

— С радостью, — отозвался тот. И пока Маркус разыскивал оловянные чашки, добавил: — Адрехту, похоже, пришла в голову та же самая идея. Он убежден, что все мы скоро умрем, а потому заливает горе содержимым своего погребца.

— Сам будет виноват, если свалится с коня и расшибет себе голову, — хмыкнул Маркус.

— Это вряд ли. Когда я видел его в последний раз, голова у него уже так раскальвалась, что он ехал в повозке и проклинал поименно каждую выбоину на дороге.

Маркус рассмеялся и с чашками в руках вернулся к Валу. Словам печатать, он наполнил чашки и протянул одну из них гостю. Тот благодарно кивнул.

— За здоровье полковника Вальниха! — провозгласил он. — Пускай даже он и чокнутый.

С этими словами Вал опростал чашку в рот и тут же скривился. Маркус лишь пригубил свою порцию. Привкус во рту прозрачно намекнул ему, что Вал не так уж и неправ. Маркус нахмурился.

— Чокнутый?

— Отчего же еще ему вздумалось погнать нас в поход? — Вал подался вперед. — Собственно, я именно об этом и хотел тебя спросить. Ты немало времени провел в обществе полковника. Посвятил он тебя в свой великий секрет?

На мгновение Маркус припомнил мисс Алхундт и вражду Януса с Последним Герцогом.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду.

— План! — Вал воинственно взмахнул рукой, в которой держал чашку, и несколько янтарных капель брызнули на стенку палатки. — Не замышляет же он промаршировать напрямик к Эш-Катарionу и постучать в ворота? Ты не хуже меня знаешь, чем это закончится. У искупителей, черт бы их подрал, в городе стоит армия! Что мы сможем с ней сделать одним-единственным полком?

— Знаю, — отозвался Маркус и одним безжалостным глотком осушил чашку.

— Ты знаешь, а он? Иными словами — он невежа, тупица или чокнутый?

— Он знает, — сказал Маркус. И повторил то, что уже говорил Фицу: — Он очень умный.

— Умный! Это хуже всего. Упаси нас бог от умных полковников! — Вал помотал головой. — Ты давно разговаривал с Мором?

— Давно.

— Ему все это не нравится.

— Могу представить.

Капитан Морвен Каанос отличался раздражительностью и в лучшие времена, а уж нынешние времена никак нельзя было назвать лучшими. Общеизвестна была и его нелюбовь ко всему, что имеет хоть какое-то

отношение к аристократии. Они с Валом постоянно цапались по этому поводу, а причиной тому было лишь то, что Вал приходился дальним родственником какому-то там пэру. Янус же — самый настоящий граф, и одной необходимости подчиняться его приказам было достаточно, чтобы командир третьего батальона лез на стенку от злости.

— И не ему одному, — тихо проговорил Вал. — Маркус, мне довелось много чего услышать.

Маркус без единого слова протянул ему бутылку. Вал оценивающе оглядел ее, вздохнул и снова наполнил обе чашки. И с подозрением заглянул в свою.

— Что это там зеленое? — осведомился он.

— Травы, — не моргнув глазом ответил Маркус. — Что же тебе довелось услышать?

— Весьма здравые рассуждения, — ответил Вал. — Именно это меня и беспокоит. Говорят о том, что нас следовало бы вывезти из Форга Доблести. Что нам противостоит тридцать тысяч визжащих дикарей, готовых зажарить и сожрать всякого, чья кожа светлей их собственной, и что если им так нужен Хандар — пускай забирают эту треклятую дыру ко всем чертям. Что стоило бы по-быстрому перебраться в тыл, потому что какой смысл геройски помирать только ради того, чтобы какой-то там полковник мог поиграть в солдатики. И если все кончится тем, что мы побежим наперегонки к лодкам, так почему бы с этого не начать?

Маркус нахмурился, поглядел на свою чашку и аккуратно отставил ее прочь.

— Ты думаешь, это серьезно?

Солдаты Колониального полка любили поворчать — можно сказать, что в полку это было любимое развлечение, — но...

— Пока что нет, — ответил Вал. — Но до города, даже в таком темпе, несколько дней пути. Новобранцы пока что держатся бойко, но я не знаю, насколько их хватит. Они чудовищно неопытны. Тебе известно, что большинство из них не закончило учебный курс? Некоторые так и вовсе не проходили обучения. Я разговаривал сегодня с целой ротой солдат, которая, по их словам, отправилась в порт на погрузку прямиком с призывного пункта.

Это сообщение тоже обеспокоило Маркуса, отчасти потому, что напомнило, как мало времени он проводил с солдатами собственного батальона. Янус, судя по всему, вознамерился превратить его в своего адъютанта и практически не отпускал от себя.

— Они освоятся, — произнес он. — Хандар закаляет людей. Меня он, во всяком случае, закалил.

— Дело в другом, — возразил Вал. — Много ли проку им будет от закалки, если они не умеют обращаться с мушкетами и не знают, что такое построение?

Маркус вздохнул:

— От меня-то ты чего хочешь?

Вал явно опешил:

— Как это — чего? Поговори с ним.

— С ним? — До Маркуса не сразу дошло, о чем речь. — Ты имеешь в виду — с полковником?

— Он общается с тобой больше, чем с кем бы то ни было в полку, — сказал Вал. — Меня он, по-моему, вовсе не заметил. Так что, кроме тебя, некому рассказать полковнику, в чем мы сейчас нуждаемся. Не знаю, отчего такая дьявольская спешка, но нам совершенно необходимо прервать поход и устроить учения для новобранцев. Даже пары дней хватит, чтобы обучить их хоть чему-нибудь.

— Легко сказать — поговори, — проворчал Маркус. — Я вот не уверен, что он даже станет меня слушать.

— Если не станет, то все мы окажемся по горло в дерьме. Половина обоза до сих пор не догнала колонну, а уж этот тракт — сплошное издевательство. Еще парочка дней, подобных этому, — и нам придется сократить рацион, вот тогда-то ты и узнаешь, что такое недовольные солдаты.

Вернулся Фиц с двумя мисками популярного варева, в которое бросали все, что подвернется под руку, и любовно называли «армейской похлебкой». Маркус заглянул в миску ненавидящим взглядом, но Вал принял у лейтенанта предложенную ложку и энергично зачерпнул суп.

— Я попробую, — сказал Маркус. — Это все, что я могу обещать.

Вал пожал плечами, не удостоив его ни единым словом, — капитан Солвен был слишком занят едой.

Стоя перед палаткой Януса и глядя, как во всем лагере полыхают костры и факелы, как багровые отсветы заката сменяются подступающей темнотой, Маркус вдруг понял, что не знает, с чего начать.

Армейский этикет, безусловно, не предусматривал подобной ситуации. Капитану не полагалось давать полковнику непрошенные советы, не говоря уж о том, чтобы озвучивать предостережения или выдвигать требования. Капитан мог высказать свое мнение, когда его попросили об этом, но генеральные директивы шли от вышестоящих к нижестоящим, сверху вниз. Такова, в конце концов, сама суть субординации. Считается, что полковник знает, что делает.

Все облегчение, которое Маркус испытал, после того как Янус принял командование полком, сейчас бесследно исчезло. Капитан стоял с поднятой рукой, так и не удосужившись постучать по стойке палатки, стоял и нервничал.

Как проделал бы это Фиц? Лейтенант никогда открыто не возражал капитану, однако у него были свои способы дать понять, что Маркус, по его мнению, совершает ошибку. Взгляд искоса, покашливание, стандартное «Так точно, сэръ!», произнесенное нужным тоном, — все это неизменно выражало мнение лейтенанта так же ясно, как если бы Фиц прокричал его во все горло. Вот только, к сожалению, Маркус не был Фицем, не обладал его отточенными манерами. Или, если уж на то пошло, и половиной его мозгов, как полагал сам капитан. Кроме того, они с Янусом знают друг друга всего пару дней. У Маркуса ушло несколько лет на то, чтобы изучить все тонкости изящных намеков Фица.

Он все еще не принял решение, когда полог палатки откинулся, и вышел Огюстен. Старый слуга едва заметно поклонился и кашлянул.

— Его светлость велел сказать, что раз вы все равно решили тут постоять, то с тем же успехом можете войти внутрь, — сообщил он с неумеренной сухостью в голосе. Маркус помимо воли оцетинился, но поборол желание огрызнуться.

— Благодарю, — сказал он со всей холодностью, на какую был способен. — Я войду.

С этими словами Маркус последовал за слугой в палатку. Глядя на замашки Огюстена, он почти ожидал обнаружить, что этот субъект с помощью неких чар преобразил заурядное походное жилище армейского образца в феодальный дворец — вплоть до старинных картин на стенах и средневековых рыцарских доспехов по углам.

Вместо этого он увидел палатку, которая во многом походила на его собственную, разве что была более опрятна и лучше обустроенна. В одном углу до сих пор лежала незатейливая постель в скатке, в другом стояло несколько чемоданов. Полковник сидел на подушке перед широким деревянным столом из четырех сегментов, искусно соединенных петлями, чтобы его удобно было сложить для перевозки. Рядом с полковником располагался еще один чемодан, битком набитый книгами. В тусклом свете Маркус не мог различить названий, но все до единой книги были переплетены в темно-зеленую кожу и так ровно сложены внутри небольшого чемодана, словно его смастерили специально для них. Вполне вероятно, подумал Маркус, что так оно и есть. Янус, без сомнений, основательно подготовился к армейской службе.

— Капитан, — проговорил полковник, подняв голову от стопки разрозненных бумаг. — Присаживайтесь. Я так понимаю, это не светский визит?

— Нет, сэр. — Маркус задумался, не лучше ли остаться стоять, но решил, что этим вряд ли чего достигнет. Он устроился на подушке напротив Януса. — Сэр, могу я с вами поговорить?

— Да, конечно. — Янус отодвинул бумаги в сторону и сцепил пальцы. — Что вас беспокоит?

Маркус неловко покосился на Огюстена, который скромно стоял поодаль, почти сливаясь с окружающей обстановкой. Янус поглядел на слугу.

— Огюстен, — сказал он, — будь так добр, приготовь капитану чашку чаю.

Слуга в очередной раз одарил Маркуса неодобрительным взглядом, поклонился и бесшумно, как призрак, выскользнул из палатки.

— Право же, — сказал Янус, — вы должны научиться не замечать Огюстена. Уверяю вас, он превосходно умеет держать язык за зубами. Впрочем, если вам так легче... — Он развел руками.

— Спасибо, сэр. — Маркус осторожно откашлялся. — Я... то есть я даже не знаю, с чего начать...

— Вы хотите дать мне совет, — подсказал Янус.

Маркус опешил:

— Как вы об этом узнали?

— Вряд ли вы стали бы так нервничать из-за какого-то донесения или мелкого происшествия. Верно ведь? — Янус одарил собеседника обезоруживающей улыбкой. Серые глаза его искрились в свете лампы. — Капитан, я же говорил, что мне нужна ваша помощь. С глаза на глаз вы всегда можете высказываться свободно. Не могу обещать, что последую вашему совету, но, безусловно, его выслушаю.

— Спасибо, сэр. — Маркус собрался с духом. — Тогда я со всем почтением предлагаю сократить дневные переходы и назначить полковые учения по строевой подготовке.

Наступила недолгая тишина. Янус, откинувшись назад, склонил голову к плечу, как будто заново обдумывал предмет разговора. Наконец он сказал:

— И почему же вы это предлагаете?

— Пятнадцать миль в день... — Маркус запнулся, помолчал. — Не то чтобы людям такой переход был не под силу, сэр, но повозки его не выдержат. Наши припасы...

Янус беспечно махнул рукой.

— Не беспокойтесь, у обоза будет время, чтобы нас нагнать. Гораздо важнее, чтобы солдаты привыкли к жесткому темпу перехода. Очень скоро нам это пригодится.

Маркус выпрямился, чувствуя себя разбитым в пух и прах. Янус, наблюдавший за ним, вдруг разразился хохотом.

— Сэр?.. — неуверенно проговорил Маркус.

— Извините, — сказал полковник, все еще посмеиваясь. — Думаю, это моя вина. Я еще не привык к тому, что вы назвали бы военными условиями. Капитан, если вы не согласны со мной, я требую, чтобы вы так прямо и сказали. Я не Карис, провозглашающий закон Божий.

— Вы — полковник, — указал Маркус, мысленно добавив: «И к тому же граф». — Мне не положено...

— Я намерен использовать ваши суждения и ваш опыт. Это означает, что вы должны не только бессловесно внимать извержениям моей божественной мудрости. До тех пор пока мы не столкнулись напрямую с врагом, я ожидаю, что вы станете поправлять меня всякий раз, когда я скажу глупость.

— Так точно, сэр, — сказал Маркус. Он и забыл, как полезна бывает эта фраза, — в нее можно вложить все что угодно.

— Итак... на самом деле вас ведь беспокоит вовсе не отставший обоз?

— Сэр... — Маркус опять запнулся, потом мысленно пожал плечами. — В полку ходят разговоры. Люди недовольны — впрочем, они всегда недовольны, — но сейчас они считают, что мы не сможем победить. Они говорят, что вы либо гонитесь за славой, либо сошли с ума, и если мы ввяжемся в бой с искупителями... — Маркус покачал головой. — Я почти не общался с новобранцами, но ветераны... им недостает прочности. Пока что они держатся, но от первого же сильного удара разлетятся вдребезги.

Янус ничего не сказал. Улыбка его исчезла, сменившись задумчивым выражением лица, и только в уголках глаз еще таились смешливые морщинки. Ободренный результатом, Маркус продолжал:

— Сегодня перед ужином ко мне приходил Вал... то есть капитан Солвен. Он сказал, что некоторые новобранцы даже не побывали в учебной части и никто из них не прошел до конца курс подготовки.

— Это правда, — сказал Янус. — Министерству не хотелось отправлять в Хандар обстрелянную часть, а потому было решено пополнить Колониальный полк тем, что наскребли в учебных частях и у провинциальных вербовщиков.

— Тогда я не уверен, что их нужно закалять жестким темпом перехода. Может, они и доберутся до места назначения, но смогут ли сражаться, когда придет время?

— «Необученный» еще не значит «трус». — Янус нахмурился. — Я надеялся, что ветераны будут наставлять новобранцев в, так сказать, неформальной обстановке.

— Судя по тому, что я видел, сэр, те и другие держатся особняком друг от друга. К тому же новобранцы больше всего нуждаются в обучении боевому порядку — тому, что между делом, в свободное время не освоишь.

Полковник постучал пальцем по столу.

— И тем не менее, — сказал он, — время не терпит. Если мы не уложимся в срок... — Казалось, он обращается сам к себе и не ждет ответа. — Я это обдумую. Спасибо, капитан.

— Сэр...

— Вы изложили свою точку зрения. — Янус вновь улыбнулся, но на сей раз улыбка вышла мимолетной. — Теперь мне нужно ее обдумать. — Зашуршал полог палатки, и полковник поднял взгляд. — А вот и Огюстен принес вам чай!

Даже зная, что люди Зададим Жару прочесали маршрут колонны, Маркус помимо воли зорко вглядывался в любую неровность, которая могла послужить местом засады. Из-за этого постоянного напряжения езда верхом становилась еще изнурительней, тем более что Янус явно не склонен был внимать никаким предостережениям об опасности. Солнце едва перевалило зенит, жара стояла адская, и Маркусу приходилось все время вытирать обшлагом рукава заливающий глаза пот. Мидоу, которую ничто не брало, смиренно тащилась под ним как ни в чем не бывало.

Позади Маркуса брел по жаре Колониальный полк, четыре тысячи солдат в синих мундирах, к этому времени уже щедро покрывшихся слоем вездесущей бурой пыли. Слева местность полого спускалась к морю, а справа тянулась длинная череда сухих каменистых холмов. Посередине пролегалла полоса земли, а на ней то, что хандараи комично именовали трактом, — две колеи да тропа, протоптанная по редкой жесткой растительности. Единственным достоинством этой тропы было то, что она не давала заблудиться. Люди сотнями выбывали из строя, кто из-за жары, кто от изнеможения, и отставшим предстояло еще долго брести из последних сил, когда основные силы колонны уже доберутся до лагеря.

А если за следующим подъемом окажется десолтайская засада... Главным врагом ворданаев были искипители, но Маркус больше всего боялся именно пустынных кочевников. Десолтаи так и не смирились с владычеством ворданаев и никогда не упускали возможности поднять бунт. Они обитали в Большом Десоле, там, куда большинство

благоразумных хандараев предпочитало вовсе не соваться, и были превосходными наездниками и стрелками, оттачивая мастерство в бесконечных набегах друг на друга и на окрестные городки.

А теперь у них есть вождь — Стальной Призрак, предмет бесчисленных слухов, который уже, как говорили, совершил с десятков жестоких расправ и к тому же владел темной магией. Впрочем, личные качества этого человека тревожили Маркуса гораздо меньше, чем тот факт, что десолтаи объединились вокруг него и теперь исполнены решимости избавить свой край от чужеземцев, причем без особых усилий. Сотня всадников запросто изрубит всех в капусту. Пехота, если повезет, успеет построиться в каре, а вот повозки и артиллерия станут легкой добычей налетчиков. А поскольку Зададим Жару увел свою часть на разведку, у ворданаев даже не будет возможности их преследовать.

Маркус оглянулся на Януса — тот восседал на лошади с прирожденным изяществом и выглядел так непринужденно, словно во всем мире у него не было ни единого повода для забот.

Самое отвратительное, что полковник, скорее всего, прав. Сегодня ему повезет — слишком невелик шанс повстречать десолтаев так далеко к западу. Повезет и завтра, и послезавтра — и так будет до тех пор, пока его везение не закончится. Тогда будет уже поздно что-то предпринимать. Вот только как ему это объяснить?

Маркус оглянулся через плечо на барабанщиков — трое из них брели рядом с изнемогающей от жары колонной. У каждого батальона был собственный барабанщик, занимавший позицию около знамени, и теоретически они могли подхватывать сигналы друг друга, передавая приказы по растянутой линии колонны и избавляя от необходимости гонять конных вестовых. Эта схема, насколько знал Маркус, неплохо срабатывала во время учений, но на поле боя достигали цели только простейшие команды, такие как «Марш!» или «Стой!». Или «В каре стройся!».

Маркус застыл, осененный внезапной мыслью. Лишь на мгновение он позволил себе задуматься о возможных последствиях. Янус, само собой, придет в бешенство, а будучи графом, он наверняка имеет влияние при дворе — в дополнение к своим связям в министерстве. Он вполне может...

«Что он может? Сослать меня в Хандар?» — Маркус дернул поводья, и Мидоу остановилась. Через несколько секунд с ним поравнялись барабанщики.

— Сэр? — неуверенно проговорил один из них, грузный рыжебородый человек по имени Полт. Лицо его лоснилось от обильного пота, и видно было, что он едва держится на ногах. — Пора объявлять привал, сэр?

Янус предписал каждые два часа устраивать привал, чтобы люди могли отдохнуть и выпить воды, но до следующей остановки было еще далеко. Маркус посмотрел на светящееся готовностью лицо Полта и усмехнулся.

— У нас будет занятие по строевой подготовке, — сказал он. — Бейте экстренное построение в каре.

— Сэр, я... что?! — Полт лихорадочно огляделся, высматривая признаки приближающегося неприятеля. — В самом деле?

— Да, в самом деле. И немедленно.

— Но...

Полт перехватил взгляд Маркуса и благоразумно решил не возражать. Вместо этого он круто развернулся к двум другим барабанщикам. В обычном полку должность барабанщика занимал бы молодой, подающий надежды унтер, но тех, кто подает надежды, не посылают в Хандар. И потому эти двое на вид были старше Маркуса.

— Экстренное построение в каре! — проревел Полт с такой натугой, что на шее вздулись вены. — Живо!

Все трое носили барабаны на спине — там, где обычные солдаты носят вещевой мешок и скатку. Они рывком перебросили инструменты вперед, отпустили — барабаны повисли на ремнях на уровне талии — и выхватили массивные деревянные палочки. Вначале осторожно, а затем с нарастающим грохотом барабанщики простучали исходный сигнал. Бум — пауза, бум — пауза, бум-бум-бум — простейший сигнал для жизненно важной команды, которая должна быть исполнена моментально, сразу после предостерегающего крика часового.

При звуке барабанов солдаты во главе колонны резко остановились. Шедшие сзади не сразу сумели притормозить, а потому вся колонна сбилась поплотнее, хотя все равно оставалась пугающе растянута. Никаких ровных рядов на марше не было. Солдаты шли небольшими группами, лишь приблизительно разделяясь по ротам, а капралы и сержанты не столько следили за порядком в строю, сколько гоняли нерадивых нарушителей. Все ждали сигнала к остановке на отдых, и некоторые даже воспользовались случаем, чтобы усесться прямо на дороге.

Две-три секунды прошло, прежде чем батальонные барабаны подхватили сигнал, но едва это случилось, звук сигнала эхом раскатился по всей колонне. Эффект был именно таким, на какой рассчитывал — и какого втайне страшился — Маркус. Ветераны знали, что означает этот сигнал, но весьма смутно представляли, что должны при этом делать; новобранцы по большей части ничего не поняли, но по испуганным лицам ветеранов живо смекнули, что происходит что-то неладное. Их офицеры, лейтенанты, которых привез с собой Янус,

примерно поровну примкнули к обоим лагерям. Маркус расслышал один-два крика: «Каре! Построение в каре!» — но их почти целиком заглушил поднявшийся гам.

Длинная походная колонна сокращалась и уплотнялась — люди инстинктивно сбивались тесней, стягиваясь бесформенным пузырем вокруг полковых знамен и барабанов. Со своего места Маркусу хорошо были видны первый и второй батальоны, и он с удовольствием отметил, что по крайней мере первый батальон медленно, но все же обретает строй. Это было дело рук Фица — Маркус мельком заметил, как лейтенант схватил за руку офицера несколькими годами его старше и бесцеремонно подтолкнул в нужном направлении. Наконец пузырь лопнул посередине и превратился в кольцо, чьи бока постепенно распрямлялись, по мере того как запыхавшиеся лейтенанты и сержанты криками выстраивали своих подчиненных в некое подобие шеренги. Расчехлили штыки, и тут же понеслась многоголосая ругань — новобранцы пытались пристроить свои штыки, неуклюже орудуя внезапно вышедшими из повиновения пальцами.

Устав строевой подготовки гласил, что батальон, стоящий в строю, должен выполнить построение в каре в течение двух минут после того, как отдан соответствующий приказ. Батальону на марше дается немного больше времени, стандартным сроком считается пять минут. Прошло по меньшей мере четверть часа, прежде чем первый батальон построился в то, что более-менее можно было назвать каре, — квадрат со сторонами в три шеренги, оцетинившийся со всех сторон примкнутыми штыками.

И это был еще не худший результат. Вал, срывая голос от крика, сумел все же построить в каре второй батальон, но что происходило с третьим, Маркус разглядеть не мог, однако очень скоро увидел, что из арьергарда бежит по дороге длинная вереница вопящих людей. Он подумал вначале, что это обозники, удирающие от якобы напавшего врага, но потом разглядел мундиры одуревших, осипших от крика офицеров — и сообразил, что видит четвертый батальон. Очевидно, все старания навести порядок кончились провалом, и рядовые решили, что им остается только втиснуться в строй других батальонов. В итоге завязалось несколько стычек, и Маркус поежился, всей душой надеясь, что никто не вздумает пустить в ход штыки. Меньше всего он нуждался в том, чтобы задуманный им наглядный урок привел к несчастным случаям.

Затем на дороге появилась дюжина орудий, бодрой рысью влекомая крепкими хандарайскими лошадками. За орудиями поспешали в два ряда артиллеристы с выпученными от усердия глазами. При

виде этого зрелища Маркус не мог сдержать улыбки. Что ни говори, а Пастор умеет поддерживать в своей команде дисциплину. Какой-то пехотинец из четвертого батальона, завидев пушку, решил, что безопасней всего будет затесаться среди оружейной obsługi, а лейтенант, размахивая саблей, погнался за ним под залпы брани и возмущенных выкриков со стороны артиллеристов.

«Не хватает только толстого капитана, который со спущенными штанами гоняется за костлявой блондинкой под гулкое уханье трубы, — и готов полноценный фарс из армейской жизни», — подумал Маркус.

Он дернул поводья, развернув Мидоу, и поскакал назад к Янусу, внутренне готовясь выдержать бурю полковничьего гнева.

Янус неотрывно глядел на творящееся внизу безобразие. Не сразу до Маркуса дошло, что он смеется, — все заглушал галдеж и гам. Видя приближающегося капитана, полковник повернулся к нему со слабой, но недвусмысленной улыбкой.

— Сэр! — рывкнул Маркус, стараясь перекричать шум. Янус поравнялся с ним и похлопал его по плечу.

— Вы были правы, капитан, — сказал он. — Убийственно правы. — Янус горестно покачал головой. — Как только суматоха уляжется, можете объявить привал до конца дня. С утра приступим к учениям.

Привал был неизбежен в любом случае, так как понадобился почти весь остаток дня, чтобы навести в частях хотя бы отдаленное подобие порядка и расцепить сбившиеся в панике в груды повозки. Маркус поморщился, когда Фиц предъявил ему итоговый список последствий его выходки: сорок шесть человек заработали ссадины и шишки, четыре лошади получили такие тяжелые увечья, что их пришлось прикончить, а у одной из повозок сломалась ось, когда возчик загнал ту в канаву. Впрочем, могло быть и хуже. Потери в имуществе можно возместить, сломанное починить, и Маркус вздохнул с облегчением, узнав, что среди людей серьезно пострадавших не оказалось. А кто знает, сколько жизней сегодняшнее происшествие спасет в будущем? На заходе солнца Маркус направился в свою палатку с чувством умеренного оптимизма.

Он уже приблизился палатке, когда на его плечо опустилась чья-то могучая рука. Маркус вздрогнул, рывком развернулся, чтобы дать отпор наглецу, — и оторопело уставился в покрытое волосами лицо. Буйная поросль не в состоянии была скрыть насмешливую ухмылку.

— В чем дело, старший капитан? Нервничаем?

Капитан Морвен Каанос, командир третьего батальона, был высокого роста и отличался грузным сложением; продубленная до красноты

кожа говорила о том, что он провел в Хандаре немало лет. Густая борода клинышком, встопорщенные бакенбарды и запущенные усы почти целиком скрывали его лицо. В сочетании с кустистыми бровями вся эта растительность придавала капитану вид дикаря, отшельника либо забывшего об опрятности святого. Рука, которой он хлопнул Маркуса по плечу, скорее достойна была называться лапой и с тыльной стороны поросла волосами, густыми, как шерсть.

— День выдался долгий, — сказал Маркус, досадуя на собственную нервозность. — К тому же я собирался на минутку прилечь.

— Кто я такой, чтоб тебе мешать? — отозвался Мор с сильным акцентом, свойственным горцам. — Но все-таки я к тебе загляну, ты же не против, а? Надо бы кое о чем потолковать.

Капитан Д'Ивуар мысленно выдохнул с облегчением, но кивнул. Вдвоем они едва уместились в небольшой палатке. Маркус тяжело опустился на койку и принялся расшнуровывать сапоги, а Морвен остался стоять у полога, скрестив руки на груди.

— Слышал я, — сказал он, — что за нынешнюю кутерьму мы должны благодарить тебя.

— Где ты это слышал?

Мор поскреб пальцем кончик носа и пожал плечами.

— Тоже мне великий секрет! Полт, с тех пор как снял барабан, только об этом и говорит. Наверное, потому что половина наших ветеранов хотела свалить всю вину на него.

— Обозлились? — Маркус сосредоточенно воевал с узлом, который, казалось, намертво склеили пот и хандарайская пыль.

— Некоторые еще как обозлились. Ты выставил их на посмешище.

— Посмешище они сделали из себя сами. Стая бродячих собак и то лучше справилась бы с построением в каре.

— Ну знаешь! — вскипел Мор. — Твои ребята из первого батальона тоже были не слишком проворны, так нечего тут искать виноватых!

— Я и не ищу, — заметил Маркус. Узел наконец-то подался, и он со вздохом облегчения стянул с ноги сапог. — Толпа недоучек-новобранцев и горстка старых ворчунов, от которых слишком долго никто ничего не требовал. Чего еще можно ожидать?

— Ну а ты-то чего ожидал? На кой все это устроил? Только не говори, что увидел какого-нибудь козопаса верхом на тощей кляче и со страху наделал в штаны!

— Я устроил все это, — мрачно проговорил Маркус, — поскольку знал, что именно так и выйдет, но его светлость изволили мне не поверить.

— Ага, — сказал Мор, расцепив скрещенные на груди руки. — Теперь-то мне все ясно.

Маркус нахмурился. Мор всегда с готовностью подозревал самое худшее в старших по званию офицерах, особенно если они были дворянского происхождения. В Колониальном полку не было принято ни рассказывать о том, как ты сам угодил в ссылку, ни расспрашивать других, чем они провинились перед законом, однако историю Мора знали все: он, по его же словам, незаконно сражался на дуэли с дворянином из-за благосклонности некоей девицы и случайно убил своего противника. Правда это или нет, но одно было очевидно: Мор испытывал неистребимую ненависть к аристократии и привилегиям знати.

— Он не так уж плох, — произнес Маркус. — Думаю, мы сработаемся. Ему просто нужен был небольшой урок, чтобы понять, что возможно, а что нет. Если полковник полагает, что после недели форсированного марша сможет повести всю эту толпу в бой...

— В бой? — откликнулся эхом Мор. — Ты думаешь, дело дойдет до драки?

— Скорее всего. Вряд ли мы пустились в такой путь исключительно ради укрепления здоровья.

— Если память мне не изменяет, этих чокнутых шут знает во сколько раз больше, чем нас. Его светлости об этом кто-нибудь сказал?

— Я и сказал, — ответил Маркус. — Впрочем, в бою не всегда важно численное преимущество.

— Всей душой надеюсь, что ты прав. Хотя я поставил бы десять против одного на то, что еще до конца месяца мы будем, поджав хвосты, удирать назад по этой же дороге.

— Как бы то ни было, — проговорил Маркус, принимаясь за второй сапог, — это не наша забота.

— Точно. Наша забота сейчас развалилась в повозке и вовсю старается утопить свои горести в вине.

Маркус тихо выругался.

— Адрехт?

— Адрехт. Ты видал, как сегодня вели себя его люди?

Маркус кивнул. Четвертый батальон не сумел даже собраться вместе, не то что построиться в каре.

— А где был он сам?

— Хоть убей, не знаю, но уж точно не с батальоном. Лейтенант Орта сказал, что он еще в середине дня куда-то ускакал, да так и не вернулся.

— Святые угодники! — пробормотал Маркус. — Он что же, и вправду хочет угодить под трибунал?

— В последнем нашем разговоре он был свято убежден, что все мы обречены попасть на колья искупителей, так что на трибунал ему наверняка плевать. — Мор осторожно глянул на Маркуса. — Что думаешь делать?

За этим вопросом таился другой. Покрывать Адрехта и попытаться вытащить его из передраги? Или махнуть рукой — и пускай полковник разбирается с ним сам? Маркус сильно подозревал, что мнение Мора ему уже известно. Он никогда не питал особых симпатий к непостоянному и безответственному капитану четвертого батальона.

— Что ты думаешь об этом лейтенанте... как его там? Орта?

Мор пожал плечами:

— Дело свое он, похоже, знает. Правда, ему не хватает решимости, когда нужно, хорошенько выругаться или дать хорошего пинка. Новые лейтенанты, которых дал нам твой полковник, сплошь избалованные ублюдки, и их хлебом не корми, а дай огрызнуться.

Маркус поневоле задумался: что, если и Фицу довелось столкнуться с той же проблемой и он просто предпочел об этом не докладывать? Вряд ли, решил Маркус. Фиц умел добиваться своего, при этом даже не повышая голос.

— Верно. У тебя найдется какой-нибудь особенно крикливый сержант, с которым ты был бы не прочь на время расстаться?

Мор засмеялся:

— Да полным-полно, выбирай любого.

— Отправь одного-двух к Орте и скажи ему, чтобы приступал к наведению порядка в батальоне. Если повезет, нам удастся выиграть время, чтобы побеседовать с Адрехтом.

— Что ж, думаю, так будет правильно. Вот только беседовать с ним все равно придется тебе. Меня он всегда в грош ни ставил и вряд ли сейчас зауважает ни с того ни с сего.

Маркус кивнул:

— Подожду до завтрашнего утра. Надеюсь, к тому времени он хотя бы немного протрезвеет.

— Либо протрезвеет, либо будет дрыхнуть как сурок. — Мор вздохнул. — Хорошо бы Адрехт оценил наши старания.

— Могу поспорить, что ты не дашь ему об этом забыть.

Здоровяк расхохотался.

— Уж будь уверен!

По всем правилам Маркусу полагалось заснуть без задних ног. Этот бурный день совершенно истощил его силы, правда, скорее душевные, нежели физические. По пути в палатку он был спосо-

бен думать только о том, как повалится на койку, но сейчас, когда его желание наконец исполнилось, сон никак не приходил. Маркус нисколько не чувствовал себя сонным — скорее даже взвинченным. Если бы сейчас кто-то хлопнул его по плечу, он бы подскочил, как ужаленный. Лежа на боку, он слышал биение собственного сердца — такое быстрое и четкое, хоть маршируй под этот ритм.

Провалившись в таком состоянии около часа, Маркус мысленно выругался, поднялся с койки, натянул сапоги, не потрудившись их зашнуровать, и вышел наружу. Небо было полно ослепительно сверкающих звезд, и это сверкание лишь отчасти затмевал отсвет факелов и костров, которые до сих пор горели между рядами палаток. Огромный серп луны висел в западной части неба над самым горизонтом, призрачным сиянием заливая синий брезентовый лабиринт лагеря.

Вначале Маркус предполагал прогуляться, чтобы взвинченный организм утомился и поддастся сну, однако к тому времени, когда он миновал последний ряд палаток, прогулка неожиданно обрела иную цель. За границей лагеря, ярдов за двести от кустарника, протянулась линия горящих факелов, отмечая расставленные по кругу посты.

Мушкетеры у часовых заряжены, а нервы в такую ночь наверняка на пределе. Маркус остановился в добрых пятидесяти ярдах от линии огней, приставил ко рту сложенные чашечкой ладони и крикнул:
— Эгей, часовой! Свои!

Факел покачнулся, подавая ответный сигнал. Маркус энергичным шагом преодолел оставшееся расстояние и оказался перед молодым солдатом, который одной рукой держал на плече мушкет, а в другой сжимал факел. В темноте все лица выглядят одинаково — бледные, с темными провалами глаз, — но по густой синеве мундира Маркус распознал новобранца. Различив на плечах Маркуса капитанские плашки, солдат вытянулся по стойке «смирно» и стал лихорадочно соображать, как отдать честь, если одна рука занята факелом, а другая — прикладом мушкета.

— Не нужно, рядовой, — сказал Маркус. — Я просто решил взглянуть на охрану. Как тебя звать?

— Рядовой Ипсар Саттон, сэр! — Солдат снова попытался козырнуть и едва не опалил себе лоб. — Пятая рота первого батальона, сэр!

— Один из моих, — заметил Маркус. — Я — капитан Д'Ивуар.

— Я знаю, сэр! — с гордостью отозвался часовой. — Я видел вас сегодня на учениях.

«Учения, — подумал Маркус. — Что ж, это можно и так назвать».

— Долго тебе еще до конца смены, рядовой Саттон?

— Три часа, сэр! — Солдат выразительно взмахнул факелом. — Пока что ничего подозрительного не обнаружено, сэр!

— Приятно знать, что нас так бдительно охраняют, — сказал Маркус. — Я бы, например, в противном случае и глаз не мог бы сомкнуть.

— Так точно, сэр! — Саттон вытянулся еще старательней. — Спасибо, сэр!

— Продолжай в том же духе. — Маркус добродушно похлопал часового по плечу и двинулся дальше, в темноту.

Он шел вдоль линии охраны, окликал часовых и с каждым обменивался парой слов. Все они были новобранцами — очевидно, эту часть внешней границы охраняли пятая и шестая роты, — и все до единого проявляли пугающую ретивость. Краткий разговор с капитаном внушал им, судя по всему, безмерное воодушевление, и к тому времени, когда Маркус повернул назад, к своей палатке, он чувствовал себя так, будто и впрямь совершил благое дело.

С ветеранами было бы иначе. Фамильярность неизбежно вызывает презрение, а за долгие годы, проведенные в лагере возле Эш-Катариона, даже рядовые привыкли относиться к офицерам с добродушной пренебрежительностью. Все могло быть по-другому, если бы Бен Варус принадлежал к тем командирам, которые воспринимают нарушение субординации как смертельное оскорбление; но он всегда был нетребователен к формальностям, а прочие офицеры брали с него пример. Расправленные плечи и молодые, светящиеся рвением лица новобранцев напомнили Маркусу о последнем годе учебы в военной академии, когда он натаскивал на Долгом Поле взводы обливающихся потом студентов младших курсов.

Именно так и должна выглядеть настоящая армейская часть. Не то что... это. Маркус давным-давно смирился с тем фактом, что Хандар не слишком-то лестное место службы. И уж безусловно, не то, что грезилось ему, когда он только поступил в военную академию. Но так было раньше, когда Маркусу еще не стали безразличны собственная карьера и положение, — до того как он добровольно вызвался служить на краю света в надежде, что так сумеет сбежать от своих призраков. Он употребил все силы на то, чтобы наслаждаться привольной жизнью на не особо обременительной службе и не думать, не вспоминать о прошлом. Потом, во время отступления, Маркус был так занят, что не мог думать вообще ни о чем. Но вот теперь, когда устоявшийся порядок оказался нарушен...

— Добрый вечер, капитан, — произнес из темноты женский голос. Женщины, находившиеся в полку, — прачки, поварихи, шлюхи, которым хватило смелости примкнуть к колонне во время похода, — рас-

полагались на другом конце лагеря, в обозе. Это значительно сужало область догадок, а потому Маркус пошел ва-банк.

— Мисс Алхундт, у вас, наверное, глаза как у кошки.

— Ночное зрение жизненно необходимо для моего рода деятельности, — отозвалась она, возникая из темноты.

— Чтобы подглядывать в чужие окна?

— Чтобы рыться на пыльных старых полках, — пояснила она, вертя в руках очки. И, надвинув их на нос, воззрилась сквозь стекла на Маркуса. — Вы не представляете, какой беспорядок царит в министерских хранилищах. Есть помещения, куда мы не рискуем входить с открытым огнем.

— Это никуда не годится. Так можно спалить все чужие тайны.

— Тайны не мое дело, капитан. На свете достаточно знаний, которые доступны всем.

— Ваша взяла, — согласился Маркус.

— Ну а вы, капитан? — спросила мисс Алхундт. — Подсматриваете за подчиненными? Или же решили учинить неожиданную проверку?

— Просто проверяю, все ли в порядке, — ответил Маркус.

— Весьма похвально, — одобрила она. — Насколько я понимаю, это сегодняшнее... учение также состоялось по вашей милости?

Маркус неловко переступил с ноги на ногу.

— А что?

— Вы стремились поставить полковника Вальниха в неловкое положение? Или же просто замедлить его продвижение?

— Ни то ни другое. Это был... наглядный пример. Я хотел донести до него свою точку зрения.

— Что Колониальный полк ужасающе неподготовлен к боевым действиям?

Женщина была, безусловно, права, но Маркус не желал говорить об этом вслух. Он ограничился тем, что молча покачал головой.

— Могу я спросить, зачем вы так поступили? — осведомилась она.

— Не понимаю, почему вас это интересует.

Мисс Алхундт склонила голову набок, трогая пальцем дужку очков. Маркусу подумалось, что, несмотря на эти очки, строгую прическу и мужеподобный наряд, она на самом деле очень даже хороша собой.

— Потому что вы, капитан, пробуждаете во мне любопытство, — наконец сказала она. — Вы для меня загадка.

— Не понимаю, с чего бы это. Я всего лишь простой солдат.

— Солдат, который добровольно вызвался служить в Хандаре. И не рядовой, а офицер. Вас таких всего двое.

— Да неужели? — хмыкнул Маркус. — И кто же этот второй идиот?

— Полковник Вальних, конечно.

— Но... — начал Маркус и тут же прикусил язык. Женщина улыбнулась.

— Значит, он говорил с вами обо мне, — сказала она. — Все в порядке. Я не стану оскорблять вас просьбой повторить, что именно он говорил. Полагаю, это было что-то вроде: «Она здесь, потому что этот негодяй Орланко что-то замышляет».

— А это действительно так?

— Более-менее. — Она подалась ближе и понизила голос: — Полковник известен своей эксцентричностью. Кроме того, он имеет влиятельных друзей при дворе. Они приложили немало сил, чтобы добыть ему это назначение.

Об этом Янус не упоминал. Маркус помолчал, обдумывая услышанное.

— Зачем?

— Его светлость очень хотел бы это знать. — Она постучала пальцем по переносице. — Именно поэтому я здесь.

— Понимаю.

Мисс Алхундт склонила голову набок.

— Вероятно, вы не можете пролить свет на эту загадку?

Маркус оцепенел.

— Не могу.

— Иного я и не ожидала. — Она выпрямилась. — Просто помните, капитан, что в конечном счете все мы на одной стороне. Я стремлюсь служить верой и правдой королю и Вордану — точно так же, как вы и полковник.

— Не сомневаюсь в этом, — ответил Маркус, — но сейчас моя служба верой и правдой заключается в том, чтобы как следует выспаться. Полковник, насколько я понимаю, хочет, чтобы после завтрашнего перехода мы приступили к строевым учениям.

— Безусловно, капитан. Не смею преграждать вам путь к постели.

— Адрехт! — позвал Маркус, постучав по стойке палатки. — Подъем!

Если солдатам четвертого батальона и показалось странным, что старший капитан ни свет ни заря ломится в палатку их командира, они ни единым словом не выразили удивления. Небо на востоке светлело, и на стоянке первого батальона уже наверняка все были на ногах, сворачивали палатки и укладывали их в повозки, готовясь к дневному переходу. Поскольку четвертый батальон занимал место

в арьергарде колонны, он мог позволить себе не торопиться, однако Маркус считал, что возможность чуть подольше поспать утром вряд ли стоит того, чтобы весь день глотать пыль из-под ног всей колонны.

Палатка Адрехта представляла собой отнюдь не стандартное армейское изделие из выцветшего синего брезента, островерхое и настолько низкое, что Маркус, встав во весь рост, рисковал задеть головой брезентовый потолок. Эта палатка прежде всего была шелковой и гораздо более вместительной, с четырьмя стойками, в то время как у армейских палаток стоек было только две. Когда-то ее щедро украшали сборчатые занавески, пестрые шнуры и фонари с цветным стеклом, от которых по стенам палатки разбегались причудливые узоры, — за годы, проведенные в Эш-Катарионе, Адрехт в совершенстве отточил свой талант к приобретению предметов роскоши. Теперь всего этого не было и в помине, дорогие ткани либо упрятали в сундуки, либо бросили в спешке во время отступления к Форту Доблести. Но это к лучшему, ведь если бы пришлось каждый вечер возводить Адрехтов дворец во всем его великолепии, вряд ли удалось бы унести ноги от искупителей, пускай даже те и не особо старались их догнать. Маркус вновь постучал — с такой силой, что заныли костяшки пальцев.

— Адрехт!

— Маркус? — Голос Адрехта прозвучал глухо и невнятно, и причиной тому явно были не только шелковые тонкие стенки палатки. — Эт' ты?

— Я вхожу! — объявил Маркус и проскользнул под полог.

Внутри просторной палатки не горело ни одной лампы, и слабый утренний свет не в силах был сколько-нибудь рассеять царившую здесь темноту. Маркус поморгал, дожидаясь, пока глаза привыкнут к сумраку, и тут заметил, что на одном из палаточных шестов висит незажженная лампа. Он пошарил в карманах, достал спичку, зажег лампу и снова повесил на шест. Лампа тут же закачалась, и на стенах палатки неистово заметались тени.

Адрехт застонал и поднял руку, пытаясь прикрыться от света.

— Боже милостивый! — простонал он, с трудом оторвав голову от шелковой подушки. — Что это ты творишь? Ночь на дворе, не время для глупых шуток!

— Не ночь, а утро, — поправил Маркус и, увидев, что у стены напротив висит еще одна лампа, зажег и ее.

— С каких пор ты сделался таким дотошным? — Адрехт ощупью пошарил вокруг себя, выудил карманные часы — массивные, из чистого золота — и со щелчком открыл крышку. — Видишь? Два часа ночи. Зачем будить меня в такую рань?

— Уже светает, — сказал Маркус.
— Правда? — Адрехт, моргая, уставился на него. — Ты уверен?
— Как правило, это видно невооруженным взглядом.
— Надо же, какое утешение! — Адрехт потряс золотые часы и со щелчком захлопнул крышку. — Часы остановились, а я думал, что просто пьян.

— Ты и был пьян.

Маркус сказал это наугад, но догадка возникла не на пустом месте. При свете ламп стало видно, что на ковре, выстилавшем пол палатки, валяется несколько пустых бутылок. В чемодане, который лежал в углу, было три ряда обитых ворсистой тканью отделений — вполне подходяще для перевозки спиртного. Больше половины этих отделений пустовало. Два других чемодана валялись между палаточными шестами с вытряхнутым наружу содержимым — беспорядочной грудой одежды, книгами и бумагами. Видимо, в них основательно порылись.

Больше в палатке не было ничего, даже койки. Адрехт при первой возможности избавился от неудобной мебели армейского образца, заменив ее купленными в Эш-Катарионе резными шедеврами. Во время бегства Маркус вынудил его бросить всю эту роскошь, чтобы не занимать позолоченными креслами место в повозках, необходимое для съестных припасов. После той ссоры они целую неделю почти не разговаривали друг с другом.

— Что, и правда светает? — снова спросил Адрехт, подняв помутневшие от крепнущего похмелья глаза.

— Правда, — отрезал Маркус. — Вставай.

С видимым усилием Адрехт кое-как сумел сесть, скрестив ноги. На брюках из тонкого белого льна виднелось лиловое пятно — след пролитой хозяином жидкости. Адрехт скорбно воззрился на это безобразие, затем поднял взгляд на Маркуса.

— Мне нужно выпить! — объявил он. — Ты хочешь выпить?

— Воды, — сказал Маркус. — У тебя тут есть вода?

— Вода?! — Адрехт одной рукой очертил левую сторону груди двойным кругом — старинный церковный знак, отгоняющий зло. — Не произноси этого слова вслух! Господь услышит тебя и покарает на месте. Вода! — Он фыркнул. — Прошлой ночью я не терял времени даром, но, помнится, в той лиловой бутылке еще оставалась пара глотков...

Упомянутая бутылка вывернулась из неловких пальцев Адрехта, и остатки ее содержимого выплеснулись на ковер. Адрехт пожал плечами и отшвырнул бутылку.

— Ну и ладно. Не последняя.

Маркус обнаружил графин с чуть теплой водой и подал его Ад-рехту. Несмотря на все возражения, тот пил жадно, даже не потрудившись поискать чашку. Последний глоток воды он погонял во рту, а потом с задумчивым видом проглотил.

— Не припомню, чтобы я пил оружейное масло, — пробормотал он, — а вкус во рту именно такой. Может, парни пошутили забавы ради, а?

— Адрехт... — Маркус огляделся, прикидывая, где бы сесть, но при виде загаженного ковра передумал. Вместо этого он опустился на корточки. — Адрехт, где ты был вчера?

— Вчера? — Адрехт медленно моргнул. — Вчера... вчера...

— Пил где-то?

— А, точно. Я предложил одному из квартирмейстеров угоститься выпивкой, а он пригласил меня на время перехода в свою повозку. Потрясающий парень, просто слов нет. Он... не помню, честно говоря, как его зовут, но он — сама доброта.

— И ты пробыл там весь день?

— Ну не то чтобы весь. Просто... знаешь, как оно бывает... — Он пожал плечами. — А в чем дело?

— Тебе следовало быть со своим батальоном.

— Зачем? Для моральной поддержки? Парни и так знают, что от них требуется. В конце концов, это обычный поход.

— Когда я объявил экстренное построение каре...

Адрехт фыркнул:

— Чего ради ты вдруг затеял такую дурь?

— Если бы на нас напали, могли бы перебить всех до единого.

— «Если бы на нас напали»! — передразнил Ад-рехт. — Брось, Маркус, уймись. Присядь и выпей со мной.

— Проклятье! — не выдержал Маркус. — Адрехт, да что с тобой происходит?

Наступила долгая пауза, и Маркус постарался взять себя в руки. Ад-рехт — хороший офицер и хороший друг. И ума, видит Бог, ему не занимать — Маркус мог бы назвать с полдюжины экзаменов в академии, которые нипочем не сдал бы без его помощи. Да и в бою Ад-рехт проявлял редкостную отвагу, можно даже сказать, чрезмерную. Вместе с тем он был подвержен приступам дурного настроения, которые в худших случаях могли длиться по несколько недель, особенно если сопровождалась выпивкой.

— Думается мне, это и так ясно, — произнес Ад-рехт. Держась за палаточный шест, он неуклюже поднялся на ноги и направился

к чемодану, в котором хранилось спиртное. Маркус, стремительно выпрямившись, преградил ему путь. Адреخت отшатнулся и наградил его убийственно злобным взглядом. — Я намереваюсь, — сказал он, — стать монахом. Это же очевидно. Видишь ли, Пастор наконец убедил меня, что близится время зверя. Только мне нужно сначала избавиться от всех земных сокровищ, понимаешь? Ты мне в этом уже изрядно помог, — Адреخت недобро сощурился, — но оставалось спиртное, и оно занимало мои помыслы. Я решил, что просто вылить его было бы не очень-то честно. Так что сейчас я добросовестно тружусь над достижением своей цели. И как только закончу — фьють! — отправлюсь в монастырь.

— Не в монастырь ты отправишься, а в Вендр! — огрызнулся Маркус. — Причем в кандалах. У нас, если ты еще не заметил, новый полковник. Если будешь продолжать в том же духе, рано или поздно...

— Перестань! — со смешком оборвал Адреخت. — В Вендр? Да неужто? Ты сам-то веришь в то, что говоришь?

— Вендр — это если тебе повезет. Куда вероятнее, что дело кончится расстрельной командой. Невыполнение служебного долга...

— Да я буду счастлив погибнуть от честной ворданайской пули! — заявил Адреخت. — По крайней мере, если мне разрешат перед тем надраться в стельку. Моя участь будет гораздо лучше вашей. — Он помотал головой. — Ну же, Маркус! Неужели ты искренне думаешь, что хоть кто-нибудь из нас вернется домой, в кандалах или без оных? Искупители не обменивают пленных, они их едят.

— Мы пока еще не в плену, — заметил Маркус.

— Это дело времени. Или может, полковник поделился с тобой своим тайным планом? Интересно было бы узнать, что он задумал. Маркус неловко повел плечами.

— Полковник не делится со мной своими планами. Тем не менее он отправился в поход не для того, чтобы пасть смертью героя за короля и отечество, — если ты это имеешь в виду.

Адреخت пренебрежительно фыркнул.

— Надо было нам сразу погрузиться на те корабли — и дело с концом. Мы идем на смерть, и большинство солдат это понимает. Можно ли упрекать их в том, что они не рвутся исполнять свой воинский долг?

— Другие батальоны тем не менее выполнили приказ, — ответил Маркус, добавив про себя: «Хотя и не сразу».

— Мне всегда доставались самые смысленные солдаты. — Адреخت перехватил выразительный взгляд собеседника и вздохнул. — Маркус...

— Я пытаюсь тебе помочь, — сказал Маркус. — Если ты больше не в состоянии исполнять свои обязанности, лучше сказать об этом сейчас.

— Весьма умный ход, профессор Д'Ивуар. Сыграть на гордости капитана Ростона — а вдруг это вернет его на передовую?

— Проклятье, я...

— Да ладно, ладно! — Адреخت вскинул руку. — Я буду на строевых занятиях. Ты ведь это хотел услышать? — Он опять помотал головой. — Хотя это дьявольски жестоко — заставлять человека в последние дни его жизни обливаться потом на жаре и срывать голос, выкрикивая приказы.

«На сей раз дело и впрямь хуже некуда. Он почти опустил руки», — подумал Маркус. Колкие искорки мерцали в глазах Адрехта, словно мрачный циничный юмор был единственным, что помогало ему держаться на ногах. Маркус видел его таким только однажды, пять лет назад, сразу после того, как Адреخت узнал, что его отправляют в Хандар. Святые угодники! Может быть, Мор и прав. Если этот лейтенант Орта в состоянии хоть сколько-нибудь справиться с делом, может, действительно следует оставить его во главе батальона?

Вот только это означало бы, что придется избавиться от Адрехта. Если не выйдет уговорить Януса принять его отставку, единственный способ для капитана покинуть свою часть — уйти с позором. Адреخت на это никогда не согласится. И он, Маркус, обязан помочь ему всем, чем только сможет.

— Ну? — с вызовом проговорил Адреخت. — Это все, старший капитан, или у вас есть ко мне еще какие-то вопросы?

— Нет. — Маркус повернулся, чтобы уйти, но у полога палатки задержался. — Знаешь, я ведь действительно пытаюсь тебе помочь.

— Да неужели? — огрызнулся Адреخت. — И почему же?

«Порой я и сам не понимаю», — подумал Маркус, помотал головой и без единого слова выскользнул наружу.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВИНТЕР

Выдался обычный хандарайский весенний день — то есть всего лишь невыносимо жаркий, а не убийственный, как летнее пекло. Казалось, что солнце нависло над самой головой и физически ощутимой тяжестью давит на плечи. Каждый ничем не прикрытый участок кожи обжигали раскаленные лучи, мундиры отяжелели, насквозь пропитавшись потом. Винтер провела в Хандаре три года, но и ее местная жара могла заставить врасплох. Рядовым, шагавшим в колонне, приходилось еще хуже — хотя бы потому, что у них не было офицерских кепи с козырьком, прикрывавшим глаза, — и некоторые из солдат уже явственно шатались, едва держась на ногах. Винтер надеялась, что Д'Врие объявит привал прежде, чем кто-то из них и впрямь рухнет без сознания.

В первый день похода она и сама была близка к этой участи. Сотня с лишним миль от Эш-Катарiona до Форта Доблести стала самым длинным переходом, который прежде доводилось совершать Колониальному полку, а до того опыт Винтер по хождению строем ограничивался несколькими парадами в честь принца Эксптера.

При отступлении они покрыли это расстояние за две недели, и при них было столько повозок, что солдатам даже не пришлось самим нести оружие. Обратный путь явно обещал быть намного быстрее. Новобранцы ничуть не удивились, услышав приказ о дневном переходе в пятнадцать миль, причем не только с мушкетами, но и в полной выкладке, — но Винтер едва не застонала. Переход она, хотя и с трудом, выдержала, но плечи и ноги потом болели так, что заставили вспомнить о днях, проведенных в безраздельной власти миссис Уилмор. Старуха свято верила, что изнурительный труд — наилучшее средство от грязных помыслов.

Переход второго дня оказался короче из-за постыдно проваленной учебной тревоги, и, видимо, неудовлетворительные действия полка

произвели впечатление на кого-то из вышестоящих. Офицеры объявили, что на третий день переход составит всего пять миль и полк прибудет на новое место лагеря уже к полудню. К тому времени Винтер вспомнила о том, что у нее есть мышцы ног, и обнаружила, что они за эти годы не так уж сильно и одрябли. Она начала думать, что сумеет с честью выдержать это испытание.

Напрасно. Господь всегда откликался на ее молитвы только в том случае, когда замышлял нечто худшее. Объявили, что вторая половина дня будет посвящена строевой подготовке. Новобранцы восприняли это как должное, но ветераны Колониального полка ворчали и сыпали проклятиями.

Это известие заставило вернуться к роте лейтенанта, который до тех пор ехал во главе колонны. Видимо, по его представлениям, глотать пыль вместе со своими подчиненными не входило в обязанности офицера, а вот придирчиво гонять их так и эдак на строевом плацу — очень даже. За время похода Винтер видела командира роты раза два-три от силы, и лишь сейчас ей подвернулся случай внимательно к нему присмотреться.

Лейтенант Антон Д'Врие носил сшитый по заказу синий мундир, так же безукоризненно отвечавший требованиям устава, как мундиры его солдат. Он был невысоким поджарым человечком с темными глазами и пышными усами над пухлым капризным ртом. Волосы лейтенанта были тщательно расчесаны и обильно припудрены — явно по последней ворданайской моде, хотя форменное офицерское кепи сводило все эти усилия на нет. У бедра болталась шпага в кожаных ножнах, как будто только что начищенных до блеска, а в руке он держал тонкую тросточку, которая со свистом разрезала воздух всякий раз, когда лейтенант желал на что-то ею указать. Всякий раз, стоя рядом с лейтенантом, Винтер невольно дергалась, опасаясь случайно схлопотать по виску.

Оказалось, что строевые занятия гораздо хуже похода. Когда колонна двигалась по дороге, у солдат по крайней мере оставалось ощущение, что они что-то делают — пускай даже просто одолевают пешим ходом еще несколько миль пути. Если по пути попадался ручей, солдатам позволялось наполнить фляги, им разрешалось разговаривать на ходу и даже петь. И самое главное — никто их не судил и не оценивал. Мера успеха была только одна: добредешь ли ты, шатаясь, до лагеря прежде, чем настанет ночь.

Сейчас же сто двадцать солдат седьмой роты стояли плотным строем в три шеренги, по сорок человек в каждой. Все были экипированы как полагается: на левом бедре патронташ, на груди крест-накрест двойные ремни со штыком в ножнах, мушкет прижат к правому боку,

и пальцы намертво вцепились в приклад. Так они и должны были стоять, замерев под пристальным взглядом сощуренных, ввалившихся глаз Д'Врие, куда он не скамандует двигаться.

Винтер стояла перед шеренгами, в центре, рядом с лейтенантом. В ее обязанности входило доносить его команды до личного состава роты и обеспечивать их выполнение. Положение, мягко говоря, незавидное. Мало того что все время на глазах у Д'Врие, так еще вся рота до последнего солдата смотрит на нее с глухой ненавистью. Пот катился по лицу Винтер, пропитывал волосы и вызывал зуд во всем теле. Занятия длились уже добрых два часа.

Д'Врие постукивал тросточкой по ноге, взирая на своих подчиненных с высокомерной неприязнью. Наконец он откашлялся и, даже не пытаясь скрыть недовольство, пробежал взглядом по строю в три шеренги.

— Что ж, ладно, — сказал он. — Попробуем еще раз. По сигналу наискосок вправо ускоренным шагом — марш!

Он произносил свои приказы вполголоса, словно ведя беседу. Винтер приходилось выкрикивать их во все горло, чтобы команды лейтенанта услышали и на концах шеренг. Она уже надсадила горло, но сейчас собрала остатки сил. Получилось скорее похоже на воронье карканье, но Д'Врие и бровью не повел.

Ротные барабанщики принялись отбивать учащенной дробью ритм ускоренного шага. Рота колыхнулась вперед, и почти сразу стало ясно, что чуда не случилось.

Много лет назад — как будто в другой жизни — Винтер была совсем девчонкой, моложе любого из нынешних новобранцев. Все, что девушка знала тогда об армейской жизни, она почерпнула из рассказов о великих сражениях, где неустрашимые бойцы скрупулезно исполняли все маневры, невзирая на залпы выстрелов и смертоносный град пушечных ядер. Поскольку Винтер примкнула к армии не самым традиционным способом, ей не довелось провести несколько недель в учебной части, где, по всей видимости, будущие солдаты и обучались такой стойкости, — и потому она постаралась исправить это упущение, раздобыв устав и «Инструкции по строевой подготовке армии его величества» и вызубрив обе книги наизусть. Потом эти знания оказались, само собой, почти бесполезными, но кое-что осталось в памяти до сих пор.

Следовательно, Винтер знала, как именно все должно было происходить. При первом ударе барабана каждому солдату полагалось шагнуть с правой ноги, поставив ее перед левой в одном стандартном шаге — тридцать шесть дюймов сообразно с некоей священной мерой, которая хранилась в недрах Военного министерства. Следующий шаг надлежало сделать при втором ударе барабана — и так далее. Таким

образом, предполагалось, что рота двинется вперед идеальным строем, не нарушая шеренг.

Задача сама по себе была нелегкая, но Д'Врие потребовал шагать наискосок, а это значило, что с каждым шагом солдатам приходилось делать полшага вбок, исполняя нечто вроде косога разворота. По лицам солдат Винтер уверенно определила, что многие из них этого попросту не поняли или по крайней мере слишком поздно вспомнили, что это такое.

Получилось примерно то, чего она ожидала. Одни начали движение с левой ноги, а не с правой и неизбежно врезались в идущих рядом, другие забыли, что надо двигаться наискосок, — с тем же результатом. Третьи шагнули чересчур далеко либо недостаточно далеко и, пытаясь исправить ошибку, отстали от барабанного ритма и сбились с шага. Два солдата в задней шеренге ухитрились как-то зацепиться лямками вещевых мешков, а когда рванулись в разные стороны — рухнули в пыль, барахтаясь, точно перевернутые на спину черепахи.

Не пройдя и двадцати ярдов, ровный, в три шеренги, строй превратился в беспорядочную толпу краснолицых толкающихся солдат. Когда Винтер выкрикнула: «Стой!» и барабанная дробь оборвалась, толпа по инерции качнулась еще на пару шагов вперед, а затем неуклюже подалась назад, и солдаты, пихая друг друга, принялись восстанавливать строй. На это у них ушло добрых пять минут.

Словом, произошло то же самое, что и в прошлый раз, и в позапрошлый, — и с каждой новой неудачей Д'Врие все плотней поджимал губы. Сейчас его терпение явно истощилось. В бешенстве он развернулся к Винтер.

— Сержант! — рявкнул он.

Винтер откозыряла:

— Слушаю, сэр!

— С меня достаточно. Я желаю, чтобы ты гонял этих бездельников, — лейтенант повысил голос, — до тех пор, пока они не выполнят все как надо или не попадают замертво на плацу! Задача ясна?

— Э... так точно, сэр!

Губы лейтенанта скривились.

— Право... — выдавил он и зашагал прочь, отбрасывая взмахами тросточки нагло подвернувшиеся под ноги куски щебня. Винтер смотрела ему вслед, чувствуя, как солнце нестерпимо припекает спину, и прикидывала, как же ей теперь поступить.

Она отыскивала взглядом стоящего в первой шеренге Бобби. Паренек покраснелся — то ли от стыда, то ли от жары, — и видно было, что он дрожит от усталости. Винтер, в отличие от Д'Врие, прожила

в Хандаре два года и знала, что «попадать замертво на плацу» — отнюдь не фигура речи. Если продолжать в том же духе, очень скоро лазарет переполнится жертвами сердечных приступов.

Винтер окинула взглядом пыльный клочок земли, который служил полку строевым плацем. Плоский, поросший кое-где чахлой растительностью, он ничем не отличался от мест, которые они уже прошли. Унылое однообразие иссушенной солнцем почвы нарушали лишь редкие камни да пучки жесткой травы. Около десятка рот упражнялось сейчас на плацу, сообразно прихоти своих офицеров исполняя различные строевые команды. Винтер наблюдала за тем, как один из лейтенантов нещадно поносит своих подчиненных, точно возчик упрямых мулов, — и тут ее осенило.

— Право... — пробормотала она, круто развернувшись. — Право... направо... — И, напрягая уже охрипший голос, громко скомандовала: — Рота, направо!

Солдаты, которые все это время настороженно следили за ней, ожидая худшего, разом облегченно вздохнули и, кто как мог, расправили плечи. Потом повернулись на месте на девяносто градусов — и три шеренги длиной в сорок человек каждая превратились в колонну по три. Винтер широким шагом прошла к голове этой новой колонны, за ней поспешали барабанщики.

— По моему сигналу, — произнесла она, — шагом марш вперед. Равнение на меня. Марш!

Вновь, теперь уже медленнее, застучали барабаны, и колонна пришла в движение. Сейчас, когда в шеренге шло всего по трое и не нужно было отвлекаться на развороты наискосок, рота маршировала вполне прилично. Винтер шла перед первой шеренгой, которая слегка подровнялась, стараясь держаться прямо позади нее, и это позволяло без труда управлять движением длинной, как змея, колонны.

Шагов через сто она обнаружила то, что искала. Другая рота, построившись в обычные три шеренги, упражнялась в строевой подготовке под зычные команды сержанта. Рядом со скучающим видом стоял лейтенант. Все они были повернуты спиной к Винтер и ее подчиненным.

Винтер повела колонну в этом направлении, то и дело поглядывая через плечо, дабы убедиться, что рота хорошо сохраняет строй. При сближении с другой ротой в колонне возникло секундное замешательство. Винтер, пользуясь случаем, отскочила вбок с пути колонны и выкрикнула:

— Вперед! Бегом марш!

Барабаны застучали чаще. Солдаты в первых шеренгах, сообразив, что им нужно делать, приступили к выполнению приказа с поразитель-

ным пылом. В рядах другой роты ничего не замечали до тех пор, пока не стало слишком поздно. Раздалось несколько ошеломленных вскриков — и миг спустя длинная колонна седьмой роты с разбега врезалась в арьергард чужого строя. Солдаты Винтер валили напролом, сбивая встречных с ног, покуда кто-то из пострадавших не ринулся в драку. Кто-то из седьмой роты получил кулаком в солнечное сплетение, и через секунду обе роты упоенно дрались на кулаках, предаваясь этому развлечению со всем пылом людей, сбросивших оковы дисциплины.

Винтер, стоя на краю этого побоища — барабанщики в ужасе застыли у нее за спиной, — наблюдала за делом рук своих с нескрываемым удовлетворением. Лейтенант другой роты, толстяк со всклокоченной бородой, устремился к Винтер, покуда его сержанты безуспешно пытались прекратить беспорядок. Винтер отдала честь, постаравшись придать лицу как можно более бесстрастное и бессмысленное выражение.

— Ты что это, черт тебя побери, вытворяешь?! — выпалил лейтенант, трясясь от гнева.

— Виноват, сэр! Выполняю приказ, сэр!

— Чей приказ?

— Лейтенанта Д'Врие, сэр! Лейтенант приказал погонять этих бездельников. Извините, что врезались в ваш строй, сэр! Мы не нарочно, сэр!

Лейтенант сверлил ее взглядом, явно не зная, как отнестись к словам сержанта. Наконец он остановился на презрении. Винтер изо всех сил сохраняла приветливо-идиотское выражение лица.

— Ну так сам и наведи порядок, — буркнул он. — Если твои болваны через пять минут не уберутся подальше от моей роты и вообще от плаца, я обо всем доложу капитану! Понял?

— Так точно, сэр! — Винтер круто развернулась навстречу кутерьме, которую сама же и устроила. — Капрал Форестер!

Паренек уже выбрался из толчеи, ужом протиснувшись между дерущихся, и теперь беспокойно вертел головой. Услышав окрик Винтер, он рывком крутнулся и вытянулся по стойке «смирно».

— Убрать этих болванов с плаца! Приказ лейтенанта! — Винтер указала на торчавшего у нее за спиной толстяка. — Живо!

Лицо Бобби прояснилось, и можно было не сомневаться, что ему, как и Винтер, стоит большого труда не расплыться в ухмылке.

— Есть, сэр!

Короткая стычка словно разогнала накопившуюся за несколько часов усталость, и солдаты хлынули с плаца шумной толпой, хохоча и перекрикиваясь друг с другом. Атмосфера безудержного веселья не

рассеялась и по возвращении в лагерь. Кто-то выудил невесть откуда мяч, и скоро две стихийно возникшие команды азартно гоняли его вдоль ряда палаток, а зрители, собравшиеся по бокам импровизированной площадки, хохотали и подбадривали игроков.

Винтер не понимала, откуда у них берутся силы. Схлынувшее напряжение оставило после себя дрожь и слабость в теле, и Винтер мечтала только о том, чтобы на несколько часов выпасть из окружающего мира. Под невыносимой усталостью таился смутный страх. Бунтарская выходка, поначалу казавшаяся Винтер такой остроумной, теперь мнилась ей смехотворной. Д'Врие и не подумает принимать в расчет, что у нее были противоречащие друг другу приказы; он увидит только, что его требование не выполнили, и обрушит на Винтер всю тяжесть своего гнева. Разжалует в рядовые и прогонит в прежнюю роту, в лапы Дэвиса.

Протиснувшись сквозь толпу, Винтер проскользнула в относительно прохладный полумрак своей палатки. На походном столике лежали бумаги — из-за длинных переходов у Винтер почти не оставалось времени на ротные счета, и внушительная груда документов меньше не становилась. Винтер понимала, что ей следовало бы вплотную заняться бумагами, но сейчас одна лишь мысль о том, чтобы взяться за перо, вызывала у нее тошноту.

Потому она обессиленно рухнула на койку и вытянулась, даже не потрудившись снять сапоги. «Я безумно устала. Вот прикрою глаза на минутку...»

Теплые нежные губы, прижимающиеся к ее губам, пальцы, скользящие от талии вниз, жаркое тело, приникающее к ее телу. Волосы Джейн, мягкие и темно-рыжие, точно грех, бархатной завесой ниспадающие на обнаженные плечи Винтер. Мелькнул проблеск зеленых, как изумруды, глаз.

Джейн отстранилась, высвободилась из объятий, отступила на шаг. Она была совершенно нагая, и Винтер не знала ничего прекраснее этой наготы.

— Ты должна уйти, — сказала Джейн. — Не просто покинуть «тюрьму», а сбежать от всего, от всех, кто стремится связать тебя по рукам и ногам и вернуть назад...

Винтер не могла произнести ни слова. У нее перехватило дыхание.

Джейн подняла руку. Сверкнуло серебряным блеском острое лезвие.

— Возьми нож, — произнесла она, словно учила подругу нарезать жаркое. — Приставь кончик лезвия вот сюда, — она вскинула голову

и прижала острие ножа к горлу, под самым подбородком, — надави как можно сильнее и веди вверх.

— Джейн! — Собственный пронзительный крик показался Винтер невообразимо далеким.

Лезвие ножа с пугающей легкостью вошло в плоть. Изумрудные глаза Джейн расширились. Она открыла рот, но вместо слов исторгла густая струя липкой крови.

Винтер внезапно проснулась. Гулко стучало в висках, в голове все еще раздавались душераздирающие крики. Они затихли нескоро, очень нескоро. Девушка лежала навзничь, не шевелясь, чувствуя, как ноют от усталости руки и ноги. Неотрывно и бессмысленно она глядела на синий брезентовый потолок палатки. «Разве может являться призрак того, кто вовсе не умер?»

По наружному шесту палатки постучали. Винтер села, малодушно радуясь любой возможности отвлечься от тягостных видений.

— Кто там?

— Это я, — отозвался снаружи Бобби.

Винтер виновато покосилась на стопку отчетов, но сейчас уже было поздно за них приниматься.

— Входи.

Паренек проскользнул в палатку. Он потирал кисть руки, и Винтер разглядела на костяшках ссадины. На миг она прониклась сочувствием.

— Сожалею, что тебе досталось, — вслух сказала она.

— Досталось?

Винтер указала на ушибленную руку, и Бобби расплылся в широкой улыбке.

— Вы об этом, сэр? Да так, пустяковина. Один чудик из третьей роты опрометчиво подставил под мой кулак свою челюсть. Бьюсь об заклад, ему досталось куда больше. — Бобби вдруг занервничал. — Это ведь ничего, а, сэр? Вообще-то капралу не дозволено ввязываться в драку с рядовым, но ведь то был исключительный случай...

— Все в порядке, — заверила Винтер. — Ответственность целиком на мне. Кто-нибудь пострадал?

— Рядового Иблисса пришлось вдвоем уносить с поля, сэр.

— Бог ты мой. Что с ним стряслось?

— Да пожалуй, ничего страшного. — Бобби кашлянул. — Ему просто заехали в неудачное место.

Винтер озадаченно взглянула на него.

— Врезали ногой по шарам. Может, даже и не нарочно. Вы же знаете, каково это...

— Понимаю. Надеюсь, третья рота не затаит на нас злобы.

— Да пускай бы и затаит, сэр! — Бобби снова заулыбался. — Капитан нашего учебного батальона всегда поощрял стычки между ротами. Здоровое соперничество укрепляет единство части — так он говорил.

— Долго ты пробыл в учебке? — спросила Винтер.

— Месяц. Должен был шесть недель, но из-за спешки меня выпустили раньше срока. И все равно я считаю, что мне повезло.

— Почему?

— У меня был хотя бы месяц, — пояснил Бобби. — Другим рядовым досталось и того меньше. Кое-кто и в глаза не видел учебной части: с вербовочного пункта — сразу на корабли.

— Неудивительно, что они не умеют ходить строем, — пробормотала Винтер. — Ну а лейтенант об этом знает?

— Должен бы, сэр. У него все личные дела.

Это не означает, что он их читал. Или что его интересует, что там написано. Винтер помолчала, размышляя об услышанном.

— Сэр, — сказал Бобби, — я хотел поблагодарить вас.

— За сегодняшнее? — отозвалась Винтер. — Да ладно, это была простая уловка.

— Простая, но хитроумная, сэр. Ребята будут вам благодарны.

— Погоди, вот завтра наорет на них Д'Врие — и неизвестно, что останется от этой благодарности. — Винтер вздохнула. — Извини. Настроение паршивое. Ты пришел просто так или по какому-то делу?

— Чтобы сказать вам спасибо, сэр. И спросить, не принести ли вам ужин.

— Да, наверное...

Винтер окинула взглядом тесную палатку, стол, заваленный ежедневными донесениями, койку, на которой ее терзали мучительные воспоминания. Бобби словно прочел ее мысли.

— Сэр, — сказал он, — ребята приглашают вас поужинать с нами.

Винтер скорчила гримасу:

— Я не хочу никому быть в тягость.

— Вы никому и не бу...

— Да брось. Сам наверняка знаешь, как это бывает. В присутствии сержанта свободно не поговоришь.

По крайней мере именно так всегда было в роте Дэвиса, хотя сама Винтер редко принимала участие в общем разговоре.

— Приходите, сэр, — сказал Бобби. — Поболтаете с нами, — может, и настроение поднимется.

Винтер хмыкнула:

— Только если ты дашь слово не называть меня «сэр».

— Так точно, сэр! — Бобби с сияющими глазами вскинулся навывтяжку, и Винтер, не выдержав, расхохоталась.

Когда они вышли из палатки, приготовление ужина продвигалось уже полным ходом. В теории рота подразделяется на шесть отделений, каждое из которых возглавляет капрал. Эти отделения чаще именовали «котлами», поскольку главной их особенностью был чугунный котел, в котором готовилась пища для всего отделения. В седьмой роте границы между отделениями были явно расплывчаты, и все шесть котлов стояли вокруг общего костра. Люди брали еду из любого котла и усаживались, где им хотелось: на земле, на камнях или на пустых ящиках из-под припасов. По большей части они собирались в кружки, болтали, смеялись, играли в кости или карты.

Бобби подвел Винтер к одному такому кружку, где среди солдат она обнаружила капрала Фолсома. Люди охотно подвинулись, освобождая место на импровизированной скамье из ящиков с сухарями. Один из солдат вручил Винтер миску, полную до краев обжигающе горячей похлебкой, которую неизменно готовили на ужин, когда позволяли время и припасы. Винтер приняла у другого солдата кусок сухаря, подержала его в вареве, покуда он окончательно не размягчился, и с жадностью съела. Только сейчас она осознала, до чего голодна.

Вначале казалось, что недавние опасения Винтер оправдались. До ее прихода в компании царили оживленный разговор и смех, но теперь, в присутствии сержанта, люди притихли и с видимой неловкостью сосредоточились на еде. Бобби предложил всем представиться, после чего прозвучало с полдюжины имен, которые Винтер тут же забыла. И опять наступила тишина еще более неловкая, чем прежде.

Первый шаг к общению, как ни странно, сделал капрал Фолсом. Нарушив обычную свою молчаливость, он вдруг заметил ни к селу ни к городу:

— Вот не ожидал, что здесь будет столько ручьев и речек. Мне всегда говорили, что Хандар — бесплодная пустыня.

Бобби с радостью ухватился за эту возможность завести разговор:

— Вот и я слышал то же самое. Сколько ни читаешь о Хандаре, все песчаные дюны да верблюды... А я вот до сих пор в глаза не видел ни единого верблюда.

— В этой части Хандара влаги побольше, — пояснила Винтер. — Мы всего милях в десяти от побережья моря, а потому здесь время

от времени даже случаются дожди. К тому же мы приближаемся к долине реки Тсель. Если пройти на двадцать–тридцать миль к югу, окажешься в Малом Десоле, а там на много дней пути вокруг можно не встретить ни одного источника воды.

— А верблюдов? — спросил один из солдат, то ли Джордж, то ли Джерри.

— Верблюдов тоже не встретишь, — ответила Винтер, — по крайней мере здесь. На самом деле верблюды в Хандаре вовсе не водятся. Десолтаи используют их, это верно, но они живут в Большом Десоле, к востоку от реки Тсель.

— Десолтаи? — отозвался другой солдат. — Это те самые, что все время носят стальные маски?

Винтер рассмеялась:

— Не все, а только их вождь. Он называет себя Малик дан-Белиал, что означает «Стальной Призрак». Никому не известно, как он выглядит на самом деле.

— По мне, так прятать лицо под маской — самая что ни на есть трусость, — заметил солдат. — Сержант, а что скажете про город, к которому мы сейчас направляемся, Эш-Катарин? Он такой же большой, как Вордан?

— Вовсе нет. Скорее, это провинциальный городок.

— Но там хотя бы найдется приличная выпивка? — спросил кто-то, и вся компания покатила со смеху.

Винтер улыбнулась:

— Раньше была, но это до того, как власть захватили искупители. Шайка чокнутых священников. Похоже, им не по душе ни выпивка, ни добрая еда, ни любые другие удовольствия.

Солдаты прыснули.

— Надо же, точь-в-точь как наши!

— Разве что в Истинной церкви, — возразил кто-то. — В нашей учебной части капеллан мог запросто перепить половину взвода.

Разговор продолжился в том же духе, и мало-помалу напряжение рассеялось. Многие солдаты были выше Винтер ростом, и поэтому ей зачастую приходилось смотреть на собеседника снизу вверх, и тем не менее, глядя на округлые, добросовестно выбритые лица, она вдруг остро осознала, насколько на самом деле старше этих ребят. В компании, сидевшей кружком у котла, никому не было больше восемнадцати. Все они были мальчишками, лишь недавно покинувшими родной хутор или свое жилище в Вордане, и за их усмешками, за внешним молодечеством Винтер распознала тревогу и страх.

И все эти ребята искали опору и поддержку именно в ней. Именно она знала, что к чему, знала все тонкости жизни в Хандаре и армейской службы. Это было трогательно и в то же время пугающе, поскольку в полной мере давало понять, чего именно ожидают солдаты от своего сержанта. Когда речь зашла о том, как ловко Винтер сегодня избавила роту от тягот строевой подготовки, никто из солдат даже не поблагодарил ее, как это сделал чуть раньше Бобби. Такой поступок казался им совершенно естественным, частью обязанности сержанта беречь рядовых от безумных прихотей командования. Несколько раз зло прошлись по персоне Д'Врие. Первая шутка была произнесена осторожно, но, когда Винтер громко расхохоталась вместе со всеми, пала еще одна преграда, отделявшая ее от солдат.

— А что скажете про полковника Вальниха? — спросил новобранец по имени Джордж — Винтер почти не сомневалась, что правильно запомнила имя этого рослого юноши с мышиного цвета волосами и веснушчатым лицом. — Поговаривают, будто он ненормальный.

— Он, верно, здорово проштрафился, если его назначили на эту должность, — заметил Натан. Низенького роста, в очках, он явно считал себя специалистом по армейским делам.

— А я слышал, что он вызвался добровольцем, — отозвался другой солдат, чье имя Винтер никак не могла запомнить.

— Тогда и впрямь ненормальный, — заключил Джордж.

— Сержант, а вы как думаете? — спросил Натан.

Винтер стесненно пожала плечами:

— С полковником я не сталкивался, но капитан Д'Ивуар — ветеран Первого колониального. Он не позволит этому Вальниху надеть совсем уж непозволительных глупостей.

— И какого же дьявола тогда нас погнали в этот поход? — осведомился Джордж.

Здесь мнения разделились. Натан был уверен, что искупители сбегут в горы, как только убедятся, что ворданаи не намерены шутить. Джордж неуклонно твердил, что полковник Вальних ведет их на верную гибель, хотя, как ни странно, подобная перспектива ничуть его не беспокоила. Бобби заявил, что они попросту сопровождают принца, который будет вести с мятежниками переговоры, покуда не достигнет приемлемого соглашения. Однако самое глубокомысленное предположение высказал Фолсом. Когда здоровяк капрал откашлялся, вся компания почтительно стихла.

— По-моему, — проговорил Фолсом, — полковник Вальних хочет показать начальству, что он не сдался без боя. Понимаете? Он не может так просто взять и отправить нас всех на родину, в Вордан.

Он должен хотя бы разок сразиться с врагом, а не то министерских удар хватит от злости. Потому-то нас и погнали в этот поход. — Он пожал плечами. — По крайней мере, я так считаю.

После этой речи разговор опять вернулся к лейтенанту Д'Врие, и Винтер воспользовалась этим, чтобы покинуть компанию. Поднявшись на ноги, она похлопала Бобби по плечу, и парнишка взглянул на нее.

— Поговорим? — предложила Винтер.

Они отошли прочь от небольшого кружка. Солнце уже скрылось за горизонтом, и небо стремительно темнело, обретая лилово-серый оттенок. Винтер запрокинула голову, завороченно глядя в вышину, где уже загорались первые звезды. Для того, кто вырос в чадных, освещенных факелами многолюдных кварталах Вордана, хандарские ночи становились настоящим откровением. Здешние звезды не мерцали изредка кое-где, но бесчисленными сотнями, тысячами сверкали во всем небе, а взошедшая луна была такой огромной и ясной, что, казалось, ее можно коснуться рукой.

Немало времени прошло с тех пор, когда Винтер вот так любовалась ночным небом, но сейчас ей пришло в голову, что Бобби и другие новобранцы сегодня, наверное, впервые разглядели это великолепие. Интересно, кто-нибудь из них проведет нынешнюю ночь, глаза с открытым ртом на звезды — как когда-то делала сама Винтер.

Ей захотелось поблагодарить капрала за то, что вытащил ее из палатки, но девушка не представляла, с чего начать разговор. Она глянула на лицо Бобби, едва различимое в ускользающем свете сумерек, — и стало ясно, что паренек и так все понимает. Винтер благодарно вздохнула.

— Во время разговора, — сказала она вслух, — мне пришла в голову одна мысль. Правда, из-за нее нас могут здорово взгреть.

— Излагайте, — оживился Бобби.

— Главное — как следует рассчитать время. — Винтер задумчиво покусала нижнюю губу. — Нужно будет потолковать с ребятами этой же ночью, чтобы завтра все собрались сразу после того, как закончится переход...

— Заряжай!

Винтер решила обойтись без барабанной дроби, которую предписывал устав. Для безупречного выполнения строевых упражнений считалось существенным, чтобы каждый солдат совершал двадцать шесть номерных движений одновременно со своими товарищами,

подстраиваясь под бой барабанов, однако на практике Винтер обнаружила, что барабаны только сбивают людей с толку. Вместо этого она вышагивала вперед и назад вдоль строя в три шеренги, задавая ритм собственными шагами.

Рядовые, уже взмокшие от пота, ожесточенно возились со своим оружием. Винтер сочувствовала им всей душой. Заряжание — процедура не из простых. Вначале берешь бумажный патрон с отмеренным заранее количеством пороха и свинцовой мушкетной пулей и зубами разрываешь его пополам, зажимая свинцовый шарик во рту, а другой рукой придерживая часть патрона с порохом. Потом открываешь затвор, насыпаешь немного пороха на затравочную полку и закрываешь обратно. Оставшийся порох высыпается в ствол, для чего необходимо упереть основание мушкетного ложа в землю и прижать его к сапогу. Клочки бумаги наугад сыплются вслед за порохом. Наконец выплевываешь пулю и остатки патрона в ствол, выдергиваешь железный шомпол, закрепленный в кольцах под стволом, и двумя-тремя сильными ударами забиваешь на место всю эту смесь.

Лишнего пороха, чтобы упражняться в заряжании, не было, а потому рота только изображала жестами все последовательные шаги. Когда шомпола со скрежетом вернулись в закрепленные под стволом кольца, солдаты снова взяли мушкеты на изготовку, то есть прижали к боку, пальцами левой руки обхватив ложе. Кто-то проделал это быстрее, кто-то медленнее. Винтер, отсчитывая удары сердца, определила, что прошло не меньше тридцати секунд, прежде чем рота пришла в полную готовность. Она поцокала языком.

— Целься! — прокричала она, отходя в сторону, чтобы не заслонять предполагаемую линию огня. Солдаты, как один, вскинули мушкеты к плечу и взвели курки. Где-то в строю Винтер расслышала тихую брань — кто-то замешкался с выполнением команды, кто-то заехал мушкетным стволом по голове соседа. Только первая и вторая шеренга взяли оружие на изготовку, третья ждала. Дула мушкетов торчали вдоль всего строя, точно иглы дикобразов.

Винтер выждала еще несколько ударов сердца и снова крикнула:

— Пли!

Восемьдесят пальцев надавили на спусковые крючки. Плавно отъехали затворы, защелкали кремни, высекая искры о сталь. Без пороха выстрелы вышли почти беззвучными, если не считать россыпи торопливых щелчков. Винтер прошла назад и вновь остановилась перед колонной.

— Заряжай!

И все началось сначала.

Они упражнялись так уже добрый час. Переход завершился в полдень, и седьмая рота, подбадриваемая Винтер, проворно поставила палатки, обустроила лагерь и почти бегом ринулась на строевой плац задолго до появления лейтенанта Д'Врие. На плацу, кроме них, не было еще ни души. Винтер заранее повторила все, чего хотела добиться от своих солдат: кое-какие азы из устава и несколько мелочей, которых не было в учебнике по строевой подготовке. Если уж они собрались заняться муштрой, нужно извлечь из этого пользу.

Когда Винтер изложила свою идею, кое-кто из солдат застонал, но девушка видела, что многие лица просветлели от облегчения. Бобби говорил, что некоторые новобранцы после призыва не успели даже побывать в учебной части, кому-то досталось лишь несколько дней, кому-то — пара недель начальной подготовки, на которую в идеале полагалось полтора месяца. Даже ворчуны в итоге вынуждены были признать, что идея Винтер выглядит куда заманчивей, чем бесконечные сбои при выполнении запутанного действия наподобие «наискосок вправо ускоренным шагом».

В самый разгар заряжания, когда еще возились с шомполами, Винтер развернулась к ним лицом и гаркнула:

— В каре строй-ся!

Это оказалось внове даже тем, кто прошел полную начальную подготовку, так как в учебнике не было ни слова о том, чтобы построить в каре роту, но Винтер уже отработывала с солдатами эту команду, и после нескольких повторений они усвоили основную идею. Рота тотчас прервала заряжание, и солдаты, стоявшие по краям — десять рядов с каждой стороны, — развернулись кругом, шагнули в тыл строя и встали рядами позади первых трех шеренг. Таким образом строй вдвое сократился в длине и вдвое прибавил в ширине.

Заняв свои места, солдаты разом выхватили из кожаных ножен штыки. Эти лезвия — десять дюймов смертоносной заостренной стали — насаживались с поворотом на шип у ствола, превращая мушкет в некое подобие копья. Едва штыки были примкнуты, первая шеренга припала на одно колено, а вторая вскинула мушкеты под углом над головами первой. Ряды по бокам строя развернулись на девяносто градусов, лицом наружу.

Команду выполнили — по крайней мере на этот раз. В итоге, педантично заметила Винтер, получился не столько квадрат, сколько прямоугольник — зато его легко было построить, а ряды грозно сверкающих штыков выглядели вполне внушительно. Солдаты в третьей шеренге продолжали заряжание — не слишком ловко, поскольку старались не пораниться о собственные штыки, — и, покончив с этим

делом, тоже вскинули мушкеты. Расчет был на то, что сочетание острой стали с залпами выстрелов создаст непреодолимую преграду для вражеской кавалерии.

Винтер выждала несколько мгновений и скомандовала: «Перестроиться!» Каре преобразилось в прежний строй, причем беспорядка и замешательства в этом обратном действии было значительно больше, чем в предыдущем. Винтер мысленно отметила, что этот момент придется отработать еще несколько раз.

К этому времени плац уже понемногу заполнялся людьми, и седьмая рота удостоилась нескольких любопытных взглядов других офицеров. Винтер словно не замечала их, все внимание уделяя своим солдатам, при этом она расположила их так, чтобы хорошо видеть дорогу к лагерю. Разглядев издали припудренные волосы и тросточку лейтенанта Д'Врие, она прервалась и наклонилась к Бобби.

— Веди роту к концу плаца и обратно, хорошо? — сказала она. — Я потолкую с лейтенантом.

— Так точно! — отозвался капрал, буквально лучась счастьем от такого ответственного поручения. Выйдя из строя, он махнул рукой барабанщикам, которые сидели поодаль на земле, поскольку до сих пор в них не было никакой необходимости. — Рота, по направлению к центру, обычным шагом вперед марш!

Барабаны завели глухой тягучий ритм обычного шага, и седьмая рота более-менее приличным строем двинулась в указанном направлении. Винтер осталась на месте и, стоя по стойке «смирно», дожидалась Д'Врие. Молодой офицер озадаченно посмотрел, как его солдаты строевым шагом уходят прочь, а затем устремил все внимание на Винтер.

— Что здесь происходит? — осведомился он.

Винтер откозыряла:

— Исправительное учение, сэр!

Д'Врие беззвучно зашевелил губами, переваривая эти слова.

— Исправительное учение?

— Так точно, сэр!

— Я получил донесение от лейтенанта Андерса, — промолвил Д'Врие. — Он был чрезвычайно недоволен...

— Так точно, сэр! — перебила его Винтер. — Стыд и позор, сэр! Готов нести всю полноту ответственности, сэр!

— Еще бы ты не был готов! — заметил лейтенант с легкой иронией. — А теперь...

— Парней надо было подучить дисциплине, сэр!

— Да, пожалуй, — с подозрением согласился Д'Врие. — Дисциплина, безусловно, важна, но мои занятия...

— Они недостойны вашего внимания, сэ́р! — отрывисто рявкнула Винтер. — Шайка симулянтов, сэ́р! Ну да я вколочу в них прилежание, сэ́р!

— Вколотишь прилежание, — повторил Д'Врие, явно получая удовольствие от этих слов. И бросил взгляд в дальнюю часть плаца, где Бобби только что развернул колонну и строевым шагом повел назад. — Им и вправду не помешает кое-что вколотить.

— Как я уже говорил, сэ́р, я готов нести всю полноту ответственности, сэ́р! Дисциплина будет восстановлена, сэ́р!

Наступило недолгое молчание. Д'Врие несколько раз провел ладонью по усам и решил, что в конечном итоге одобряет позицию сержанта.

— Действительно, — проговорил он, и в голосе его слышалась крепнущая уверенность. — Исправительное учение. Недурная работа, сержант. Надеюсь вскоре увидеть положительные результаты.

— Вы их увидите, сэ́р!

— Продолжай, продолжай в том же духе. — Лейтенант потыкал тросточкой комок земли. — Что ж, препоручаю это дело тебе.

— Сэ́р! Можете на меня положиться, сэ́р!

— Безусловно.

Д'Врие направился прочь, отчасти сбитый с толку, но тем не менее довольный. Вернулся Бобби, остановился рядом с Винтер, знаком приказав барабанщикам умолкнуть, и девушка одарила капрала улыбкой.

— Вы отделались от него?

— Пока что да, — ответила она. — Ничто так не сбивает с толку офицера, как неистовое поддакивание.

Винтер выучилась этой уловке у Дэвиса, чьи отрывисто лающие «Так точно, сэ́р!» чуть не доводили до слез многих вышестоящих. Здоровяк-сержант, что бы там ему ни приказали, почти всегда ухитрялся повернуть дело на свой лад. Винтер неприятна была мысль, что она переняла у этого типа нечто и впрямь полезное для себя, однако в нынешнем положении сетовать на это было, пожалуй, неуместно.

Она вздохнула.

— Рано или поздно нам все же придется поупражняться в этом треклятом шаге наискосок вправо. Д'Врие захочет убедиться, что мы выполняем его как положено. Впрочем, пара дней отсрочки у нас, скорее всего, есть, и я предпочту потратить это время на что-нибудь более стоящее.

Винтер проговорила это с уверенностью, которой на самом деле не испытывала. Хоть она и прослужила в Колониальном полку целых

два года, ей ни разу не довелось участвовать в настоящем сражении. Весь ее боевой опыт включал маршировку на плацу, парады и краткие перестрелки с разбойниками или мародерами, которые всегда предпочитали удрать либо сдаться в плен, чем ввязаться в бой. Сейчас она в основном действовала вслепую, но признаться в этом Бобби не осмеливалась.

— Так точно, сэр! — отозвался капрал. И немного несмело добавил: — Я не знал, сэр, что построение роты в каре — уставной маневр.

— Потому что он неуставной, — сказала Винтер. Обычно в каре строился батальон — тысяча человек. — Но прежний полковник однажды сказал мне, что, если в твоём распоряжении осталось хоть четыре солдата, они обязаны уметь построиться в каре. Учитывая недавнее происшествие на марше, я решил, что нам стоит немного поупражняться.

— Верно сказано, сэр. — Бобби глянул на солдат, стоявших у нее за спиной. Пользуясь краткой передышкой, одни утоляли жажду из фляжек, другие обмахивали себя чем попало, спасаясь от жары. — Может, продолжим, сэр?

Винтер кивнула.

Вечером этого дня Бобби и Графф обучали Винтер игре в карты, традиционному солдатскому развлечению. В силу своей намеренной отчужденности Винтер до сих пор не познала этой премудрости. Когда она вскользь упомянула об этом, все выразили дружное изумление, и после этого уже ничего не оставалось, кроме как согласиться играть.

Пока в котлах готовился ужин, Графф позвал еще двух капралов, пару рядовых и сразу ударился в объяснения — настолько сложные, что из трех слов Винтер понимала в лучшем случае одно. К тому же изложение правил Графф перемежал затяжными экскурсами в тактические приемы, да к тому же игра, которую он выбрал, по числу исключений и особых случаев явно превосходила армейский устав.

— Ну вот, скажем, он выкладывает тройку, — разливался Графф, не замечая, что его подопечный в полном замешательстве. — Или две тройки, или две четверки, но ни в коем случае не две пятерки, потому что тогда он может собирать черепаху. Дальше твой ход — открываться, удваивать, играть или пасовать. Открываться лучше не стоит, потому что даже если ты выиграешь, то получишь только его ставку, а с тройкой против девятки это самое большее шестьдесят—сорок. Если решишь удваивать, то вам обоим тянуть еще по одной карте, а он рассчитывает хотя бы на короля, потому что тогда

сможет попробовать сорвать банк, а тебе нужна бы скорее шестерка или семерка, но ни в коем случае не пятерка — не забывай про черепахи. Итак, скажем, ты удваиваешь. Вы оба делаете еще одну ставку...

Он взял из своей горки монет одну, бросил ее в котелок, затем проделал те же манипуляции со скромной горкой монет, лежавших перед Винтер. Она поймала взгляд Бобби, сидевшего напротив в тесном кружке игроков. Паренек пожал плечами и криво усмехнулся.

— Это что еще такое? — гулко гроыхнуло вдруг над головой Винтер. — Азартные игры? Карис этого не одобрит, Святоша, ой не одобрит! Гляди-ка, стоило мне на полминуты упустить тебя из виду, и ты уже всю катишься по кривой дорожке!

Сердце Винтер застыло, и на мгновение она утратила способность дышать. Другие игроки не сводили с нее глаз, а потому она заставила себя повернуться лицом к тени, которая зловеще нависла за спиной.

— Сержант Дэвис, — напряженно проговорила Винтер.

Здоровяк хохотнул:

— Вечер добрый, сержант Игернгласс.

Он двинулся вдоль кружка игроков, ни на секунду не сводя черных глаз с лица Винтер. Бугай и Втык, маячившие позади сержанта, следовали за его великанской фигурой, точно верные псы. Оказавшись напротив Винтер, он протолкался вперед и уселся, скрестив ноги. Солдаты слева и справа торопливо подвинулись, чтобы освободить место.

— Я тут подумал — схожу-ка гляну, как поживает наш Святоша, — гулко сообщил сержант. — Наверняка ведь он вам рассказывал обо мне. Старина Дэвис и все такое прочее. Это ведь я научил его всему, что он знает.

— Добро пожаловать в седьмую роту, сержант Дэвис! — бойко воскликнул Бобби.

Дэвис словно и не услышал его.

— Ну, Святоша, и как же ты поживаешь?

Время как будто откатилось на неделю назад. Весь мир заполнил-ся Дэвисом в сопровождении мерзко ухмылявшихся Бугая и Втыка. Больше года сержант был неотъемлемой частью жизни Винтер. За последние дни, избавившись от его постоянного гнета, она настолько ощутила свободу, что даже посмела приподняться с колен. И вот он снова явился, чтобы втоптать ее в грязь.

— Неплохо, — выдавила она вслух. — Вполне.

— Видели бы вы, что он устроил вчера! — выпалил Бобби со смехом, явно не чувствуя напряженности. — Лейтенант Д'Врие сказал нам...

— Да нам всем есть что порассказать забавного про нашего Святошу, — вкрадчиво проговорил Дэвис. — Помните, как-то все отправились в кабак и мы скинулись, чтобы купить ему шлюху?

— Уж я точно помню! — подхватил Втык. — Бог мой, до чего же красивая была девка! Стоит этак голенькая, в чем мать родила, открываем мы дверь в комнату Святоши, он смотрит на меня, а я говорю: «Нá вот, приятель, пользуйся, это все для тебя!»

— И тут, — продолжил Втык, — Святоша говорит девке, чтоб пошла прочь. Столько стараний, и все впустую! А Бугай возьми да и скажи ему: «Чертовы мученики, Святоша, у тебя, что ли, члена нет?»

Дэвис лишь усмехнулся, не сказав ни слова. Винтер хорошо помнила, что случилось потом. Бугай, настолько пьяный, что едва стоял на ногах, с этими словами хотел сунуть руку ей между ног, видимо, для того чтобы подтвердить свою догадку. Когда Винтер шагнула в сторону, Втык схватил ее сзади. В завязавшейся стычке она лягнула Бугая в лицо и укусила Втыка за тыльную сторону ладони.

Правосудие вершил сержант. Он заявил, что не может допустить драк в роте и Винтер полагается получить воздаяние за причиненный ущерб — причем дважды. Чтобы все было по справедливости, он, сержант, займется этим сам. Первый удар — кулаком в лицо — едва не сломал Винтер нос; от второго — под дых — она скрючилась, и ее вытошнило на пол. Остальные смотрели на это и смеялись.

Помимо воли Винтер коснулась рукой лица — верхней, того места на лице, где когда-то багровел огромный кровоподтек. Дэвис заметил этот жест, и ухмылка его стала шире.

— Ну как, сержант, может, потолкуем с глазу на глаз? — осведомился он. — По-мужски, так сказать. Помянем старые добрые времена.

Опасаясь любопытных взглядов своих подчиненных из седьмой роты, Винтер нервно кивнула. Дэвис и его спутники встали. Девушка повела их в сторону своей палатки, подальше от костров и котлов с ужином. Все четверо остановились в узком проходе между двух брезентовых стен.

— Сержант, — сказал Дэвис. — Ты — и вдруг сержант. Долбаные мученики, в какое дерьмо катится армия?

— Я этого не хотел, — проговорила Винтер. — Я говорил капитану...

— Я-то думал, что посылаю тебя на геройскую смерть, — перебил Дэвис, — а капитан произвел тебя в сержанты. Как же ты этого добился, а?

— Верно, отсосал у капитана, — подсказал Втык.

— Ротик у Святоши и впрямь хорошенький, — задумчиво проговорил Бугай. — Почти как у девчонки.

— Так и было, Святоша? — с нажимом продолжал Дэвис. — Ты ублажил капитана? Думал, что оставишь старину Дэвиса? Что ж, дельце недурное: отсосал у кого надо — и бац, повысили в звании. Надо было подставить капитану свою задницу — тогда он, глядишь, произвел бы тебя в лейтенанты, и старине Дэвису пришлось бы тебе козырять. Тебе! Вот бы здорово было, а?

— Чего вы хотите? — выдавила Винтер.

— Чего я хочу? — повторил Дэвис. — Бог ты мой, да я и сам не знаю. Наверное, служить в армии, где такому дерьму, как ты, не дают повышение через головы порядочных людей, где такого выскочку можно пришибить законным образом. Ну да мне такое не светит, верно? — Он пожал могучими плечами. — Вот что я предлагаю. Ты пойдешь к капитану и скажешь, что больше не можешь быть сержантом. Что тебе это дело не по плечу. Не справляешься. Можно будет еще разок отсосать у него, если придется... а потом вернешься под крылышко старины Дэвиса. Тебе это понравится, верно?

— Капитан меня не отпустит. — Винтер ощутила, как руки сжимаются в кулаки. — Я пробовал отказаться, но он не захотел...

— Пробовал? Потому что слишком хорош, чтобы быть простым сержантом? — Дэвис придвинулся так близко, что в ноздри Винтер ударила гнилостная вонь его дыхания. — Ах ты, долбаный Святоша! Может, ты просто слишком хорош для этого брэнного мира? Верно?

— Может, нам стоит ему... как это... подсобить? — услужливо предложил Бугай.

Дэвис ухмыльнулся. Винтер вдруг поняла, что сейчас он ее ударит. Она напряглась, приготовившись вернуться, но Бугай и Втык встали по бокам от нее, точно зажав в тиски.

— Сержант!

Это был голос Бобби. Дэвис застыл. Винтер осторожно глянула через плечо. Паренек стоял в самом конце прохода, и огонь костров подсвечивал его силуэт.

— Мы еще не договорили, — проворчал Дэвис. — Мотай отсюда.

— Дело в том, — промолвил Бобби, продвигаясь вперед, — что у нас как раз в самом разгаре партия, а без сержанта продолжить никак не получится. Так что не могли бы вы отложить свой разговор до утра?

Бугай преградил путь капралу. Ветеран был на добрый фут выше новобранца и на добрых полсотни фунтов тяжелее. Рядом с Бобби он выглядел сущим великаном.

— Сержант ясно сказал — мотай! — прорычал он. — Мы заняты!

— Но...

Бугай возложил руки на плечи Бобби и как следует надавил. У паренька подкосились ноги, и он помимо воли рухнул на колени.

— Вот что, детка, — процедил Бугай, — быстро уползешь отсюда — останешься цел, ясно?

Винтер перехватила взгляд Бобби. «Беги!» — мысленно взмолилась она, но мольба, судя по всему, не дошла до адресата. Паренек улыбнулся и быстро глянул вверх.

— Прошу прощенья, — прозвучал за спиной у Дэвиса гулкий бас. Затем капрал Фолсом шагнул вперед и одарил Винтер улыбкой.

Дэвис обернулся с перекошенным от ярости лицом... и замер, мгновенно переоценив обстановку. Будучи крупного сложения, он привык добиваться подчинения одним своим могучим видом, однако Фолсом почти не уступал ему в росте. Более того, туша Дэвиса после нескольких лет вольготного житья в Эш-Катарионе изрядно заплыла жиром, зато капрал был крепок и мускулист, как молотобоец. Его поза говорила о том, что парню часто приходилось использовать физическую силу, — он стоял на носочках, в любое мгновение готовый к броску.

Втык тоже развернулся к Фолсому, и на несколько секунд в проходе воцарилась угрожающая тишина. Винтер хотелось пронзительно закричать, броситься наутек... сделать хоть что-нибудь. И еще она желала, чтобы капрал Фолсом размазал жирную физиономию Дэвиса по его же жирному затылку, но в то же время сама мысль об этом пугала ее до немоты. Кто пойдет против Дэвиса, больно поплатится — эту нехитрую истину Винтер давно заучила наизусть. Лучше уж не попадаться ему на глаза. Вот только сейчас это, к сожалению, было невыполнимо.

Напряженную паузу нарушил топот сапог, раздавшийся за спиной у Бобби. Из-за поворота, слегка пыхтя, появился капрал Графф, а за ним следовало еще с полдесятка дюжих солдат. Дэвис принял решение. Он расправил плечи, и лицо его перекошилось в подобии улыбки.

— Серьезные у вас игры, как я погляжу, — проговорил он и с добродушным видом похлопал Втыка по плечу. — Что ж, я думаю, мы с вашим сержантом уже более-менее закончили свое дельце. — Дэвис ухмыльнулся Винтер, и глаза его зловеще полыхнули. — Ты уж побереги себя, Святоша. Мы ж не хотим, чтобы с тобой стряслась беда, верно? Гляди, как бы не наступить на скорпиона.

Винтер знала, что он имел в виду. Это было традиционное прикрытие для побоев, случавшихся в роте. Когда избивали какого-нибудь беднягу так сильно, что он истекал кровью и не мог явиться на переключку, его сослуживцы обычно сообщали, что он наступил на скорпиона.

Бобби одарил Дэвиса ясной невинной улыбкой:

— Можете не беспокоиться, сержант. Мы за ним присмотрим.

— Да уж, — пробасил Фолсом из-за спины Дэвиса. — Не беспокойтесь.

— Что ж, теперь я уж точно буду спать спокойно. — Дэвис потер руки, изображая неумеренную веселость. — Пойдем, парни. Пускай Святоша и его новые друзья спокойно поужинают.

Бугай явно обрадовался возможности уйти подобра-поздорову. Втык замешкался было, сверля неприязненным взглядом Фолсома, но, когда Дэвис коротко глянул на него, покорно двинулся прочь. Солдаты, толпившиеся за спиной у Граффа, расступились, чтобы пропустить троицу. Через несколько секунд до Винтер донесся гулкий хохот Дэвиса.

— Сержант! — окликнул Бобби, подходя ближе. — Вы как, в порядке?

— Да, конечно, — невольно ответила Винтер. Она до сих пор дышала учащенно, и сердце неистово колотилось в груди. Желудок словно стянуло тугим узлом.

— Сдается мне, вам надо прилечь, — сказал Бобби, шагнув к ней вплотную. — Дайте я помогу вам...

Он едва успел прикоснуться к Винтер — она тут же резко оттолкнула его руку. Это был отработанный годами рефлекс, и девушка тотчас пожалела, что не сдержалась. Выражение глаз Бобби напомнило ей щенка, которого пнули ногой. Винтер судорожно сглотнула и расправила плечи, стараясь взять себя в руки.

— Все в порядке, — бросила она. — Ничего не случилось. Мне просто нужно отдохнуть. — И добавила, оглядевшись по сторонам: — Вы все свободны. Идите ужинать.

Солдаты, стоявшие за спиной у Граффа, отступили в сторону, когда Винтер, пройдя мимо них, нырнула в свою палатку. Она опустилась на походную койку и, не зажигая лампу, обхватила руками живот, мышцы которого закаменели от напряжения, словно помня сокрушительный удар мясистого кулака Дэвиса.

По шесту палатки постучали.

— Это я, Графф.

Винтер не хотелось видеть ни его, ни кого-либо другого, но прогнать капрала было бы вопиющей неблагодарностью.

— Заходи, — сказала она.

Графф протиснулся в палатку. На лице его читалось легкое замешательство. Винтер вопросительно взглянула на него.

Капрал кашлянул.

— Я хотел извиниться, — проговорил он. — За то, что вмешался без спроса. Мне подумалось, что стоит так поступить, но это, конечно, было бесцеремонно, и вы имеете полное право на меня сердиться.

Винтер помотала головой, не произнеся ни слова.

— Джим за вас беспокоился, — пояснил Графф. — Он парень наблюдательный, хотя чаще всего помалкивает о том, что увидел. Их было трое, а вы — один, и мы решили, что это... в общем, не совсем честно. Тогда я пробежался по лагерю и собрал нескольких ребят из тех, что явно не понаслышке знают, что такое хорошая драка.

— Спасибо, — с трудом выговорила Винтер.

Графф заметно расслабился.

— Дело в том, — сказал он, — что я хорошо знаю эту породу. Ничего нет хуже сержантов, которые служат в захолустье, — я, само собой, не о присутствующих. Получает такой сержант на медный грошик власти и сам превращается в медного божка. Еще хуже, когда он при этом здоровый бугай вроде этого самого Дэвиса. — Графф пожал плечами. — Ну да насчет него можете не беспокоиться. Подобные типы все как один в душе закоренелые трусы. Стоит дать им отпор, и они тут же подожмут хвосты.

Винтер покачала головой. Она знала Дэвиса. Он — грубая скотина, любитель притеснять и унижать и, вполне вероятно, в душе трус... но, помимо этого, он чудовищно самолюбив и самонадеян, а еще коварен и хитер. Дашь ему отпор — и он изыщет способ избежать прямой стычки, найдет возможность нанести удар тогда, когда этого меньше всего ожидаешь.

— Я для такого не гожусь, — тихо проговорила Винтер.

— Для чего?

— Для всего этого. — Она неопределенно махнула рукой. — Какой из меня сержант? Я понятия не имею, что и как надо делать, а теперь еще и Дэвис...

Она помотала головой, чувствуя, как вдруг перехватило горло, и с трудом повторила:

— Я для такого не гожусь.

— До сих пор вы справлялись отменно, — сказал Графф. — Мне, чтоб вы знали, довелось служить под началом сержанта, который был много хуже.

— Но что мне теперь делать?

— Для начала — вернуться и поужинать. Горячая пища вам не повредит.

Винтер медленно кивнула. Но прежде чем она успела подняться с койки, по шесту опять застучали — быстро и лихорадочно.

- Что такое? — рявкнул Графф.
- Это я, Бобби! — отозвался знакомый голос. — Пойдемте, пойдемте скорей! Вы должны это увидеть!

Эскадрон кавалерии вернулся в лагерь и сейчас продвигался вдоль дорожки, отделявшей палатки седьмой роты от других. Во главе отряда Винтер разглядела Зададим Жару, напыжившегося от гордости, точно петух-забияка. Свыше десятка кавалеристов ехали за ним, образуя некое подобие квадрата, в середине которого плелись четверо пеших. Именно они и привлекли всеобщее внимание.

Большинство новобранцев, наверное, до сих пор не видели ни единого хандарая — если не считать гребцов на шлюпках, которые отвозили их на берег. Туземцы были гораздо ниже ростом, чем ворданаи, черноволосые, с серовато-коричневой кожей. Впрочем, цвет кожи не у всех был одинаков; хандараяв называли серокожими, и Винтер, когда только прибыла сюда, ожидала увидеть вокруг людей цвета пушечной бронзы, однако в Эш-Катарионе ей встречались самые разные оттенки — от пепельно-серых физиономий знати до исчерна-бурых десолтайских лиц, прокаленных до хруста пустынным солнцем.

В этом отношении четверо пеших хандараяв представляли собой нечто среднее. Изнуренные и изрядно отощавшие, они были одеты в изношенные мешковатые белые балахоны, щедро разукрашенные красными и желтыми клиньями.

- Кто это такие? — спросил Бобби, стоявший рядом с Винтер.
- Не крестьяне, уж это точно, — отозвался Графф. — Гляди-ка, у них патронные сумки.
- Искупители, — сказала Винтер. Красно-желтые клинья были ей слишком хорошо знакомы. — Эти знаки символизируют пламя.
- А что же они здесь делают? — удивился Бобби. — Я думал, все искупители сидят в столице.
- Разведчики, — сухо произнес Графф. Винтер кивнула.
- Бобби растерянно посмотрел на нее, затем на капрала:
- Что это значит?
- Это значит, что где-то там, — Графф указал на восток, — находится армия.
- Это значит, что скоро нам предстоит вступить в бой, — сказала Винтер. Глядя сейчас на угрюмых фанатиков, она чувствовала, что почти способна позабыть о существовании Дэвиса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДЖАФФА

— **И**у что ж, генерал, — сказал Ятчик дан-Рахкса, — теперь мы наконец-то узнали истинную цену твоей отваги.

Лицо Хтобы, застывшее в бесстрастной маске, при этих словах окончательно окаменело.

— Отваги? — процедил он, точно сплюнул. — Наглый щенок! Сам хоть раз побывай в бою, а потом уж рассуждай об отваге!

— И как же мне это удастся, если я последую твоему совету? — отпарировал священник. — Ты требуешь, чтобы мы трусливо забились в щель и только молились о том, чтобы молот судьбы не обрушился на наши головы!

— Молитесь себе, о чем хотите! — отрезал генерал. — Если б ты изучал военное искусство так же ревностно, как труды Длани Господней, знал бы, что на свете существует такая вещь, как стратегия. Здесь у нас отменная позиция, а на пути ворданаев к Эш-Катарionу нет ничего, кроме мелких поселений и многих миль ни на что не годной пустыни. Пускай себе движутся дальше! К концу этого похода мы станем во много раз сильнее, а они — во столько же раз слабее.

— Ты в этом уверен? — осведомился Ятчик. — Уже сейчас люди шепчутся, что мы страшимся вступить в открытый бой с чужеземцами. Пройдет неделя, другая — и даже самые преданные падут духом. Мы должны действовать, действовать, а не выжидать! И потом, — добавил он, фыркнув, — зачем нам сдалась твоя стратегия? У нас есть благословение Небес... и численное преимущество.

— Численное преимущество, — сказал Хтоба, — это еще не все.

Джаффа сидел, наблюдая за тем, как эти двое шипят друг на друга, точно разъяренные коты. Разговор в этом духе велся уже несколько часов, Хтоба и Ятчик то и дело отвлекались на какие-то побочные

темы, но всякий раз неизменно возвращались к главному. Ворданайское войско покинуло свою полуразрушенную твердыню в Сархате-пе и сейчас двигалось по прибрежной дороге. Именно это сообщил Стальной Призрак, и разведчики Хтобы запоздало подтвердили это. Ятчик всецело ратовал за то, чтобы всей армией выступить наперерез чужеземцам и разгромить их наголову, однако генерал более склонялся к осторожности и предусмотрительности.

Никто из них не заговаривал вслух о настоящей причине этого спора. Владычество Длани Господней зиждилось на беспощадных репрессиях, проводимых Небесными Клинками — армией искипителей, которая насчитывала уже почти двадцать пять тысяч человек и располагалась сейчас на равнине под стенами Эш-Катариона. Эту армию, однако, невозможно было содержать до бесконечности, не разоряя мирных жителей, которых она, собственно, защищала. В какой-то момент Длани Господней придется превратиться из бунтаря в правителя, распустить армию и восстановить в городе подобие нормальной жизни — но он не посмеет так поступить, пока существует угроза со стороны ворданайского войска.

Хтобе, с другой стороны, ожидание было только на руку. Аскеры, менее многочисленные и более организованные, нежели орда бывших селян, получали довольствие из битком набитых припасами и отменно охраняемых складов. Они к тому же являлись единственным веским преимуществом Хтобы в борьбе за власть, и генерал менее всего желал лишиться этого преимущества. Поражение или даже победа, добытая дорогой ценой, могли так проредить ряды аскеров, что кто-нибудь из политических врагов Хтобы запросто сожрал бы генерала с потрохами.

А Стальной Призрак? Джаффа украдкой глянул на безмолвную фигуру в черном. За все это время Малик дан-Белиал произнес от силы пару слов. Джаффа доставил ему послание, но тот не дал даже подобия ответа.

При таких условиях добиться чего-то было невозможно. Джаффа припомнил наставления, полученные от Матери, и решил, что настала пора выходить из этого тупика.

— Друзья мои, — проговорил он вслух, прерывая обмен язвительными репликами, — могу ли я со всем почтением к присутствующим кое-что предложить?

Три пары глаз тотчас воззрились на него. Влажные, навывкате — Ятчика, кабаньи, налитые кровью — Хтобы. Глаз Стального Призрака, само собой, под маской было не разглядеть.

— Чужеземцы, — продолжал Джаффа, — являют собой угрозу Искуплению. Быть может, даже самую большую угрозу — однако не

единственную. Существуют сторонники принца, которые попрятались в городе или же окопались в предместьях. Плодятся, как саранча, разбойники и грабители.

Хтоба бросил взгляд на Стального Призрака. Десолтаи были самыми опасными и, безусловно, самыми удачливыми разбойниками и грабителями. Пускай сейчас они и действовали в союзе с искупителями — аскеры не питали ни малейшей симпатии к пустынным кочевникам.

— Значит, — сказал генерал, — ты согласен, что нам следует оставаться в городе.

— Не всем, — отозвался Джаффа, прежде чем Ятчик успел что-то возразить. — Однако нам следует также учитывать, как поступит противник. Что, если ворданаи решат остановиться и выжидать до бесконечности?

— Именно! — воскликнул священник.

— Поэтому, — продолжал Джаффа, — я предлагаю оставить аскеров защищать город, а армию Искупления отправить в поход, чтобы стереть врагов с лица земли.

Хтоба и Ятчик разом уставились на него и после долгой паузы одновременно взорвались:

— В жизни не слышал более дурацкого...

— Да как ты смеешь предлагать...

— Главный блюститель прав, — произнес Стальной Призрак хриплым шепотом, который непостижимым образом перекрыл громкую болтовню. Джаффа слегка опешил от этой неожиданной поддержки.

— Вязываться в бой, не имея всех своих сил, — безумие! — заявил Ятчик. — Это понимаю даже я, не знакомый с вашим пресловутым военным искусством.

— Истинно так, — согласился Джаффа, — но, как ты сам сказал, у нас есть численное преимущество. Неужели неверным язычникам дано одержать победу над истинно верующими?

Священник с минуту молчал.

— Дело не в победе или поражении, — наконец сказал он. — Разумеется, мы победим... но скольким сынам истинной веры придется заплатить за это своими жизнями? Если бы содействие генерала Хтобы сократило потери в рядах наших благочестивых...

Хтоба фыркнул:

— И кого же теперь упрекнуть в недостатке отваги?

Он ухмылялся, точно кот, сожравший канарейку, и в этом не было ничего удивительного. Джаффа без труда мог вообразить сюжет, который разыгрывался сейчас в генеральском воображении. С уходом

армии Искупления в руках Хтобы останется единственная серьезная сила в городе. Власть Длани Господней будет ограничена, и генерал рано или поздно доберется до давно вожделенного трона. Ятчик, разумеется, тоже это понимал, но у Джаффы в запасе имелась еще одна козырная карта.

— И притом, — сказал он вслух, — нам известно, что расхемов сопровождает принц — да будет проклято его имя. Уж верно слава, которая настигнет пленившего его, достойна некоторого риска?

Глаза Ятчика загорелись. Всем было известно, что принц Эксоптер бежал из дворца, прихватив большую часть своей казны и повозки, битком набитые ценностями, — все добро, которое его предки накопили за многие века тиранического правления. Не слава влекла священника, но золото. Тот, кто вернет все эти сокровища делу Искупления, будет возвеличен сверх всякой меры. Теперь настала очередь Хтобы пуститься в бессвязные рассуждения.

— Послушайте-ка... — начал генерал.

Джаффа откинулся на спинку кресла и смолк, предоставив событиям идти своим чередом. Он полагал, что Ятчик и Хтоба в конце концов сумеют договориться, но, пока они готовы хоть как-то действовать, это не имеет особого значения. Джаффа всей душой надеялся, что чужеземцы и искупители попросту уничтожат друг друга, но вероятность такого исхода казалась невелика. У хандараев, как сказал Ятчик, имелось численное преимущество. Даже если они потеряют две трети своего войска, жалкая кучка ворданаев сгинет прежде Небесных Клинков.

Главный блюститель заметил, что Стальной Призрак смотрит на него, — по крайней мере, маска была обращена в его сторону, хотя глаза в ее прорезях оставались невидимы. Перехватив взгляд Джаффы, вождь десолтаев едва заметно наклонил голову.

Джаффа кивнул в ответ. Мать все же встретится с тем, с кем хотела.

ФЕОР

Феор сидела, обхватив голову ладонями и закрыв глаза, пытаясь отрешиться от душераздирающих криков. Память неуклонно возвращала ее в тот день, когда пали храмы, когда ее братья, священные сироты, погибли под мечами безжалостных новых священников. Не важно, сколько раз она проживала в уме этот день, ничего не изменится ни для нее, ни для Арана, Мала и всех остальных. И все же

Феор ничего не могла с собой поделаться — раз за разом, снова и снова она возвращалась к этим воспоминаниям.

С ней обращались неплохо. Пара синяков от могучих рук Гедры — сущий пустяк. Феор помнила взгляд Арана, помнила ужас, который вспыхнул в его глазах за долю секунды до того, как дубинка евнуха расколола его череп и разбрызгала по стене ошметки мозга.

Зашуршал полог палатки. Феор не подняла глаз — она и так знала, кто к ней явился. Великан, похоже, ни разу не мылся с того самого ужасного дня, и от него несло вонючим застарелым потом.

— Вставай. Ятчик хочет тебя видеть.

Феор подняла голову, но, по мнению Гедры, по-видимому, недостаточно быстро. Он схватил ее за плечо, рывком вздернул на ноги и, выпрямившись во весь рост, вынудил подняться на цыпочки. Плечо девушки ныло и горело от боли.

— Я сказал — вставай, маленькая шлюха! Грязная потаскушка! Дешевая дырка!

Гедра закипал лютой злобой. Когда-то он, как и Феор, служил в храме, но предал священное доверие и открыл двери храма испуганцам. Даже это не ослабило в евнухе жажду мести, и он срывал злость на Феор, понося ее всеми бранными словами, которые вмещал его ограниченный словарный запас.

Феор закусила губу, сдержав крик, и с усилием выговорила:

— Тебе-то откуда знать, что все это такое?

Евнух взревел, как бык, круто развернулся и вышвырнул ее наружу. Феор ударилась о землю ноющим плечом и перекатилась, задыхаясь от боли. Гедра широкими шагами вышел следом. Феор кое-как поднялась на ноги, прежде чем евнух снова схватил ее.

— Ятчик скажет — и ты подчинишься. — Он ухмыльнулся. — Или не подчинишься. Может, тогда он поймет, что от тебя нет никакого проку. А уж потом...

Феор оправила рясу, презрительно фыркнула и повернула к палатке, которую занимал Ятчик. Гедра поспешил за ней по пятам, но, когда они подошли к походному жилищу священника — неброскому, мрачному, — евнух остановился. Феор нырнула под полог и вошла в палатку одна. Ятчик дан-Рахкса сидел в полутьме на подушке и изучал карту на большом куске кожи, которая была развернута на земляном полу. Он метнул на Феор испытующий взгляд.

— Ты знаешь, что мне от тебя нужно. Изменила ли ты свое решение?

— Ты ничего не понимаешь, — ответила она, наверное, уже в сотый раз. — Даже если в войске расхемов есть абх-наатем...

— Есть, — перебил Ятчик.

Он был прав, хотя Феор и не желала подтверждать это вслух. Вот уже несколько дней она ощущала присутствие чужеземного колдуна — неясной тени, маячившей за краем земли на западе, словно краешек солнца, которое опускается за горизонт. Там таилась сила, непомерное могущество, подобного которому Феор прежде не знала. Могущество, никогда не исходившее даже от Матери или Онви.

— Даже если и есть, — повторила она вслух, — и даже если бы я хотела тебе помочь — я бы не смогла этого сделать.

— Ты — наатем, — упорствовал он. — Твоя магия может защитить нас от его магии.

— Ты говоришь о магии так, словно хоть что-то знаешь о ней, — презрительно отозвалась Феор. — Я повторяла не раз, но ты никак не поймешь. Мой наат не может выполнить твою просьбу.

— Мне некогда понимать. — Ятчик встал, выпрямившись всем своим тощим телом. Макушка его упиралась в брезентовый потолок, и Феор пришлось запрокинуть голову, чтобы видеть его сумрачные глаза. — Завтра правоверные обрушат возмездие на расхемов. Какая бы участь ни ожидала их, ты разделишь ее с ними. На твоем месте я бы хорошенько думал, прежде чем говорить.

— Я знаю, что на моем месте ты бы так и поступил, — ответила Феор, — но это потому, что на самом деле у тебя не было и нет веры.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ВИНТЕР

Разумеется, после всех учений первое задание коснулось того, в чем рота никогда не упражнялась.

В направлении от побережья вглубь суши местность была неравномерно изрезана невысокими грядами, пролежавшими почти под прямым углом к дороге, по которой шел Колониальный полк. Такой рельеф вызывал у полковника Вальниха нешуточное беспокойство, и в этом не было ничего удивительного. Даже Винтер, не будучи знатоком военной стратегии, понимала, что всякое орудие, размещенное в этих грядах, получит весьма внушительную зону обстрела. По этой причине несколько рот по отдельности были отправлены к возвышенности с целью проверить, нет ли там разведчиков или стрелковых засад, и по возможности войти в контакт с противником и уточнить его месторасположение.

Винтер сомневалась, что полковник Вальних — или капитан Д'Ивуар, который, собственно, отдал приказ, — понимал, какие могут быть последствия. Во всяком случае лейтенант Д'Врие отнесся к заданию с величайшей серьезностью. В результате седьмая рота шлепала сейчас через неглубокий ручей, разделявший ближнюю к дороге гряду и соседний холм, с каждым шагом все больше удаляясь от основных сил. Винтер нервничала все сильнее — и в конце концов поняла, что больше не может молчать.

Д'Врие был в седле, что значительно затрудняло доступ к лейтенанту. Винтер похлопала по крупу его коня, крапчатого мышастого красавца, явно изнуренного хандарайской жарой, и попыталась привлечь к себе внимание:

— Сэр!

Когда эта попытка не возымела эффекта, Винтер прибегла к немного постыдному приему — подергала полу лейтенантского

мундира, словно нетерпеливый малыш, пристающий к занятому делом отцу.

— Сэр, можно вам кое-что сказать?

— А? Что? — Д'Врие опустил взгляд. Он был наконец-то в своей стихии — храбро скакал во главе роты, блистая великолепием ярко-синего мундира с золотым шитьем. На боку у него висела шпага в изукрашенных серебряной филигранью ножнах, и даже шпоры на сапогах сверкали, начищенные до нестерпимого блеска. — В чем дело, сержант?

— Мне тут подумалось... — начала Винтер, но Д'Врие перебил:

— Смелей, парень! Не мямли!

Винтер мысленно выругалась.

— Сэр, — сказала она, — мне подумалось, что мы забрались слишком далеко.

— Далеко? — Лейтенант презрительно поглядел на нее сверху вниз. — Мы еще ничего не обнаружили!

— Так точно, сэр, — подтвердила Винтер, — но нам было приказано занять гряды и...

— И войти в контакт с противником! — подхватил Д'Врие.

Винтер едва слышно вздохнула. То же самое он говорил и в начале вылазки.

— Но, сэр, если нас атакуют...

Лейтенант отрывисто хохотнул:

— Тогда моим солдатам придется показать свою выучку!

Винтер растерялась. Она хотела объяснить, что дело вовсе не в выучке, — если они наткнутся на многочисленный отряд врагов, то жалкие сто двадцать человек, как бы ни были они доблестны, вряд ли выстоят в этой схватке... но ведь Д'Врие только рассмеется и обвинит ее в трусости.

— В любом случае, — прибавил лейтенант, — это мое первое задание, и мне было приказано отыскать противника. Я не намерен возвращаться ни с чем!

То, что подобный приказ получил еще добрый десяток рот, прочесывавших окрестности вдоль маршрута колонны, явно не произвело на него никакого впечатления. Винтер молча откозыряла и пошла прочь, чувствуя, как дневной жар припекает затылок и мундир пропитывается потом. Ныла чересчур туго перетянутая грудь; Винтер смогла улучшить лишь пару часов на возню с иголкой и ниткой и не слишком удачно ушила под себя сменные нижние рубашки. Кожа, натертая пропотевшей тканью, нестерпимо зудела.

Большинству солдат приходилось так же несладко, пускай и на свой лад. Несколько дней учений отчасти помогли освоиться в мест-

ных условиях, но для того, чтобы привыкнуть к здешней адской жаре, требовалось гораздо больше времени. Переходя через ручей, люди воспользовались случаем, чтобы напиться, наполнить фляжки и поплескаться водой в разгоряченные лица. Ручей был невелик, вода в нем — мутная и теплая, но все равно приятная

Они подходили к холму вольным строем, не сомкнутой шеренгой, как на строевых учениях. Пользуясь временным ослаблением дисциплины, солдаты смеялись и болтали друг с другом, и так, под беседу и хохот, они пересекли низину и начали подниматься на холм. Вид у них был совершенно беспечный. При каждом взрыве хохота Винтер передергивало, но, похоже, только ее одну.

Она на ходу яростно пнула сухой кустик хлопчатника, и в воздух брызнули сотни летучих семян. Самое главное, что, скорее всего, ее опасения напрасны. До сих пор разведчики видели разве что далеких всадников, которые, едва заметив синий мундир, разворачивались и галопом скакали прочь. Кавалерия Зададим Жару рассыпалась впереди колонны, следя за всеми направлениями, откуда мог появиться враг. Нынешняя разведка была всего лишь обычной предосторожностью. Вот только поди объясни это Д'Врие.

К Винтер подошел Бобби. Паренек был совсем изнурен, пот ручьями тек по его лицу, но он стойко брел вперед, сгибаясь под тяжестью заплечного мешка и мушкета. И даже ухитрялся улыбаться.

— Мы не... мы не... — Бобби запнулся, с трудом переводя дыхание. — Мы не слишком далеко ушли?

Винтер фыркнула:

— Д'Врие считает, что полковник приказал ему лично преследовать всю вражескую армию.

— Бьюсь об заклад, что капитан Д'Ивуар устроит ему недурной разнос.

— Возможно, — пожала плечами Винтер. — Капитан Д'Ивуар крайне занятой человек.

— Как думаете, он объявит привал, когда мы поднимемся на следующий холм?

— Боже всемогущий, надеюсь, что да. — Винтер окинула взглядом солдат, которые, обливаясь потом, карабкались вверх по склону холма. — Иначе нам даже не понадобится встречаться с искупителями. Солнце прикончит нас раньше.

Бобби устало кивнул. Дальше они шли молча, осторожно обходя каменистые осыпи, пучки жесткой травы и редкие кусты закаленных жарой кустарников. Этот холм был выше первого, который протянулся вдоль дороги, и Винтер предполагала, что с его гребня

открывается хороший обзор. Она всей душой надеялась, что Д'Врие, оглядев с высоты окрестности, на том и успокоится.

Справа от нее кто-то пронзительно вскрикнул, а затем последовал взрыв хохота.

— Сержант! Купера что-то укусило!

И снова хохот. Винтер оставила Бобби и почти бегом направилась к кучке солдат, отчетливо сознавая, что любой укус в Хандаре — отнюдь не повод для смеха. Еще в столице она свела знакомство с одним местным охотником, который утверждал, что в Малом Десоле обитает сто семь видов змей и по меньшей мере десятков разновидностей скорпионов. Все эти твари были по-своему опасны.

При осмотре тем не менее оказалось, что Купер наступил на какой-то колючий куст и зазубренные шипы растения, зацепившись за штанину, оставили на ноге несколько ярко-красных царапин. Винтер помогла бедолаге выпутаться из цепкой хватки шипов — к вящему веселью его сотоварищей.

Едва она выпрямилась, крики раздались уже сверху, с гребня холма. Винтер вначале решила, что еще кто-то из солдат свел чересчур близкое знакомство с местной природой, однако шум был такой, словно не один человек, а вся рота наткнулась на гнездо ядовитых змей. Затем этот галдеж перекрыл пронзительный вопль лейтенанта:

— Назад! Все назад!

Вслед за криком на самом гребне холма появился Д'Врие. Его перепуганный конь уже мчался с безумной скоростью, мышастые бока покрылись кровью под неистовыми ударами шпор. Несколько солдат поспешали за лейтенантом, во весь дух несясь вниз по каменистому склону.

Винтер выругалась так, что, услышь ее миссис Уилмор, почтенную даму на месте хватил бы апоплексический удар. Принудив усталые ноги шевелиться живее, она бегом одолела последний десяток ярдов до гребня и обнаружила, что там почти в полном составе собралась вся седьмая рота. Длинный неровный строй превратился в тесную толпу, поскольку солдаты бессознательно жались друг к другу.

С вершины высокого холма и впрямь открывался превосходный обзор. Если оглянуться, можно было даже рассмотреть море, хотя прибрежную дорогу и колонну ворданаев, оставшуюся на ней, целиком закрывал первый, более низкий холм. Впереди, к югу, насколько хватало глаз, тянулась изборожденная неровностями равнина, незаметно переходившая в песчаные пустоши Малого Десола.

Впрочем, то, что привлекло внимание солдат, располагалось гораздо ближе. На востоке прибрежная дорога, огибая неведомое препятствие, поворачивала вглубь суши, и именно там собралось громадное войско. Зрелище это напоминало не столько регулярную армию, сколько огромный бивак со множеством палаток и самодельных знамен, где на черном фоне пылало ярко-алое пламя искупителей. Сотни, тысячи людей кишели повсюду, из-за далекого расстояния больше похожие на крохотных муравьев, и можно было безошибочно разглядеть, как то там, то сям сверкает солнце на начищенных до блеска клинках.

К западу и к югу от этого гигантского бивака колыхалось кажущееся бесконечным море всадников. Они ехали небольшими отрядами по двадцать–тридцать человек, а другие отряды, похоже тоже бесчисленные, заполняли долину у подножия холма. Все эти люди выглядели сущими оборванцами, ни на одном не было мундира, а их тощие клячи в прежней жизни явно знали только плуг да груженную доверху повозку — но, едва разглядев на горизонте синие ворданайские мундиры, всадники разом заорали и выхватили сабли. Священники в черных рясах подзуживали их, вопя громче всех, и жестаами подгоняли неказистую кавалерию вперед.

Лейтенант до сих пор кричал, но из-за пронзительных воплей искупителей его почти не было слышно.

— Назад! Все назад! Возвращайтесь к колонне!

Первые отряды всадников будут у холма через несколько минут. Подъем по склону замедлит их продвижение, но ненамного. Винтер снова выругалась. Она бросилась к толпившимся на холме солдатам, но, добежав, обнаружила, что толпа почти рассеялась. Люди, ненадолго оцепеневшие при виде противника, быстро опомнились и один за другим приняли то же решение, что и Д'Врие. Когда Винтер забралась на вершину холма, там осталось лишь около двадцати человек, среди них Бобби и два других капрала.

Винтер схватила Бобби за плечо. Паренек уставился на нее круглыми глазами.

— Ч... ч... что нам?..

— Спускайтесь с холма, — сказала Винтер, — но только до ручья. Остановитесь у ручья, понятно? Соберите всех, кого сможете, и держите там.

— Нам надо вернуться к колонне, — пролепетал Бобби. — Нас же убьют... ох, святые угодники...

— До колонны нам не добраться, — отрезала Винтер. — Слишком далеко. Если мы побежим, нас догонят и изрубят. Мы должны принять бой!

В поисках поддержки она глянула на двух других капралов. Графф заметно колебался, но Фолсом сдержанно кивнул и рысцой побежал вниз по склону, на бегу вопя во все горло:

— К ручью! Всем остановиться у ручья!

— Помоги мне, — бросила Винтер Граффу и принялась одного за другим хватать оставшихся солдат за плечи и стаскивать их с вершины холма. Люди, замороженные видом неумолимо скачущей к ним смерти, поначалу сопротивлялись. Винтер грубо дергала, разворачивала их, орала в лицо, чтоб бежали к ручью и там строились, толкала так, что они едва ли не кубарем катились по склону. То же самое проделывал Графф. К тому времени, когда на вершине холма остались только они вдвоем, с другой стороны по склону вверх уже поднимались первые всадники искупителей.

Винтер стремительно развернулась, услышав дикий нечеловеческий крик. Д'Врие, невзирая на каменистый, изрезанный трещинами склон, попытался гнать коня еще быстрее, и мышастый оступился. Несчастное животное рухнуло и покатилось, пронзительно заржав от ужаса, а лейтенант вылетел из седла. Их падение прервалось почти у самого подножия холма. Конь попробовал встать, но тут же рухнул вновь, не в силах опираться на переднюю ногу. Д'Врие, чудом оставшийся невредим, лишь разок глянул на скакуна — и продолжил бегство на своих двоих. Топая по воде начищенными кожаными сапогами, он пересек мутный ручей и начал подниматься вверх по склону соседнего холма.

Крики Фолсома отчасти возымели действие. Длинноногий капрал достиг подножия холма гораздо раньше, чем большинство солдат, и, размахивая мушкетом, созывал их на построение. Часть солдат собралась вокруг него, хотя это даже отдаленно не напоминало строй, а те, кто еще спускался по склону, направлялись напрямиком к толпе, которая сгрудилась в ложе ручья и росла на глазах. Другие — по большей части те, кто уже пересек ручей, — неслись дальше, вслед за лейтенантом.

— За мной! — бросила Винтер Граффу и побежала. Повернуться спиной к всадникам было трудно, еще трудней — не остузиться на первых же десяти шагах. Недобро зудела спина, каждую секунду ожидая мушкетную пулю либо удар сабли. Когда земля под ногами выровнялась, Винтер рискнула на бегу повернуть голову и обнаружила, что вопреки ожиданиям проявила недурную прыть. Первые искупители только-только взбирались на гребень холма, улюлюкая и вопя при виде того, как бегут сломя голову ворданайские солдаты. Спуститься со склона галопом всадники не могли, поскольку неминуемо разделили бы судьбу Д'Врие.

Винтер разглядела Фолсома в толпе перепуганных насмерть солдат — кое-кто из них, судя по виду, уже был готов снова пуститься наутек. Не замедляя бега, Винтер приложила ладони ко рту и прокричала:

— Каре! Построй их в каре!

Как угорелая она промчалась последние несколько ярдов. Графф неся следом, ритмично топая здоровенными ножищами. Фолсом уже принялся за дело, тычками загоня ничего не понимающих солдат в шеренгу. Он сумел превратить бесформенную толпу в некое подобие овала, пустого посередине, но оставшегося незамкнутым с тыла, где люди разбрелись по ложу ручья. Винтер резко затормозила, отчаянно хватая ртом воздух.

— При... при... — Она закашлялась, силой воли приструнила непослушные легкие и наконец выговорила: — Примкнуть штыки. В две шеренги. Не стрелять, пока они не подойдут ближе. Графф!

Жилистый капрал уже стоял рядом, упершись ладонями в колени.

— Слушаю, сэр! — отозвался он, хрипло кашляя.

— Расставь их по местам. Огонь не открывать. Понял?

Винтер глянула на Граффа, и тот кивнул. Она побежала вдоль внешнего края овала к тому месту, где строй рассыпался в беспорядочную толчею. На краю этого безобразия стоял Бобби и все кричал вослед солдатам, по примеру лейтенанта форсировавшим склон соседнего холма. Винтер схватила паренька за руку.

— Послушай, Бобби! Послушай! — Она указала рукой на вражеских всадников, которые преодолевали каменистый спуск и в считанные минуты должны были оказаться здесь. — Нам нужен еще один строй, с тыла. Иначе нас просто обойдут и ударят сзади, понимаешь? — Винтер осознала, что солдаты, теснившиеся поблизости, прислушиваются к ее словам, и повысила голос: — Стройся! В двойную шеренгу! Мы будем прикрывать их, — она показала на авангард каре, уже превратившийся в четкий строй, — а они прикроют нас! Стройся, живо!

Бобби подхватил ее команду — пискляво, почти по-девчоночьи от едва сдерживаемого страха. Солдаты, толкаясь, начали строиться, а Фолсом с внутренней стороны каре принялся хватать их за плечи и тычками загонять на места. Когда построение завершилось, новобранцы, казалось, совладали со страхом. Стоять спиной к приближающимся всадникам было для арьергарда подлинным мучением, но в конце концов люди, одергиваемые Винтер, перестали глазеть назад и всецело сосредоточились на своем оружии. Расчехлили штыки,

и каждый солдат насадил трехгранное лезвие на шип под стволом мушкета. Фолсом изнутри каре орал во всю силу легких:

— Не стрелять, пока я не прикажу! Кто выстрелит без моего приказа, башку разобью!

Непривычно было видеть здоровяка-капрала таким словоохотливым — как будто смертельная опасность наконец развязала ему язык. Правым флангом каре занимался Графф, и Винтер направилась к левому, но обнаружила, что ее вмешательство там практически не требуется. Люди преодолели некий критический порог, и седьмая рота из беспорядочно бегущей толпы снова стала организованным военным подразделением.

Сквозь улюлюканье и вопли прорвался вдруг отчетливый хлопок выстрела, и Винтер увидела, как над вершиной холма поднимается тонкий дымок. Всадник, сделавший выстрел, опустил винтовку с укороченным стволом и выхватил саблю. Последовали другие выстрелы. После каждого хлопка и вспышки каре ворданаев колыхалось — каждый из стоявших в строю норовил на свой лад уклониться от пули.

— Не стрелять! — оглушительно гаркнул Фолсом. — Клянусь Карисом Спасителем, кто выстрелит — пожалеет, что на свет родился!

Строй всадников напротив каре замедлил спуск, но те, что ехали позади, на флангах, с дикими криками ринулись вперед. Спустившись с каменистого склона, они пришпорили коней и въехали на соседний, более низкий холм. Д'Врие и солдаты, россыпью бежавшие за ним, успели уже подняться до середины склона, но всадники с легкостью их нагнали. Некоторые беглецы развернулись к преследователям, и раздались нестройные хлопки выстрелов, сопровождавшиеся струйками дыма. Винтер увидела, как упали две или три лошади... а потом всадники обрушились на стрелявших и, пронзительно вопя, заработали саблями и копьями. Винтер в последний раз увидела Д'Врие — вернее, увидела, как вспыхнуло на солнце серебряно-золотое шитье, когда вокруг лейтенанта сомкнулись четверо всадников.

Всех прочих солдат зарубили на бегу либо насадили на копья. Кто-то пытался сопротивляться, отбивая сабли стволами мушкетов, но лязг стали о сталь всякий раз привлекал внимание другого всадника, и тот убивал несчастного ударом в спину.

Наверху, на гребне высокого холма, разворачивались силы испуганных. Всадники не замедлили окружить каре ворданаев справа и слева, предусмотрительно держась за пределами досягаемости мушкетов, но двинуться в открытый бой пока не решались. То и дело

раздавался треск одиночных выстрелов — из винтовок или даже пистолетов, — однако на таком расстоянии у стрелявших практически не было шансов попасть даже в плотно сомкнутые ряды ворданайского строя. Винтер различала, как священник в черном балахоне что-то вопил, срывая голос, и разрозненные группки всадников собирались в более крупные отряды. Часть их, не задерживаясь, двигалась дальше, переваливая через низкий холм, за которым находилась основная колонна ворданаев.

Другой внушительный отряд противника стягивался перед арьергардом каре, а группы поменьше кружили слева и справа, точно падальщики, которые выжидают, когда будущая жертва проявит хоть малейшую слабость. Винтер запоздало сообразила, что находится вне защитного барьера штыков. Она торопливо огляделась, убедилась, что, кроме нее, снаружи никого не осталось, и боком протиснулась между двух мушкетных стволов, торчавших, точно копыя. Солдаты в шеренге раздвинулись, чтобы пропустить ее, — и тут же плотной завесой сомкнулись у нее за спиной.

Капрал Фолсом стоял посреди крохотного пятачка. Каждая сторона каре состояла из десяти человек, так что свободное пространство внутри него было около двадцати пяти футов в поперечнике, да еще рассечено ложем ручья и склизкой, но уже утрамбованной ногами грязью. Капрал козырнул — с таким видом, словно не происходило ничего необычного.

— Где Бобби и Графф? — спросила Винтер. Фолсом указал на капралов, стоявших бок о бок в арьергардной шеренге, и Винтер выдернула их из строя. Бобби был мертвенно-бледен от страха, костяшки его пальцев, судорожно стиснувших мушкет, побелели. Бородатое, заросшее сединой лицо Граффа не так явственно выдавало его чувства, но Винтер показалось, что и он слегка побледнел. Она приложила все силы, чтобы сохранить невозмутимый вид.

— Что ж, хорошо, — сказала Винтер. — Каждый из нас возьмет на себя одну сторону каре. Не открывать огонь, пока они не приблизятся на двадцать пять ярдов. Стреляет только первая шеренга. Вторая шеренга выжидает, пока не придет время стрелять в упор. Все ясно?

Она перехватила взгляд Бобби. Графф был ветераном, да и Фолсом, похоже, знал, что к чему, но вот паренек явно растерялся.

— Старший капрал Форестер! Все ясно?

— Так точно, сэр! — машинально отозвался Бобби. Затем моргнул, и на его помертвевшем лице появились некоторые признаки жизни. — Не открывать огонь, пока они не приблизятся на двадцать пять...

— Верно. И делай что хочешь, но не допускай, чтобы парни отступили хоть на шаг. Ни одна лошадь в здравом уме не позволит бросить себя на штыки, но если они дрогнут...

Священник на гребне холма не дал ей договорить. Он пропел однуединственную высокую ноту, протяжную, точно вой, умопомрачительно резкую и чистую. Звук этот мог бы показаться почти прекрасным, если б Винтер сразу не распознала его: тот же клич издавали испуганные в столице, перед тем как поджечь костры еретиков. Всадники откликнулись многоголосым ревом, и в тот же миг оглушительно загрохотали копыта — вражеское войско ринулось вперед. Винтер даже отдаленно не могла представить его численность — несколько сотен, а то и больше...

— По местам! — скомандовала она капралам и бросилась бегом к южной стороне каре, напротив которой священник в черном собрал самые значительные силы. Надсаживая горло, Винтер сипло прокричала: — Не стрелять! Первая шеренга, на колено — и полная готовность вести огонь по моему приказу! Вторая шеренга — не стрелять! Не стрелять!

Всадники ехали вначале медленно, с осторожностью пробираясь вниз по крутому каменистому склону, но едва тот сделался более пологим, прибавили ходу. Расстояние между ними и ворданами стремительно сокращалось. Семьдесят ярдов, шестьдесят, пятьдесят...

— Не стрелять, мать вашу! — завопила Винтер и услышала, как все три капрала подхватили ее крик. Голос Бобби срывался на дрожащий визг, зато гулкий бас Фолсома заглушил грохотанье копыт.

Из несущейся в атаку орды прозвучали выстрелы. На сей раз стреляли только из винтовок, да и дистанция уменьшилась. Почти все пули пролетели мимо, но прямо перед Винтер один солдат глухо замычал, словно от удивления, и осел на землю. Позади нее раздался пронзительный вскрик.

Тридцать ярдов. Всадникам пришлось сомкнуться, чтобы выровнять линию наступления с недлинной шеренгой каре, и теперь они скакали бок о бок, в пять рядов. На скаку они размахивали копьями и саблями, серокожие лица исказила ярость. На груди у каждого краснел огненный знак Искупления. Двадцать пять ярдов.

— Первая шеренга, пли! — пронзительно выкрикнула Винтер, и почти сразу капралы повторили этот приказ.

На миг все четыре стороны каре очертило пламя, изжелта-розовые всполохи, исторгнутые дулами мушкетов; и вдогонку за пламенем за клубился пороховой дым. Противник сбился так тесно, что промахнуться оказалось почти невозможно, и все пули, выпущенные

первой шеренгой, попадали либо в коней, либо во всадников. Люди вылетали из седел, точно от оплеухи невидимого великана; лошади жалобно ржали и валились наземь, вдавливая в каменистую почву своих наездников. Всякий упавший конь увлекал с собой еще двоих-троих, и так на поле боя образовалась гряда неистово бьющихся животных и дико вопящих людей. Те, кто скакал сзади, поворачивали в стороны, чтобы избежать столкновения, а самые отчаянные пришпоривали коней, норовя перепрыгнуть препятствие. Ряды врага поредели, строй нарушился, но орда тем не менее приближалась.

— Вторая шеренга — по моей команде! — выкрикнула Винтер, не зная даже, слышит ли ее за всем этим гамом кто-то, кроме стоящих рядом солдат. — Первая шеренга — на месте!

Она услышала зычный бас Фолсома и краем уха уловила писклявый голос Бобби, распекавшего своих подчиненных словами, которых мальчугану его возраста и знать-то не полагается. Всадники были уже так близко, что, казалось, весь мир за пределами синего квадрата заполнили кони и орущие во все горло люди.

Солдаты в передней шеренге ворданаев уже опустили на одно колено, чтобы освободить для второй шеренги сектор обстрела, и уперлись прикладами мушкетов в землю. Штыки их образовали сплошную линию стальных лезвий, направленных на приближавшегося противника, и если у людей хватило бы глупости попытаться на полном скаку штурмовать эту преграду, то лошади были гораздо умнее. Они пятились, бросались из стороны в сторону, чтобы не наткнуться невзначай на штыки, однако лишь сталкивались с теми, кто точно так же метался рядом. Иные всадники обуздали коней и сумели остановить, удержать их у самой линии штыков, но и им приходилось быть начеку, чтобы не столкнуться с теми, кто непрерывно напирал сзади.

За считанные секунды орда воинственно вопящих всадников превратилась в беспорядочную толпу ожесточенно толкавшихся людей и пятавшихся в испуге коней. Те, что оказались вплотную к каре, молотили копытами и саблями по остриям штыков, безуспешно пытаясь их раздвинуть. Где-то щелкнул пистолетный выстрел, и один из солдат в шеренге Винтер повалился навзничь, зажимая руками кровавое месиво, в которое превратилось его лицо. В шуме, реве и суматохе никто не расслышал его крик.

— Вторая шеренга, пли!

Винтер так и не поняла, услышали ее солдаты или же просто больше не могли ждать. Грохот сорока мушкетных выстрелов ударил по ушам, точно дубиной, и все вокруг заволоч едкий пороховой

дым. Последствия этого залпа для всадников оказались ужасающими. На таком близком расстоянии мушкетная пуля пробивает плоть и кости, как мокрую бумагу, и на вылете у нее хватает еще мощи убить другую жертву. Вдоль всего строя падали и бились в предсмертных судорогах кони, кричали во все горло люди, осыпая друг друга бранью. Еще несколько выстрелов прозвучало вдогонку — то ли кто-то из солдат промешкал, то ли спохватились враги.

— Первая шеренга — на месте! Вторая шеренга — заряжай!

Если бы искипители были в состоянии поднажать, они, по всей вероятности, прорвали бы строй каре. Пока во второй шеренге отомкнули штыки и торопливо, заученными движениями забивали в стволы порох и пули, первая шеренга — тонкая линия стальных лезвий — ненадолго оказалась в одиночестве. Однако недавний залп изрядно проредил атакующую орду, а те, кто уцелел, едва справлялись с обезумевшими от страха лошадьми, не говоря уж о том, чтобы погнать их вперед прямо по еще трепещущим телам погибших. На флангах уже появились первые дезертиры, без лишнего шума, бочком отступавшие прочь.

Полминуты. «Слишком медленно», — мелькнуло в голове Винтер. И вторая шеренга снова вскинула на изготовку мушкеты. Всадников, стремящихся покинуть поле боя, заметно прибавилось.

— Вторая шеренга — пли!

Грянул второй залп, не настолько слаженный, как первый, но почти такой же действенный. В один миг всадники обратились в бегство, покидая поле боя с той же безрассудной прытью, с которой совсем недавно неслись в атаку. Хриплый многоголосый крик вырвался у ворганаев при виде того, как противники бросились врассыпную. Голос Винтер рассек этот шум, точно острый нож:

— Первая шеренга — заряжай! Вторая шеренга — на месте!

Сквозь изодранные клочья дыма Винтер различала, что священник в черном все так же стоит на гребне холма, окруженный внушительным отрядом. Первая волна нападавших стремительно рассеивалась во всех направлениях, но некоторые всадники, оказавшись на безопасном расстоянии, тут же разворачивали коней. Другие все еще бежали, не обращая внимания на оклики сотоварищей. За пределами каре, над полем боя разносились душераздирающие крики и стоны изувеченных людей и животных.

Когда первая шеренга зарядила мушкеты и вновь оцетинилась рядом острых штыков, Винтер приказала второй шеренге заряжать и, пользуясь передышкой, оглянулась назад. Все стороны каре пребывали в целостности и сохранности — хотя в этом она и так не сомневалась,

потому что в противном случае ее давно зарубил бы прорвавшийся с тыла всадник, — и видно было, как три капрала добросовестно повторяют ее приказ своим шеренгам. Кто-то, получив пулю, грузно осел наземь, и товарищи сомкнули строй над его телом; кто-то, отделавшийся ранением, выбрел либо выполз на середину пяточка внутри каре. Винтер увидела, как один из солдат с почти неосознанным спокойствием отрывал лоскутья от измазанной копотью рубахи, чтобы перевязать кровавые ошметки левой кисти.

Клич священника искупителей — все тот же высокий, неуместно чистый звук — снова привлек внимание Винтер к гребню холма. Едва всадники, уцелевшие после первой атаки, в беспорядке отступили со склона, пастырь в черном послал коня вниз, и за ним последовали окружавшие его воины. Они отчаянно подгоняли коней ударами пяток, и хотя то один, то другой всадник оступался и кубарем катился по камням, прочие неуклонно приближались.

— Не стрелять! — выкрикнула Винтер. — Те же действия — не стрелять, пока не подъедут ближе...

Когда расстояние сократилось до двадцати пяти ярдов, первая шеренга взорвалась хлопками и вспышками выстрелов, и по всей линии наступавших повалились сраженные пулями люди. На сей раз, однако, их было меньше, и двигались они не так скученно, а потому пострадали гораздо меньше предшественников. Уцелевшие, в том числе и священник, пустили коней галопом, преодолевая усеянную трупами полосу земли.

Винтер, как зачарованная, не сводила глаз со священника. Он был безоружен и скакал, почти стоя в стремях, крепко стискивая поводья обеими руками. Его чистый высокий клич превратился в пронзительный визг, лицо исказила исступленная ненависть. То ли фанатический пыл, то ли мастерство наездника привели к тому, что он намного опередил всех своих спутников.

— Вторая шеренга... — прокричала Винтер, — пли!

С полдесятка мушкетов уже взяли на прицел всадника в черном, и сейчас все они грянули одновременно. Священник уже почти доскакал до ворданайского строя и послал коня в заключительный прыжок, чтобы преодолеть баррикаду из мертвых и умирающих лошадей, которая громоздилась перед самым каре. Он взлетел в прыжке — и точно взорвался, лоскуты черного одеяния взметнулись во все стороны, омытые обильно брызнувшей кровью. Одна из пуль угодила в коня. Передние ноги животного подломились, и оно рухнуло перед самым каре, но перед тем конь набрал такую скорость, что остановить его с ходу не сумела даже смерть. Обмякшее тело

в корчах покатилося по земле и с разгона ударилося о стену ворданайских штыков.

Мертвому животному удалось сделать то, чего не смогли живые люди. Туша коня продавила своим весом строй, растолкала штыки, кое-где нанизавшись на трехгранные острия. Еще трое всадников, избегнув мушкетного залпа и преодолев все препятствия, скакали почти по пятам за священником — и теперь ринулись в образовавшуюся брешь.

Один солдат, сбитый с ног конской тушей, увидел прямо над собой другого всадника. Он вскинул штык острием вверх и перекатился в сторону, а лошадь рухнула, обливаясь кровью. Всадник слева обнаружил, что другой солдат наставил на него штык, подался вперед и, взмахнув саблей, отсек противнику кисть. Из обрубка хлынула кровь, и ворданай с криком откатился назад.

Третий всадник, занеся копьё, ринулся прямо на Винтер.

Повинуясь инстинкту, она отпрянула с дороги скачущего коня, и это спасло ей жизнь. Всадник осадил коня рядом с ней, ударил копьём, но девушка успела увернуться. Он описал круг, отбил выпад чьего-то штыка и вновь атаковал Винтер. На сей раз она вынуждена была откатиться и наткнулась на труп юноши в синем мундире, и после смерти сжимавшего в обеих руках мушкет. Винтер выдернула у мертвеца оружие, неуклюже вскинула его, целясь во всадника, и принялась возиться с курком. Затвор со щелчком открылся, и порция пороха с затравочной полки струйкой брызнула в лицо Винтер.

Она сплюнула, чувствуя во рту соленый привкус пороха, поморгала, чтобы избавиться от попавших в глаза крупинок, — и увидела занесенное над собой копьё. Оставив попытки выстрелить, Винтер отбила выпад дулом мушкета и сама нанесла удар штыком, острием угодив в руку искупителя. Он взвыл, выронил копьё и развернулся прочь. Сразу же другой всадник, спешенный, с пронзительным воплем бросился на Винтер. Она кое-как отползла, выставив штык перед собой, как копьё, но противник ударил по дулу мушкета обувью в сапог ногой и выбил оружие из рук девушки.

Рядом с Винтер промелькнул смутный силуэт в синем. Бобби, выставив перед собой штык, со всей силы нанес удар, точно средневековый копейщик. Трехгранное лезвие штыка вошло в грудь хандарая и погрузилось в нее по самое дуло. Всадник зашатался и рухнул, в падении выдернув из рук паренька мушкет. Бобби почти упал на колени рядом с трупом, но мимо него и Винтер уже пробежали, толкаясь, с полдесятка солдат. Смутно, словно сквозь туман, Винтер увидела,

как они прикончили раненого всадника, точно приготовленного на убой борова, а затем поспешили встать в строй, заполнив пробитую мертвым конем брешь. Уцелевшие соратники покойного пастыря уже отступали. Вслед обратившимся в бегство хандараям грянул еще один залп, но слух Винтер, измученный шумом битвы, едва уловил этот грохот. Она перекатилась и на четвереньках подползла к Бобби, который так и сидел, неподвижно уставясь в ту сторону, откуда явились хандарай.

— Бобби! — окликнула Винтер, и собственный голос, чудившийся далеким, отозвался у нее в ушах. — Капрал! Что с тобой?

Бобби непонимающе воззрился на нее, словно она вдруг заговорила на чужом языке, затем моргнул и как будто немного пришел в себя.

— Ничего, — ответил он. — Все в порядке.

Винтер, шатаясь, поднялась на ноги. Строй сохранился, солдаты в первой шеренге каре, припав на колени, с непреклонными лицами выставили перед собой штыки, вторая шеренга деловито заряжала мушкеты, готовясь к новому залпу. Кроме этого, Винтер больше ничего не могла разглядеть. Над ротой клубился дым, густой, как пелена тумана, и даже солнце не столько различалось, сколько угадывалось высоко над головой.

Винтер услышала сухой треск, за ним еще один — выстрелы, судя по звуку, изрядно отдаленные. Скоро даже топот копыт по сухой расстрескавшейся земле замер, развеялся, словно затихший дождь. Легкий ветерок подул из долины, понемногу разгоняя дым, и местами стали проступать клочки голубого неба.

Вторая шеренга закончила зарядание и вскинула мушкеты. Винтер видела, что Графф и Фолсом смотрят на нее, ожидая приказа. Бобби все так же неподвижно сидел на земле.

— Первая шеренга, заряжай! — сиплым каркающим голосом приказала Винтер. И огляделась по сторонам, остро сожалея, что ничего не в силах различить. Быть может, за этой пеленой дыма затаились искупители, перестраиваясь для новой атаки...

Она ошиблась. К тому времени, когда вся рота перезарядила мушкеты и была готова открыть огонь, густой дым распался в клочья, растаял и вся долина предстала как на ладони. Повсюду, насколько хватало глаз, не виднелось ни одной живой души. Кавалерия искупителей давно ускакала вперед — гигантская конная орда попросту обошла с флангов крохотное каре и поспешила навстречу основным силам ворданаев. Поблизости вся земля была усеяна искалеченными, жалобно ржущими конями, ранеными, трупами людей и животных.

На склоне северного холма кое-где виднелись синие пятна — там, где всадники искипителей нагоняли и рубили на бегу ворданайских солдат. Кто-то из беглецов еще слабо шевелился, но большинство было неподвижно.

Винтер смотрела на все это, не в силах оторваться, не в силах поверить собственным глазам. Кто-то подошел и остановился рядом с ней, и она, подняв взгляд, увидела Граффа. Его бородатое лицо исказилось в жутковатом подобии усмешки.

— Ну, похоже, все кончилось. — Он почесал нос сбоку. — И что же нам, черт возьми, теперь делать?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

МАРКУС

Колониальный полк перестроился из походной колонны в каре со значительно бóльшим мастерством, чем несколько дней назад, хотя, на взгляд Маркуса, все же чересчур медленно. С высоты строй, по всей вероятности, походил на цепочку из четырех ромбов, которые протянулись вдоль дороги, расположившись углами друг к другу, чтобы все стороны каре могли вести огонь, не опасаясь задеть соседей. Каре третьего и четвертого батальонов, находившиеся в хвосте колонны, построились вокруг артиллерии и беззащитного обоза, а кавалеристы Зададим Жару съезжались неподалеку от них.

Сам коротышка-капитан подъехал туда, где рядом с каре первого батальона разместились Маркус, Янус, Фиц и знаменный взвод полка. Капитан осадил коня и четко отдал честь полковнику. Глаза его сияли.

— Разрешите атаковать врага, сэръ! — выпалил он, горделиво выпятив грудь колесом. — Я расчищу этот холм в мгновение ока!

Янус учтиво приподнял бровь:

— Вам не кажется, что противник обладает численным преимуществом?

— Один синий мундир стоит дюжины трусливых козлюбков! — отчеканил капитан.

Маркуса при этих словах передернуло, но Янус бровью не повел.

— Несомненно. Однако же, если можно хоть сколько-нибудь полагаться на донесения разведчиков, силы противника превышают наши в соотношении тридцать к одному. Возможно, и больше.

— Но мы же застанем их врасплох!

Полковник сокрушенно покачал головой — словно был бы безмерно счастлив разрешить эту вылазку, но не мог.

— Боюсь, капитан, кавалерии предстоит сыграть в нынешнем сражении слишком важную роль, чтобы я решился рисковать ею в самом начале боя. Держите своих людей под рукой. Вашей части надлежит укрыться внутри каре второго батальона. Вы меня поняли?

— Но... — Зададим Жару перехватил взгляд Януса и, к немалому удивлению Маркуса, притих. — Слушаюсь, сэр. Как скажете.

Он пришпорил коня и поскакал к своим людям, ожидавшим командира неподалеку от головы колонны.

Маркус наклонился к полковнику.

— Сэр, — сказал он, — я должен извиниться за капитана Стоукса. Он хороший кавалерист, просто немного горяч.

— Горячность тоже имеет свои плюсы, капитан, — пожал плечами Янус. — Всякому человеку найдется своя роль — независимо от его таланта и темперамента. Капитан Стоукс еще дождет своего выхода на сцену.

С этими словами он бросил взгляд на вершину холма.

— Не понимаю, отчего они мешкают. Еще немного — и мне придется приказывать артиллеристам немного их поторопить.

Вершина холма потемнела от множества всадников, клубившихся вокруг десятка пастырей в черном, которые выбрали именно эту минуту, чтобы затянуть свой высокий сладкозвучный напев. Каждый пастырь издавал ноты, чуть заметно отличавшиеся от остальных, и оттого переливчатый непрерывный звук, доносившийся с холма, обладал жутковатой, нечеловеческой красотой. Маркус обнаружил, что бессознательно стискивает зубы, однако, глянув на Януса, увидел, что полковник сидит в седле, закрыв глаза, и отрешенно внимает безупречной мелодии. Глаза его открылись, лишь когда в ответ прозвучал воинственный рев, исходивший, казалось, из многих тысяч глоток.

— Хандарайские священники всегда так поют перед битвой? — спросил Янус.

Маркус пожал плечами.

— Не думаю, сэр. Насколько мне известно, так поступают только искупители.

— Хм, вот как? — Лицо полковника стало задумчивым. — Жаль.

— Сэр, может быть, нам стоит уйти в укрытие?

Янус несколько секунд рассматривал свою руку, затем вытащил из-под ногтя застрявшую песчинку и поглядел на вражеских всадников, лавиной хлынувших с холма.

— Что ж, хорошо. Давайте подыщем безопасный наблюдательный пункт.

Пространство внутри каре первого батальона представляло собой квадрат голой утоптанной почвы со стороны около семидесяти ярдов. Позади тройных шеренг, которые составляли каре, стояли лейтенанты — по одному на каждую роту, шныряли туда-сюда сержанты. Повсюду, куда ни глянь, солдаты заряжали мушкеты и примыкали штыки.

Янус уже достал подзорную трубу, чудовищно дорогую с виду вещь из латуни и белого дерева. С высоты седла он мог без помех обозревать окрестности поверх солдатских голов и сейчас с сожалением покачал головой:

— Толпа, самая заурядная толпа.

Маркус наблюдал за тем, как вражеские всадники с оглушительным топотом спускаются с вершины холма. Без подзорной трубы он мог разглядеть разве что клубы пыли, поднятой копытами коней. Священники остались стоять наверху и только размахивали руками, побуждая свою армию к наступлению. Маркус сумел рассмотреть нескольких «солдат» этой «армии» — оборванцев с кустарным оружием, скакавших верхом на тощих клячах.

— Большая толпа, — проговорил он. — Судя по донесениям разведки — от трех до четырех тысяч.

— Четыре тысячи или сорок — значения не имеет, — отозвался Янус. — Атака, подобная этой, никогда не сомнет прочное каре. — Он улыбнулся Маркусу, но серые выпуклые глаза остались непроницаемы. — Если, конечно же, наши люди готовы ей противостоять.

— Готовы, сэр. — Маркус придал своему голосу уверенность, которой в глубине души отнюдь не испытывал.

— Что ж, скоро увидим.

Маркус наблюдал за приближением всадников с нетерпением. Делать ему сейчас было попросту нечего. Приказ заряжать и открывать огонь будут отдавать лейтенанты, и они знают свое дело — а если и не знают, то учить их сейчас уже слишком поздно. Сияющая линия штыков едва заметно колыхнулась — солдаты в боковых сторонах каре совершили разворот на месте, лицом к наступающему врагу. Странная отрешенность охватила Маркуса при виде того, как гигантская туча пыли несется к ним, подобно песчаной буре.

— Целься!

Крик, вырвавшийся из десятка глоток разом, привел Маркуса в чувство. Всадники были уже в шестидесяти ярдах, неслись галопом, и воздух звенел от их пронзительных воплей. Пятьдесят ярдов, сорок...

Маркус так и не расслышал выкрика «Пли!» — только сухой треск одинокого выстрела, за которым последовал оглушительный

рев, тотчас охвативший весь строй, как сухой трут с первой искры охватывает пламя. Две стороны каре полыхнули огнем и окутались едким дымом. Маркус видел, как упали несколько лошадей, однако основные последствия оказались скрыты завесой пыли. Первая шеренга солдат припала на колено, упершись штыками в землю, третья принялась перезаряжать. Солдаты во второй шеренге не спешили открывать огонь, прикрывая наставленными вперед штыками первую шеренгу.

Последнее, что Маркус видел в ходе сражения, — как всадники разделились перед углом каре, хлынули по обе стороны от него, точно потоки воды, рассеченные камнем. Не в силах завершить атаку, они принялись носиться вдоль сторон каре, бессильно молотя саблями по наставленным на них штыкам. Грянул залп второй шеренги, и еще больше коней замертво попадало на землю. После этого туча пыли из-под копыт смешалась с клубами порохового дыма, и Маркус больше ничего не мог рассмотреть. Он слышал крики сержантов «Заряжай!» и «Пли!», однако сокрушительная четкость залпов сменилась беспорядочным огнем. Солдаты падали по мечущимся целям или же вовсе наугад, в завесу пыли, надеясь, что свинец так или иначе угодит в какого-нибудь искупителя. Кое-где пелену за пределами каре разрывали вспышки ответных выстрелов, но лишь немногие всадники были вооружены пистолетами или винтовками, а тот, кто имел огнестрельное оружие, редко получал второй шанс его применить — вспышка выстрела тотчас вызывала ответный огонь десятка ворданайских мушкетеров.

Другие каре тоже вели бой. Маркус различал грохот их выстрелов, но не более — с тем же успехом они могли раздаваться где-нибудь на луне. Капитан искоса глянул на Януса. Полковник сидел, небрежно придерживая поводья, с закрытыми глазами, целиком погруженный в размышления. Лицо его сохраняло спокойное выражение, на губах играла легкая улыбка. Маркус отвел взгляд с неловким чувством, будто застал командира за неким интимным и малоприятным занятием.

Так продолжалось долго, намного дольше, чем Маркус мог предположить. Снаружи в дыму кружили хищной стаей всадники, отъезжали прочь, строились и вновь бросались в атаку — но все эти действия оставались невидимы глазу. То и дело в шеренгах падали солдаты, и их оттаскивали в центр каре — кому-то сабля отсекла пальцы на руке, какому-то парнишке винтовочная пуля раздробила локоть. Внутреннее пространство постепенно заполнялось этими бедолагами. Впрочем, искупителям пришлось тяжелее, гораздо тяжелее. Маркус, знал наверняка, что это так, но единственным подтверждением были

крики людей и предсмертное ржание коней. Ему уже начинало казаться, что орде, беснующейся снаружи, нет числа, что его солдат так и продолжают по одному выдергивать из строя, пока в непроглядном дыму не останутся только двое — он, Маркус, и Янус...

Полковник открыл глаза, и его улыбка стала шире.

— Что ж, — сказал он, — этого следовало ожидать.

Прошло несколько мгновений, прежде чем Маркус осознал, что имеет в виду Янус. Стук копыт по твердой земле затихал, удаляясь, и треск мушкетных выстрелов опадал, слабел, точно гаснущий в очаге огонь. Крики и стоны раненых, людей и животных, казались заметно громче, поскольку остались единственными звуками на поле боя. Пелена пыли и порохового дыма начала медленно рассеиваться, подгоняемая ветром, который дул с моря.

Янус резко щелкнул поводьями, и его конь рысью направился к одной из сторон каре. Один из лейтенантов поспешно растолкал солдат, чтобы дать дорогу полковнику. Маркус последовал за ним. Кони осторожно ступали между телами убитых и умирающих, устилавших землю вокруг каре, пока пыльный сумрак не сменился ярким солнечным светом. Маркус был потрясен, увидев, что солнце за это время почти не сместилось в небе. Он мог бы поклясться, что бой шел по меньшей мере несколько часов.

Повсюду, куда ни глянь, спасались бегством враги, карабкались, подгоняя коней, вверх по склону либо скакали галопом прочь по приморскому тракту — кто на запад, кто на восток. Никто из них даже на секунду не замешкался, чтобы глянуть на двух всадников в синих мундирах.

— Ну что ж, — промолвил Янус, — наши люди оказались готовы справиться с этой задачей.

Он произнес эти слова бесстрастно, словно констатировал очередной этап некоего занятного эксперимента. Помолчал с минуту, пристально вглядываясь в даль, а затем повернулся к Маркусу.

— Прикажите полку снова перестроиться в колонну. Мы покинем поле боя, отдохнем четверть часа и двинемся дальше.

— Сэр?

Люди наверняка выбились из сил. Маркуса и самого сейчас трясло от пережитого напряжения. Четверть часа на отдых — это невероятно мало.

— Мы еще не закончили, капитан. Вы же слышали донесения разведчиков. Нас ожидает вражеская пехота.

— Может, тогда разумнее будет отступить? — спросил Маркус. — Мы могли бы занять выгодную позицию к западу от...

— Нет, — отрезал Янус. — Мы должны воспользоваться преимуществом.

Маркус слегка сомневался, что у них есть преимущество. Все указывало на то, что войско искупителей составляет по меньшей мере двадцать тысяч человек, тем самым превосходя в отношении пять к одному. Конечно, это по большей части селяне и фанатики, внявшие исступленным воззваниям священников Искупления, однако двадцать тысяч — это все-таки двадцать тысяч.

— А как быть с ранеными и убитыми? — спросил он.

Янус поджал губы:

— Отрядите одну роту заняться ранеными. Убитые могут подождать до вечера.

— Есть, сэр.

Тоже, как ни крути, скверно. Людям придется не по душе, что нельзя задержаться и достойно похоронить погибших товарищей... хотя Маркус сомневался, что им вообще удалось бы хоть кого-то похоронить в этой спекшейся от жары, твердокаменной земле.

Тем не менее приказ есть приказ. Маркус отправился на поиски Фица.

Местоположение войска искупителей можно было определить по громадному облаку пыли, вздымавшемуся над приморским трактом, подобно зародившемуся на суше грозовому шквалу. Такой же шлейф пыли тянулся над ворданайской колонной, оседая в глотках солдат замыкающего батальона и обозных возчиков. Маркус украдкой поглядывал на Януса, который ехал с таким беспечным видом, словно собрался на премьеру в театр.

— Сэр... — проговорил наконец Маркус, просто на тот случай, если полковник до сих пор не заметил клубившуюся впереди пыль.

— Капитан, — отозвался Янус, — я прекрасно понимаю, что наши отношения пока еще не достигли той стадии, на которой вы были бы готовы довериться мне целиком и полностью, однако, надеюсь, вы все же в состоянии поверить, что я не слепой. — Он указал вперед, недалеко от того места, где они сейчас проезжали. — Там отрог холма, и дорога чуть отклоняется на север. Самую малость, но для нас вполне достаточно.

Еще через несколько минут полковник осадил коня, и Маркус остановился рядом с ним. Фиц, исполнявший роль адъютанта, все так же следовал за ними на почтительном расстоянии. На взгляд Маркуса, этот пустой и безжизненный отрезок тракта ничем не отличался от дороги, по которой они ехали весь день, но Янус, судя по всему, был удовлетворен.

— Подойдет, — объявил он. — Прикажите всем четырем батальонам построиться в три шеренги. Скажите капитану Стоуксу, чтобы занял место на фланге, но не отъезжал от колонны без моего приказа. Да, и, будьте любезны, отыщите мне капитана Вакерсона.

Маркус кивнул, все еще борясь с неприятной пустотой в желудке, и принялся передавать приказы Фицу. Скоро повсюду поднялась густая пыль, из которой доносились выкрики и лязг железа — звуки построения. Преобразование колонн в три длинные шеренги не обошлось без обычных заминок и некоторого беспорядка, и Маркус морщился всякий раз, когда какой-нибудь сержант в гневе давал волю языку. Впрочем, если Янусу и бросились в глаза огрехи построения, он ничем не выказал своего недовольства.

Явился капитан Вакерсон — или Пастор, как звали его все ветераны Колониального полка, — пеший и покрытый пылью с головы до пят. Он сухо отдал честь.

— Благослови вас Бог, сэр, — проговорил он, сняв остроконечное артиллерийское кепи. Вакерсон был тощий как жердь, длинные жилистые руки покрыты следами старых пороховых ожогов. Волосы у него на макушке изрядно поредели, образовав некое подобие монашеской тонзуры, зато буйная борода и усы пребывали в целости и сохранности. Он носил на шее бронзовый двойной круг — символ церкви, нестерпимо сверкавший всякий раз, когда на него падало солнце.

— И вас, капитан, — торжественно отозвался Янус. — Размещайте орудия. Половину батареи на фланге и внешних промежутках. Центр оставьте мне.

— Есть, сэр! — отчеканил Пастор. — Как только осядет пыль, у нас будет превосходный сектор обстрела.

— Что касается обстрела, — сказал Янус, — вам нельзя открывать огонь до тех пор, пока не вступит в действие пехота. Зарядите двойной картечью и ждите моего приказа, вам ясно?

— Сэр? — Капитан нахмурился, но тут же перехватил выразительный взгляд полковника. — Так точно, сэр. Я за этим прослежу.

Янус кивнул и, когда артиллерист торопливо зашагал прочь, искоса поглядел на Маркуса. Тот изо всех старался сохранить безучастное выражение лица, но полковник, судя по всему, видел его насквозь.

— Не одобряете, капитан?

— Просто подумалось, сэр, что несколько выстрелов с пятисот ярдов могли бы снизить наступательный темп противника.

— Безусловно, могли бы... но этого ли мы хотим добиться? — Янус одарил его сдержанной усмешкой. — Доверьтесь мне, Маркус. Имейте терпение.

— Есть, сэр. — Капитан краем глаза заметил знакомую фигуру, пробирающуюся к голове колонны. — С вашего разрешения, я отлучусь на минуту.

Мисс Алхундт оказалась на удивление неуклюжей наездницей, как и Маркус. Он направил Мидоу к ее низкорослой хандарайской лошадке и поехал рядом. Посланница Орланко была, как обычно, в коричневом жакете и брюках, туго заплетенная коса свернута и подколота на затылке. Стекла ее очков густо запорошила пыль, и женщина протирала их тыльной стороной ладони — без особого, впрочем, успеха.

— Мисс Алхундт, — сказал Маркус, — чем, собственно говоря, вы тут занимаетесь?

— Наблюдаю, — ответила она. — Его светлость направил меня сюда в качестве наблюдателя, и, дабы соответствовать этому назначению, я должна следить за происходящим, не так ли?

— Ну так ведите наблюдения в арьергарде. Передовая позиция — не лучшее место для... — Маркус едва не сказал «женщины», но вовремя почувствовал, что собеседницу такой довод вряд ли убедит, — для штатского.

— Из арьергарда ничего не разглядишь. Я не боюсь опасности, капитан.

— Это вам не театр! — отрезал Маркус. — Через несколько минут здесь будут гибнуть люди!

Женщина лишь кивнула, явно ничуть не впечатленная его словами.

— К тому же, — продолжал Маркус, — если враг прорвет наш строй...

— Мне будет безопаснее в арьергарде? — Мисс Алхундт красноречиво вскинула бровь. — Вряд ли, разве что вы полагаете, будто искупители пренебрегут возможностью разграбить обоз. По сути, близость передовой позиции гарантирует, что в случае нашего поражения я буду убита на месте, что для меня, честно говоря, гораздо предпочтительнее другого исхода.

— Но...

— Все в порядке, капитан, — прозвучал за спиной у него голос Януса. — Это я попросил мисс Алхундт присоединиться к нам.

Маркус развернулся в седле.

— Вы?!

— Конечно. — Полковник натянуто улыбнулся. — Мне не хотелось бы, чтобы Министерство информации сочло, будто я пытаюсь что-то утаить.

На лице мисс Алхундт отразилось упрямство, и она явно собралась возразить, но полковник опередил ее:

— Мисс Алхундт, вы ведь, полагаю, прибыли сюда напрямик из обоза?

Женщина кивнула, заметно смешавшись:

— Ну... да, а что?

— Не довелось ли вам, случайно, заметить, что поделывает его высочество принц Эксоптер?

Губы мисс Алхундт дрогнули.

— Насколько я помню — прячется. Едва нас атаковала кавалерия искупителей, он поспешил скрыться в своей огромной повозке и с тех пор не выходил оттуда.

— Понимаю. Жаль. — Янус искоса глянул на Маркуса. — Я, видите ли, пригласил и его высочество стать свидетелем того, что здесь произойдет. Думаю, зрелище будет крайне поучительное.

«Мне бы хоть половину его уверенности». Маркус оглянулся на колонну, в которой еще продолжалось построение. Пастор разместил орудия в промежутках между батальонами, и сейчас несколько его подчиненных отводили отряд на безопасное расстояние, а прочие приступили к заряданию пушек. Картечный снаряд отчасти смахивал на жестяное ведро, сплющенное и запаянное с обоих концов, и, когда канонир забивал такой снаряд в дуло орудия, эта процедура сопровождалась металлическим дребезгом и лязгом.

Едва построение завершилось и полк замер в тишине, все взоры тотчас устремились на восток, где с каждой минутой росла туча пыли, катившаяся перед вражеским войском. Когда порыв ветра проделывал брешь в пыльной завесе, можно было даже разглядеть это войско — бурлящую черно-бурую массу, которая заполонила узкую равнину, от прибрежной полосы на севере до подножия южной гряды холмов.

Казалось, что хандарайской армии нет конца, — если, конечно, это и впрямь могло называться армией. По большому счету, подумал Маркус, вряд ли. Скорее уж это была именно толпа — ни отдельных частей, ни каких-либо признаков организации, попросту гигантское человеческое море, подгоняемое страстным желанием поскорей схватиться с врагом. То в одном, то в другом месте Маркус различал священников Искупления, с головы до пят облаченных в черное, — они шли, пятясь, лицом обратившись к своей пастве, чтобы и на ходу без помех произносить пламенные речи.

Солдаты Искупления при иных обстоятельствах могли вызвать разве что смех — столичные отбросы, бедолаги, обитавшие в перенаселенных трущобах Эш-Катарiona, призванные в бой речами

священников, сулившими воздаяние в этой жизни и щедрую награду в следующей. Вооружены они были тем, что попало под руку. Помимо мечей и копий, редких мушкетов и короткостволок, мелькали мотыги, кирки и дубинки.

И, однако же, этих людей было очень много — двадцать тысяч, по данным разведки. Маркус не мог подсчитать, но казалось, что войско бесчисленно. Узкую, всего около мили между берегом моря и горами, равнинную полосу вокруг тракта полностью покрывали хандараи, словно туча саранчи. Атака их попросту затопит узкий ворданайский строй, а если центр и выстоит, фланги останутся уязвимыми для удара. Искупителям не составит труда обойти сбоку длинные шеренги синих мундиров и атаковать с тыла.

Маркус подумал, что было глупо покидать форт. Древние, сложенные из песчаника стены, возможно, не устояли бы против современно оснащенной армии, но, уж верно, смогли бы выдержать натиск такой вот толпы. Сейчас, на открытой местности, врагу ничто не мешало воспользоваться численным преимуществом.

Передний край искупителей между тем приблизился на расстояние выстрела дальнобойных пушек. Кое-кто из хандараев явно знал об этом, и словно рябь прошла по всему громадному войску, когда некоторые воины замерли, насторожившись, ожидая увидеть вдали клубы дыма и услышать свист пушечных ядер. Не дождавшись ничего подобного, они вновь двинулись вперед, подгоняемые теми, кто шел следом.

Расстояние между двумя армиями неотвратимо сокращалось. Когда стало очевидно, что ворданаи не собираются открывать огонь, искупители заулюлюкали и священники в черном снова завели свой причудливый пронзительно-высокий напев. Орда ринулась вперед.

Янус еще раньше оставил при себе двух лейтенантов, чтобы использовать их в качестве посыльных, и сейчас пальцем поманил их к себе.

— Я лично отдам приказ открыть огонь, — сказал он. — Позаботьтесь донести это до каждого. Всякий, кто начнет стрелять раньше времени, понесет суровое наказание.

Молодые люди бросились выполнять приказ. Маркус проводил их взглядом и вновь повернулся к наступающей орде. Хандараи были теперь на расстоянии пушечного выстрела. Орудиям Пастора следовало бы уже обрушивать на них первые залпы, пробивать гигантские бреши в этой скученной толпе, уничтожать врагов десятками. Вполне вероятно, что этого оказалось бы недостаточно, — Маркус смутно подозревал, что в таком положении чего угодно оказалось бы недостаточно, — но и это было бы уже кое-что. Янус, однако, приказал

зарядить пушки двойной картечью — двумя порциями свинцовых мушкетных шариков, туго набитых в тонкую металлическую оболочку. Взрыв такого снаряда напоминал залп гигантского дробовика. На близком расстоянии последствия были бы чудовищны — но приказа открыть огонь не поступило, и Маркус с содроганием думал об упущенной возможности.

Священники двигались впереди человеческого вала, вдохновляя воинов песней и примером своего бесстрашия. На их пути оказался крутой откос, но это почти не замедлило продвижения искупителей. Передние ряды, состоявшие из самых кровожадных фанатиков, оцетинились сплошным частоколом острой стали.

Маркус бросил взгляд на своих солдат. Батальоны, построены в три шеренги, стояли неподвижно, точно статуи, держа на изготовку уже заряженные мушкеты. То один, то другой солдат с тревогой оглядывался назад, точно желая убедиться, что путь свободен, — на случай, если придется в спешке уносить ноги. Сержанты, рыскавшие между рядами, поднимали крик, если кто-нибудь вертел головой чересчур увлеченно.

Пока что держатся, подумал Маркус, но надолго ли их хватит? Мор не единственный, кто прикинул соотношение сил. Ветераны Первого колониального вряд ли выжили бы в Хандаре, если бы ввязывались в заведомо проигрышные сражения. Что до новобранцев — Маркус прекрасно помнил смесь гордости и ужаса, которая охватила его в первом бою. Гордость какое-то время поможет им сохранять выдержку, но если чаша весов качнется в сторону ужаса, то и гордости, и выдержке придет конец. И когда это случится, дрогнет и отступит весь строй.

Полковник смотрел на неумолимо приближавшихся врагов, и серые глаза его сияли, а лицо не выражало ничего, кроме безмятежной уверенности. Здесь, на поле боя, он казался совершенно другим человеком, словно одержимым неким загадочным безумием. Вал, помнится, предупреждал, что в полку поговаривают, будто Янус не в своем уме. Маркус тогда не придавал значения этим словам, поскольку солдаты то же самое думали практически о каждом офицере, чье решение приходилось им не по вкусу. Однако сейчас, при виде сияния этих огромных глаз...

Маркус тайком покосился на мисс Алхундт — и обнаружил, что она тоже не сводит глаз с полковника. Когда женщина обернулась, взгляд ее встретился со взглядом Маркуса, и на краткий миг между ними вспыхнула искра понимания. «Она видит то же самое. — Маркус похолодел от страха. — Если Янус и впрямь безумен, теперь уже

поздно, слишком поздно что-то предпринимать, кроме как удариться в бегство...»

Крики испугателей снова привлекли внимание Маркуса к тому, что происходило впереди. Противник приступил к броску слишком рано — Маркус уже отметил эту ошибку, обычную для неопытных воинов. Оценить дистанцию на глаз не так-то просто, а солдаты всегда не прочь рвануть во всю прыть. Теперь бежавшие сбавляли темп или переходили на шаг, теснясь и толкаясь под напором катившейся сзади живой волны. Изредка группки людей застывали, напуганные безмолвной стеной синих мундиров и видом готовых к бою пушек. Большинство, однако, двигалось дальше и, сократив дистанцию до двухсот ярдов, снова переходило на бег. Усердно топали сотни, тысячи ног. Сто ярдов.

Маркусу хотелось пронзительно закричать: «Огонь!» Если повезет, они успеют дать два залпа. Пушки устроят чудовищную жатву в рядах противника. И тем не менее он не издал ни звука.

В воплях хандараев зазвучало торжество. Передний край наступающей орды рассыпался — люди помчались сломя голову, неистово размахивая оружием. Им оставалось одолеть каких-то сорок ярдов. Даже безмятежная обычно Мидоу шарахнулась от этих воплей, конь мисс Алхундт опасливо попятился, и только Янус твердой рукой опытного наездника удержал своего скакуна на месте. Ворданайские солдаты даже не примкнули штыков. Будет бойня...

Маркус в отчаянии повернулся к полковнику — и обнаружил, что Янус смотрит на него. Серые глаза полковника искрились, в уголке рта играла едва различимая усмешка.

— Огонь, — промолвил Янус.

— Огонь! — проревел Маркус.

Эхо его крика потонуло в треске мушкетов. Это был не грохот общего залпа, но стремительный, нарастающий рокот выстрелов, которые, начавшись в центре колонны, раскатились по флангам, точно пламя, бегущее по фитилю. Полсекунды спустя Маркус услышал, как басовито, в унисон, рывкнули пушки.

«Двойная картечь с десяти ярдов. Святые угодники!» — даже в воцарившемся вокруг хаосе и страхе Маркус уловил мгновение, чтобы пожалеть наступающих. Картечный снаряд, сплюснутый и запаянный с двух сторон, при выстреле распался, выбрасывая наружу начинку из полудюймовых свинцовых шариков — точь-в-точь великанскую пригоршню дроби. Скорость шариков была такова, что они сохраняли убойную силу на расстоянии до пятисот ярдов; с тридцати футов они обрушатся на врага, точно молот Божий.

Секунду или две Маркус ничего не мог разглядеть, кроме вспышек мушкетных выстрелов и клубов порохового дыма. Когда грохот унялся, вместе с ним затихли и кровожадные вопли искупителей, и на миг оба войска погрузились в невероятную, мертвую тишину. Затем, словно по команде, воздух наполнился криками раненых, душераздирающими, словно вой адских полчищ.

Залп рассек ряды искупителей, как коса жнеца рассекает ряды спелых пшеничных колосьев. Землю перед ворданайским строем в несколько слоев устлали трупы вперемешку с ранеными и редкими счастливыми, которым чудом удалось уцелеть. Там, где стояли орудия, подобного везения не наблюдалось, как не наблюдалось, по сути, даже трупов. Куски человеческих тел, руки, ноги, размозженные головы валялись там, словно части разломанных кукол, — останки тех, кого разорвало в клочья десятками свинцовых шариков. На долю секунды можно было отчетливо различить полосу обстрела каждого орудия — гигантский конус тел, словно сбитых наземь взмахом огромной метлы, и живых, которые замерли в оцепенении по обе стороны этого конуса.

Внемля выкрикам офицеров, солдаты в синих мундирах не стали тратить время на то, чтобы полюбоваться делом рук своих. Загрели шомпола — все три шеренги перезаряжали мушкеты. Солдаты действовали по-прежнему слишком медленно, и хороший бегун, промчавшись опрометью по устланной трупами земле, успел бы добраться до них прежде, чем начнется стрельба, — однако никому из хандараев такое даже в голову не пришло. Менее чем через минуту мушкеты вновь открыли огонь, уже не все разом, а поочередно, под выкрики лейтенантов: «Пли!» Вновь и вновь дымовую завесу разрывали вспышки розовато-желтого огня, и Маркус опять услышал крики раненых и умирающих.

Казалось, все держится на волоске, на некоем равновесии между оцепенением уцелевших хандараев в первых рядах орды и напором задних рядов, еще не растерявших боевого духа, защищенных от убийственного огня расстоянием и трупами соратников. Второй залп разорвал этот невидимый волосок, равновесие нарушилось, и люди ударились в бегство. Одни помчались куда глаза глядят, другие бросились напрямик на своих истязателей. Иные, не в силах преодолеть людской поток, неумолимо напиравший сзади, побежали вдоль ворданайского строя, словно механические утки в тире. Третий залп унес жизни тех немногих, кто пытался добраться до линии синих мундиров. Пушки одна за другой изрыгнули вторую порцию смертоносных зарядов. Пастор наводил орудия в самую толчею, туда, где беглецы

из передних рядов бились о напирających сзади, — и картечь валила тех и других десятками.

Теперь уже никто не пытался добежать до ворданаев и даже не рвался вперед. Все громадное войско ударилось в бегство, и паника распространялась с быстротой морового поветрия, пока даже те, до кого не донесся запах пороха, не побросали оружие, чтобы бежать налегке. Одни только священники в черном пытались остановить бегущих, но мало кто внимал их призывам. Одна группка священников затянула уже знакомый, высокий и пугающе чистый напев, и этот звук задел некую струну в душах воинов Искупления. Вокруг поющих священников начали собираться люди, и горстка их росла на глазах, поскольку первые храбрецы, не церемонясь, хватали в охапку перетрусивших соратников и принуждали развернуться лицом к врагу. Так продолжалось до тех пор, пока вся эта сцена не привлекла внимание Пастора. Одно из орудий рывкнуло, исторгнув шквал огня и металла. Пастыри в черном и окружавшие их воины превратились в кровавое месиво, и беспорядочное отступление возобновилось с новой силой.

Полковник снова повернулся к Маркусу. Усмешка на его лице исчезла бесследно, но глаза по-прежнему искрились.

— Прикажите солдатам примкнуть штыки и наступать. Не ослаблять натиска. Возможно, противник еще попытается закрепиться возле своего лагеря. — Уголок его рта снова дрогнул в едва заметной усмешке. — Да, и передайте кое-что капитану Стоуксу. Скажите, что я спускаю его с поводка. Скажите... — Янус сделал паузу, — чтобы задал им жару.

Даже в полумиле от поля боя, когда сцена чудовищного побоища осталась позади, равнину повсеместно усеивали трупы искиупителей. Одни, раненые, бежали, сколько хватало сил, и здесь упали, испустив дух, других зарубили кавалеристы Зададим Жару. Янус приказал не трогать тех, кто станет просить пощады, но таких оказалось немного — хандарай предпочитали полагаться больше на свои ноги, чем на милосердие чужеземцев.

Маркус ехал медленно, пребывая в каком-то оцепенении. То, что совсем недавно длилось как будто целую вечность, сейчас чудилось краткой вспышкой, мгновенным переходом из одного состояния в другое. Считанные минуты отделяли верную гибель от полной победы. Солдаты словно и не заметили этого рубежа, с ликующими криками устремившись в погоню за хандараями, но Маркус был не в состоянии последовать их примеру.

Он не мог знать наверняка! Мысль эта донимала и мучила, словно сломанный зуб, неприятная, но совершенно неотвязная. Он не мог знать наверняка. Был один момент, краткий миг, после того как отгремел первый залп. С полминуты или около того, когда ворданайский строй не был защищен ничем, даже штыками. Если бы хандараи смогли завершить атаку, этот строй разлетелся бы вдребезги, как стекло. Спасай свою шкуру, и плевать, что будет. Маркус точно знал, что он и сам был на волосок от того, чтобы вонзить шпоры в бока Мидоу и поскакать куда глаза глядят. Быть может, именно потому он так и терзался.

Ничего подобного, конечно же, не произошло. И все же он не мог знать, что хандараи дрогнут. Знать наверняка — не мог. Янус метнул кости, и ему выпали шестерки, но при мысли о том, что все могло выйти иначе, Маркусу становилось тошно.

Хуже того, он так и не понял — зачем? Зачем нужно было так долго сдерживать огонь? Зачем вообще нужно было разворачивать полк, чтобы встретить лицом к лицу эту бесчисленную орду? Маркусу хотелось решительно подойти к полковнику и потребовать ответа... но это невозможно. Полковники не обязаны разъяснять свои стратегические планы подчиненным.

Если он до сих пор был чрезмерно уверен в себе, то теперь его уже ничто не остановит. Маркус припомнил странный блеск в серых глазах Януса — и содрогнулся. Он не мог знать наверняка. И все же действовал так, как будто знал.

— Вас что-то беспокоит, капитан.

Маркус только сейчас осознал, что рассуждает вслух, а рядом едет мисс Алхундт. Он поднял взгляд на ее запыленные очки и выдавил натужную улыбку:

— Извините, мисс Алхундт. Я вас не заметил.

Женщина махнула рукой:

— Вы были чем-то поглощены. Я просто поинтересовалась, чем именно.

— Устал, — сказал Маркус. — Просто устал.

И это была чистая правда. Энергия вытекла из него, как вытекает вода из ванны, когда выдергивают пробку, осталась только невыразимая пустота. Маркус мечтал сейчас только о том, чтобы отыскать какую-нибудь койку и забыться сном, — и это несмотря на то, что день едва перевалил за середину. Увы, пока он не мог себе такого позволить. Слишком многое предстояло еще сделать. Курьеры уже отправились к батальонам с его приказом — перегруппироваться по краям лагеря искупителей и выставить часовых, пока специально выделенные отряды будут сгонять пленных. Маркус не желал допускать разнузданного насилия

над гражданскими, и по крайней мере в этом Янус с ним согласился. Утомительные, тягостные хлопоты по уходу за ранеными и погребению погибших затянутся, как обычно, дотемна.

Конь мисс Алхундт изящно переступил через валявшегося на дороге мертвеца — тот лежал ничком, и спина его была разрублена до костей кавалерийским палашиком.

— Должна вам признаться, что, когда искупители оказались слишком близко, я усомнилась в нашем успехе. Ситуация показалась мне чрезмерно рискованной. Впрочем, — добавила женщина, перехватив взгляд Маркуса, — я отнюдь не знаток военного дела.

Губы капитана дернулись. Он не сказал ни слова, но мог поклясться, что собеседница прочла по его лицу все, что было ей нужно.

— И вместе с тем, — продолжала она, — это безусловная победа. Даже его светлости, скорее всего, не к чему будет придраться.

«Так, — подумал Маркус, — с меня довольно».

— К чему вы клоните, мисс Алхундт? Чего вы хотите от меня?

— Я хочу знать, кому и чему вы преданы.

— Как обычно, — проворчал Маркус. — Королю, стране и своему командованию.

— Именно в такой последовательности?

— Я не намерен играть с вами в словесные игры.

— Это не игра, капитан. Мне нужна ваша помощь.

На мгновение — всего лишь на краткий миг — Маркусу почудилось, что мисс Алхундт говорит искренне. Она улыбалась все так же скромно, однако в глазах таилось иное выражение. То был взгляд человека, замершего на краю бездонной пропасти. Затем женщина отвернулась.

— Что это? — проговорила она.

— Где?

— Вон там, — указала она рукой. — Видите — дым. Может, там тоже шел бой?

Маркус поднял глаза. Впереди, за следующим изгибом дороги, поднимался столб дыма. Не серый с примесью белого пороховой дым, который в любом случае тянулся бы вдоль земли, как туман. Нет, это был густой черный дым от горящего дерева, холстины, повозок, амуниции, одеял...

— Зверя мне в задницу! — прорычал Маркус, посылая Мидоу в галоп. — Во что это такое они вляпались?